

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный журнал

Том 1 (67) №1

**Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.**

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2015**

**Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол №12 от 16 сентября 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Ищенко Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф. к
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать 21.12.2015. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Заказ № НП/4
Отпечатано в издательском отделе КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 811

НУЖЕН ЛИ ЯЗЫКОВОЙ КОДЕКС?

Богданович Г. Ю.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: bogdanovich@crimea.edu*

Языковая личность в поликультурном социуме выражает отношение к норме по-разному. Выработка принципов корпоративной солидарности, в основе которой языковая подготовка, способствует повышению имиджа учебного заведения.

Ключевые слова: языковой кодекс, полилингвокультурная ситуация, лексический минимум, языковые нормы, языковая личность.

ВВЕДЕНИЕ

Лексические единицы любого языка, как правило, обобщаются, обрабатываются, систематизируются и описываются в различных лексикографических источниках. Широко известны словари толковые, терминологические, деривационные, синонимов, омонимов, антонимов, паронимов, иностранных слов, фразеологические, двуязычные и многоязычные, орфографические, акцентологические и многие другие [1]. Вместе с тем кодированность, как одно из основных свойств живого языка, напрямую связана с его (языка) устройством, правилами и нормами организации и использования. Для фиксации этих особенностей существуют различные грамматики, справочники, энциклопедии, учебники, пособия и другая научно-методическая и популярная литература.

Актуальность. Язык, употребляясь в письменной и устной форме, подвергается различным трансформациям и преобразованиям, чутко реагируя, с одной стороны, на социально-политическую ситуацию общества, с другой стороны, на статус носителей этого языка. Однако нормированность в любом случае обеспечивает существование литературного языка в различных его разновидностях. Таким образом, под современным литературным языком принято понимать строго нормированную и кодифицированную форму общенародного национального языка.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Познавая мир, человек знакомится с лексикой, изучая слова и пополняя свой словарный запас. Так, для успешной коммуникации на начальном этапе следует освоить своеобразный лексический минимум, который обычно состоит из различных по тематике слов [2]. И этот минимум будет существенно отличаться для носителей языка и для тех, кто изучает любой язык самостоятельно. Существуют различные методики и технологии, с помощью которых освоение языка обучения и языка изучения предполагает определенную динамику [3]. В этом деле немаловажная роль отводится текстам, которые должны быть в меру сложными, методически выдержанными, а главное – интересными для обучающихся.

Считается, что, заканчивая среднюю общеобразовательную школу, выпускник в достаточной мере освоил родной язык и ему не надо развивать свой словарный запас. В идеале – это, наверное, так. Однако в реальности ситуация совсем иная. Те обучающиеся, которые привыкли читать, как правило, понимают, как должна быть построена речь, какие слова следует употреблять в определенных ситуациях, а от каких следует воздержаться. У этой категории людей присутствует отношение к нормоупотреблению, они задумываются над тем, чтобы речь (письменная и устная) была красивой и грамотной. Вместе с тем всегда найдется группа людей, которая не захочет отказаться от сленга, жаргонов и другой сниженной лексики то ли в угоду моде, то ли чтобы казаться современным и не отличаться от рядом находящихся, то ли неспособных по-другому строить свои высказывания. В любом случае для таких носителей языка должна быть обозначена своя программа отношения к языку коммуникации. Здесь главным будет забота о чистоте языка, формирование культуры разговорной и письменной речи в различных ее проявлениях. Только словарями и справочниками в этом случае уже не обойтись. Помимо желания говорить правильно, грамотно и красиво, нужна соответствующая мотивация, подкрепленная просветительской работой специалистов.

«Популярно о языке и коммуникации» – такая рубрика, представленная различными в жанровом исполнении текстами, может быть постоянной в информационном пространстве. В данном случае важно в научно-популярном стиле с определенной долей регулярности говорить о важности языка, особенности его употребления, вариантах использования, нормативности написания и произношения, тенденциях современного состояния, коммуникативных возможностях, лингвистической закономерности и стабильности. Конечно, материалы, представленные одновременно на радио, в телепередачах, печатных и интернет-ресурсах, способны привлечь внимание многих пользователей-слушателей-зрителей-читателей, однако важно, чтобы на определенной территории презентация подобных материалов была ожидаемой, интересной и занимательной, рассчитанной на разную целевую аудиторию.

Известно, что идентификация и самоидентификация личности строится на основе языка. По данным Всекрымской переписи населения, осуществлявшейся в Республике Крым и Севастополе с 14 по 25 октября 2014 года и опубликованной Росстатом, на территории Крыма проживают представители 175 различных этносов, имеющих свою культуру, свой язык. Самые большие национальные общины –

русские (68% населения), украинцы (почти 15,7%) и крымские татары (около 12%). Другие национальности в Крыму составляют до 4% населения. Из них самые многочисленные – это белорусы (21,7 тыс. человек, 1%) и армяне (11 тыс. человек, 0,2%). От одной до пяти тысяч человек в Крыму – это такие национальные группы, как азербайджанцы, узбеки, молдаване, евреи, корейцы, греки, поляки, цыгане, чуваша, болгары, немцы, мордвы, грузины и турки. Менее одной тысячи человек в Крыму входит в национальные группы таджиков, марийцев, башкир, удмуртов, осетин, казахов, арабов. Кроме того, в Крыму насчитывается 535 караимов, 228 крымчаков. Таким образом, по данным Росстата, перепись зафиксировала в Крыму 2 млн 284 тыс. жителей, из них 96,2% указали свою национальную принадлежность.

Государственным языком Российской Федерации – русским – в Крымском федеральном округе владеет 99,8% населения, ответившего на вопрос о владении языками. На вопрос о родном языке 84% населения ответили, что их родным языком является русский, 8% – крымскотатарский, 4% – татарский и 3% – украинский язык. Родным языком русский назвали 79,7% украинцев, 24,8% татар и 5,6% крымских татар.

Данные статистики убедительно свидетельствуют о том, что на территории полуострова именно русский язык выполняет функции языка коммуникации. Своеобразная полилингвокультурная ситуация зафиксирована и в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского, где так же, как и в Крыму в целом, обучаются представители разных национальностей, в том числе иностранные граждане. Поскольку язык коммуникации молодого поколения всегда отличается своей спецификой и именно в этой аудитории формируются основы будущего современного общества, роль словесника приобретает особую значимость. Интеллигентный, образованный человек обязан быть грамотным, получив диплом не только по направлению подготовки «филология». В связи с этим возрастает роль дисциплин, связанных с изучением русского языка и культуры речи, риторики, речевого этикета, деловой и научной коммуникации и др., на направлениях подготовки нефилологического профиля.

Парадигма языкового образования многокомпонентна. Для того чтобы правильно выстроить парадигму языкового образования, важно:

- изучать лингвокультурную ситуацию региона;
- опираться на продуманную языковую политику, в т.ч. к государственным языкам;
- формировать лингвокультурологическую компетенцию учащихся;
- правильно выбрать методику преподавания языка изучения и языка обучения;
- формировать культуру устной и письменной речи;
- создать научно-методическую базу (учебники, учебные пособия, словари, справочники, дидактический материал);
- обозначить кодекс языковой компетентности личности.

Приоритетом для изучения полилингвокультурной ситуации можно считать компетентностно ориентированное языковое обучение. На основе регенерирующей функции русского языка создается определенный лексический минимум для учебных целей. Обозначенная методика дает возможность лучше усвоить

доминирующие языки Крыма, помочь желающим изучить представленные языки, сформировать научно-методическую базу для дальнейшего развития этих языков как объекта изучения, объекта обучения, объекта успешной коммуникации. Этот своеобразный лингвистический феномен для полилингвокультурной ситуации может найти применение и в других регионах, и в этом случае будет полезен опыт составления трехязычных словарей, предназначенных для компактно проживающих носителей того или иного языка.

Наряду с языковой подготовкой, существенным считаем формирование интереса к истории родного края, географии, культуре и другим достопримечательностям полуострова. Культурно-национальная специфика региона во многом проявляется через язык, через тексты, на которых строится обучение. Эти тексты могут быть как адаптированными, так и авторскими, принадлежащими известным писателям, поэтам, деятелям культуры. Показательно в этом смысле, например, стихотворение известной советской поэтессы Ю. В. Друниной:

*Ялта Чехова
Брожу по набережной снова.
Грустит на рейде теплоход.
И прелесть улочек портовых
Вновь за душу меня берёт.
Прохладно, солнечно и тихо.
Ай-Петри в скудном серебре.
... Нет, не курортною франтихой
Бывает Ялта в январе.*

*Она совсем не та, что летом, –
Скромна, приветлива, проста.
И сердце мне сжимает эта
Застенчивая красота.*

*И вижу я всё чаще-чаще,
В музейный забредая сад,
Бородку клином, плащ летящий,
Из-под пенсне усталый взгляд...*

Для того чтобы владеть приемами грамотной речи, необходимо знать правила речевого этикета – особенности употребления тех или иных формул в различных жизненных ситуациях. Культурно-национальная специфика Крымского федерального округа, безусловно, будет характеризоваться своими особенностями, знание и умение пользоваться которыми во многом определяет бережное отношение к разнообразному языковому материалу в том числе.

Без этической составляющей русской речи сложно представить образованного человека, который стремится быть грамотным.

ВЫВОДЫ

Многие из отмеченных в настоящем тексте позиций предполагают их подробное изучение, описание и устройство. Человек сознательно пытается упорядочить свою жизнь, создавая законы, своды правил, кодексы и другие систематизирующие документы, позволяющие членам социума динамично двигаться вперед, адаптируясь в современных условиях. Известны этический кодекс, кодекс студента, кодекс библиотекаря, кодекс чести, нравственный кодекс, кодекс корпоративной культуры, этический кодекс журналиста и т.д. Думается, что документы подобного рода будут способствовать формированию уважительного отношения друг к другу членов коллектива, выработке принципов корпоративной солидарности и повышению имиджа организации. В основе этой работы непременно должна быть языковая личность, человек, умело использующий все возможности и богатства языка во всех его проявлениях.

Список литературы

1. Грамота-РУ – справочно-информационный портал «Русский язык для всех» – <http://gramota.ru/slovari> - 12.12.2015 г.
2. Маркина Е. И. Лингводидактические основы разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному: дисс... канд. пед. наук / Е. И. Маркина. – М., 2011. – 235 с.
3. Новикова Т. Ю. От фильма «Крым. Рапсодия природы. Времена года» к электронному трёхязычному пособию «Учим вместе»/ Т. Ю. Новикова // Методические студии – 2015: сборник научно-методических работ. – Симферополь, 2015. – С. 160-165.

WHETHER THE LANGUAGE CODEX?

Bogdanovich G. Yu.

Linguistic identity in a policultural society expresses respect to the norm in different ways. Development principles of corporate solidarity based on language training, contributes to the image of the school.

Keywords: language code, polilingvocultural situation, lexical minimum, linguistic norms, linguistic personality.

УДК 070

БОРЬБА ЗА КРЫМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Мащенко А. П.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: amas69@mail.ru*

Крым находится на перекрестке цивилизаций, религий, культур. Борьба за полуостров идет уже несколько тысячелетий и не прекратится никогда. Она разворачивается в самых разных сферах: политической, военной, экономической, культурной, информационной. Без этого уходящего в глубину тысячелетий бэкграунда невозможно понять ни воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года, ни последующую реакцию международного сообщества в виде политических и экономических санкций и блокады «мятежного полуострова».

В статье прослеживается политическая и информационная борьба за полуостров, начиная с древнейших времен. По мысли автора, с одной стороны, эта борьба отражается в искусстве, литературе, средствах массовой информации. А с другой, часто искусство, литература и СМИ становятся площадками, на которых эта борьба разворачивается. Доказательством тому – художественная литература, публицистика, материалы средств массовой информации.

Ключевые слова: Крым, Россия, цивилизация, религия, культура, литература, средства массовой информации.

ВВЕДЕНИЕ

Крым издревле находится на перекрестке цивилизаций, религий, культур. С одной стороны, это завидное место в центре всеобщего внимания. С другой – всегда слишком много желающих его занять: киммерийцы, греки, скифы, сарматы, римляне, готы, гунны, гунуэццы, татаро-монголы, турки, русские, англичане, французы, немцы, украинцы, американцы.

Борьба за полуостров идет уже несколько тысячелетий и не прекратится никогда. Она разворачивается в самых разных сферах: политической, военной, экономической, культурной, информационной. И, соответственно, оружие в этой борьбе – не только мечи, арбалеты, мушкеты, пушки, корабли, самолеты, но и легенды, мифы, романы, рассказы, стихи, репортажи, информационные сообщения и аналитические статьи.

Без этого уходящего в глубину тысячелетий бэкграунда невозможно понять ни воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года, ни последующую реакцию международного сообщества в виде политических и экономических санкций и блокады «мятежного полуострова».

Именно этими обстоятельствами в первую очередь и определяется актуальность предпринятого нами исследования, ведь сегодня Крым, его судьба, его будущее, без преувеличения, находятся в центре внимания не только России, но и всего мира. Цель нашей статьи – проанализировать ход политической, военной,

экономической, культурной, информационной борьбы за Крым и ее отражение в литературе, культуре, средствах массовой коммуникации.

Задачи:

- очертить ход борьбы за полуостров, начиная с древнейших времен;
- привести примеры отражения этой борьбы в литературе и средствах массовой информации;
- определить причины, по которым Крым издревле находится в центре внимания ведущих мировых держав;
- выявить роль и место в этих процессах средств массовой информации;
- поместить события Крымской весны и их описание, осмысление в средствах массовой информации в контекст исторической борьбы за полуостров.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Крым попал в поле зрения европейской цивилизации очень давно. Первые греческие города возникли здесь еще в VI-V веках до нашей эры. Колонисты из Милета основали Пантикапей и Феодосию, а выходцы из Гераклеи Понтийской – Херсонес. Всего же в те стародавние времена в Тавриде существовали десятки греческих поселений – полисов. Таким образом, полуостров был пусть и отдаленной, но неотъемлемой частью античного мира, из которого потом в значительной степени выросла современная западная цивилизация.

Не будет преувеличением сказать, что уже в те годы шла борьба за Крым между двумя разными мирами, которые условно можно назвать Западом и Востоком: крупные опорные пункты на побережье принадлежали грекам, а в степях полуострова господствовали кочевые народы. Столкновения между ними были неизбежны: на протяжении нескольких столетий Боспорскому царству и Херсонесу приходилось регулярно воевать со скифами, сарматами, готами, гуннами и другими кочевниками.

Античные греки не только создали в Тавриде свои города-государства, но и сделали полуостров частью мирового культурного, литературного и медийного пространства. Так, упоминания о Киммерии можно обнаружить уже в «Илиаде» и «Одиссее», которые обычно датируются IX-VIII веками до нашей эры. В «Одиссее» этот край описывается как грустная область, покрытая вечно влажным туманом и тучами:

*«Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих» [4, с.541].*

И, собственно говоря, уже здесь можно усмотреть начало формирования в западной культуре негативного образа Крыма как губительного места – в том числе, места, где рушатся мечты западных держав о мировом господстве. Так будет в годы

Крымской (Восточной) войны, затем в годы Первой и Второй мировой войн, так происходит и сегодня.

Однако вернемся пока назад, в прошлое.

Таврида, наряду с Колхидой, является местом действия и другого знаменитого мифа - об аргонавтах. Древнегреческий драматург Еврипид в V веке до нашей эры пишет драму «Ифигения в Тавриде», которая затем еще много раз воплощается в европейском и мировом искусстве. Достаточно упомянуть трагедию Гете, музыкальную трагедию Никколо Пиччини, оперы Кристофа Глюка, Андре Кампры, Леонардо Винчи, Томмазо Траэтты, Бальдассаре Галуппи.

Кстати говоря, произведение Еврипида также связывает Тавриду с эпосом Гомера - наверное, одним из главных источников сюжетов для всего последующего мирового искусства. Ифигения — никто иная, как старшая дочь героя Троянской войны аргосского царя Агамемнона. Когда Агамемнон собирался отправиться в Трою, Артемида велела ему принести в жертву собственную дочь. Царь повиновался, но Артемида в последний момент пожалела девушку и, подменив ее ланью, отправила на облаке в Тавриду.

В первые века нашей эры Крым попадает в сферу влияния новых могущественных сверхдержав – сначала Римской, а затем Византийской империи. Тогда же, чуть ли не вместе с апостолом Андреем Первозванным, на полуостров приходит христианство. А еще несколько столетий спустя в Тавриде происходит событие, которое считается ключевым в истории России – крещение в 988 году в Херсонесе святого равноапостольного князя Владимира.

Другая крупнейшая мировая религия – ислам - появляется на полуострове значительно позже – в XIII веке вместе с Золотой ордой. Но несмотря на мощную исламскую экспансию, в Тавриде продолжают существовать и христианские города и государства – речь идет прежде всего о приморских колониях генуэзцев и горном христианском княжестве Феодоро, которые были разгромлены только в конце XV века. Тогда же Крымское ханство перешло под протекторат одной из крупнейших держав того времени – Османской империи. Так в схватку за Крым включился новый серьезный игрок, который пытается влиять на ситуацию на полуострове и до сих пор – полтысячелетия спустя.

С конца XV века Крымское ханство совершало постоянные набеги на Русь с целью грабежа и захвата рабов. Конец этому был положен в XVIII веке с присоединением Крыма к России. Русско-турецкая война 1768—1774 годов завершилась Кючук-Кайнарджийским мирным договором, по которому османы отказались от претензий на Крым, а еще через девять лет, в 1783 году полуостров вошел в состав Российской империи.

Следующим крупным столкновением в борьбе за полуостров стала Крымская (Восточная) война 1853-1856 годов между Российской империей с одной стороны и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства - с другой.

Войн такого размаха человечество прежде не знало. Не случайно историки иногда называют Крымскую войну первой настоящей мировой войной – боевые действия велись не только на полуострове, но и на Кавказе, в Дунайских

княжествах, на Балтийском, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке.

Образ государства (региона), как совокупность эмоциональных и рациональных представлений о нем, формируется на протяжении многих десятилетий (часто – столетий) и поддается корректировке с большим трудом.

Как уже говорилось, Таврида издавна, с античных времен, часто ассоциировалась у европейцев с гиблым местом, где героев – будь-то Геракл, Ифигения или аргонавты – ждут смертельно опасные испытания. Но, пожалуй, особенно отчетливо этот гибельный имидж полуострова начинает формироваться в западном мироощущении именно в годы Крымской войны. Ключевое событие здесь – это, безусловно, гибель во время Балаклавского сражения британской бригады легкой кавалерии, состоявшей из представителей самых знатных английских семей. Эта трагедия была увековечена в легендарной поэме лорда Теннисона «Атака легкой бригады». С тех пор выражение «атака легкой кавалерии» стало в английском языке синонимом отчаянной безнадежной атаки, а день Балаклавского сражения 13 (25) октября 1854 года – одной из самых черных дат в истории Великобритании.

Кстати говоря, в этот же день родилось еще одно историческое выражение, вошедшее в английский язык, историю, культуру, литературу, кинематограф – «тонкая красная линия». В критический для союзников момент боя, пытаясь остановить прорыв русской кавалерии, командир 93-го шотландского полка Колин Кемпбелл растянул своих стрелков в шеренгу не по четыре, как тогда было принято, а по два. Атака была успешно отбита, после чего в английском языке вошло в оборот словосочетание «тонкая красная линия», обозначающее оборону из последних сил.

Здесь же, в Крыму, в дни Восточной войны делала первые шаги европейская военная журналистика. Редактор лондонской «The Times» Джон Дилейн отправил освещать военные действия на полуострове журналиста Уильяма Рассела – первого военного корреспондента в истории британской прессы. «Репортажи Рассела с места боев вдохновляли поэтов, строки его репортажей становились крылатыми выражениями, а его разоблачения военных и политических кругов привели к отставке правительства и к смене военного руководства» [1, с.41].

Любопытно, что накануне Крымской войны канцлер Карл Нессельроде в письме российскому посланнику в Лондоне Филиппу Бруннову от 2 января 1853 года предсказал, что Россия будет воевать одна против всего мира. Так и вышло в действительности. При этом обратите внимание на параллели с современной ситуацией, когда Россия почти в одиночку противостоит всему «цивилизованному миру», считающему Крым украинской территорией.

Из-за Крыма столкнулись крупнейшие мировые державы того времени. Великобритания рассматривала Россию как своего главного геополитического противника, против которого с ее стороны велась так называемая «Большая игра». Лорд Палмерстон писал: «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции, часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии, восстановить

самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии <...> Крым, Черкесию и Грузию отторгнуть от России: Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана» [2, с.17].

Восточная война разворачивалась не только в Крыму, на Кавказе или на Камчатке, но и в медийном пространстве. Фактически это один из первых примеров настоящей информационной войны.

«Это был первый пример современной войны с использованием новых индустриальных технологий, современных винтовок, паровых кораблей и железных дорог, современных форм логистики и коммуникации - таких как телеграф, важных инноваций в военной медицине, военной журналистике и фотожурналистике» [9].

Так, например, в 1854 году лондонская «Таймс» писала: «Хорошо было бы вернуть Россию к обработке внутренних земель, загнать москвитов вглубь лесов и степей». В том же году Джон Рассел, лидер Палаты общин и глава Либеральной партии заявил: «Надо вырвать клыки у медведя... Пока его флот и морской арсенал на Черном море не разрушен, не будет в безопасности Константинополь, не будет мира в Европе» [5, с.59].

В свою очередь, в российских средствах массовой информации также развернулась широкая антизападная пропагандистская кампания. Упомянем здесь хотя бы популярное сатирическое стихотворение. Алферьева В.П., опубликованное в журнале «Северная пчела»:

*«Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом» [6].*

«Давно уже война висела в воздухе, теперь она сорвалась и все более и более разгорается в людях. Ничто не выражает так ясно всю меру ненависти к России, как это смехотворное бешенство французских и, в особенности, английских газет после наших последних успехов... Они самым серьезным образом вменяют ей в преступление и относят на ее счет столь известное изречение по поводу какого-то животного: оно было столь свирепо, что защищалось, когда на него нападали. Что же до вероятного исхода борьбы, весь вопрос для меня сводится к следующему: окажется ли ненависть к нам Запада, как Запада католического, так и Запада революционного, в конечном счете сильнее ненависти, которая их разделяет? Весь вопрос в этом...» [7, с.155], - писал в свою очередь в одном из писем великий русский поэт Тютчев Ф.И.

И далее, в другом письме: «Вопреки всему - рассудку, нравственности, выгоде, вопреки даже инстинкту самосохранения, ужасное столкновение должно произойти. И вызвано это столкновение не одним скандальным эгоизмом Англии, не низкой гнусностью Франции, воплотившейся в авантюристе, и даже не немцами, а чем-то более общим и роковым. Это - вечный антагонизм между тем, что, за неимением других выражений, приходится называть: Запад и Восток» [7, с.160].

И это лишь несколько примеров. Крымская война отразилась в творчестве многих русских писателей и поэтов той эпохи – Толстого Л.Н., Достоевского Ф.М., Хомякова А.С., Глинки Ф.Н., Вяземского П.А., Толстого А.К., Майкова А.Н. и других.

Крымская война занимает особое место в истории России и Запада. Она завершилась больше полутора веков назад, но до сих пор остается в поле внимания ученых, публицистов и средств массовой информации.

Так, к примеру, американские и европейские СМИ до сих пор достаточно часто описывают борьбу за Крым в военных терминах и со ссылками на Крымскую войну 1853-1856 годов.

28 декабря 2005 года авторитетная американская газета «Уолл-Стрит Джорнал» опубликовала статью «Новая Крымская война». Ее авторы, директор программы для России и Евразии в Фонде Карнеги за международный мир Андерс Аслунд и основатель международной неправительственной организации «Оранжевый круг» Адриан Каратницкий рассказывали читателям о российско-украинском газовом конфликте.

9 января следующего, 2006 года, в британской «Индепендент» появилась статья «Новая крымская война: как Украина дала отпор Москве». Ее автор журналист Эндрю Осборн рассказывал о том, как из-за газового спора «прогремели первые залпы в битве за то, чтобы избавить украинские воды от присутствия Москвы» [10] и напоминал, что Севастополь хорошо известен на Западе благодаря Крымской войне.

Этот художественный, технологический и политический прием – сравнение современной ситуации с Крымской войной 1853-1856 годов – продолжает достаточно активно использоваться американскими и европейскими средствами массовой информации.

Активная апелляция медиа к событиям более чем полуторавековой давности означает, что, с одной стороны, они живы в историческом сознании, исторической памяти западного общества, а с другой, что Крым по-прежнему является одним из ключевых стратегических регионов, за который идет серьезная борьба между ведущими мировыми державами.

Сегодня мы имеем дело с похожими процессами. США и Европейский Союз опасаются усиления позиций России в Крыму и Причерноморье.

«...Многие на Западе продолжают разделять русофобскую позицию лорда Палмерстона, видя слабость России как важный фактор, способствующий утверждению американских и европейских интересов в регионе» [11].

Вслед за Крымской войной отгремели: Первая мировая, Гражданская, Вторая мировая, Холодная, и во всех этих конфликтах Крым также оказывался в роли «яблока раздора». Так, к примеру, в годы Первой мировой и Гражданской войн в событиях на полуострове принимали активное участие такие внешние игроки, как Германия, Великобритания, Франция, Турция, Италия, Греция, Болгария.

К весне 1920 года Врангель уже понимал, что предел его мечтаний – удержаться в Крыму. Ни о каком освобождении России от большевизма речи быть не могло. Пытались сохранить врангелевский режим в Крыму и британцы. 17

апреля (н. ст.) министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон обратился к наркоминдел Чичерину Г.В. с телеграммой, в которой угрожал вмешательством британского флота в случае наступления советских войск на юге и предлагал посредничество в переговорах.

Струве П.Б. также рассматривал вариант сосуществования двух режимов - красного и белого. Однако все, что в итоге из этого получилось, - знаменитый роман Василия Аксенова «Остров Крым».

В реальном, а не художественном пространстве Красная армия в ноябре 1920 года разгромила армию барона Врангеля, поставив, таким образом, точку в кровопролитной Гражданской войне в России. Вне всяких сомнений, тот факт, что Гражданская война завершилась именно в Крыму, с одной стороны, еще раз подчеркнул особое стратегическое положение полуострова, а с другой – способствовал тому, что в 1918-1920 годах к этому региону вновь было приковано внимание всей Европы, а в какой-то степени и всего мира.

В годы Второй мировой войны на полуостров как будущий Готенланд претендовала фашистская Германия, одновременно пыталась разыгрывать свою «крымскую партию» и Турция. С новой силой борьба за Крым развернулась после распада Советского Союза, когда полуостров де-факто, а отчасти и де-юре стал спорной территорией между Украиной и Россией. За влияние в регионе активно боролись Россия, США, Турция, Европейский Союз, в известной степени – Саудовская Аравия и некоторые другие арабские страны.

Ну и, наконец, современные события на полуострове и вокруг него – воссоединение с Россией и последовавшая за этим политическая, дипломатическая, экономическая, транспортная блокада со стороны международного сообщества; все это – еще один наглядный пример борьбы за Крым, которая разворачивается между крупнейшими политическими игроками.

Воссоединению Крыма с Россией посвящены десятки тысяч публикаций в средствах массовой информации всего мира, вне всяких сомнений, это событие найдет свое отражение и в литературных, музыкальных, кинематографических произведениях обеих противоборствующих сторон.

Выводы. Таким образом, на протяжении последних двух с половиной тысячелетий идет борьба за Крым между ведущими политическими игроками, крупнейшими мировыми державами – Грецией, Древним Римом, Византией, Турцией, Россией, Великобританией, Францией, Германией, США. Причем, с одной стороны, эта борьба отражается в искусстве, литературе, средствах массовой информации. А с другой, часто искусство, литература и СМИ становятся площадками, на которых эта борьба разворачивается.

В этом смысле, события Крымской весны являются естественным, логическим продолжением грандиозного, уходящего вглубь веков исторического сюжета.

Положение на перекрестке великих мировых цивилизаций, часто враждебных друг другу, является одной из ключевых характеристик полуострова, определяющих как его особое значение, так и многие его проблемы.

Если следовать за Самюэлем Хантингтоном, то Крым находится на разломе цивилизаций: западной и православной. «Многие бывшие советские республики

также разделены линиями разлома между цивилизациями, отчасти оттого, что советское правительство изменяло границы для того, чтобы создать разделенные республики, когда русский Крым отошел к Украине, а армянский Нагорный Карабах – к Азербайджану» [8, с. 207], - писал в конце XX века Хантингтон.

Другой американский исследователь, Збигнев Бжезинский, полагает, что Евразия «является «шахматной доской», на которой продолжается борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами» [3, с.13]. В таком случае Крым – несколько исключительно важных клеток на этой доске – стратегическая позиция, плацдарм, владея которым можно контролировать ситуацию в Причерноморье.

«Империи также строились путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний, таких как Гибралтар, Суэцкий канал или Сингапур, которые служили в качестве ключевых заслонок или замков в системе имперского контроля» [3, с.51] - пишет Бжезинский. Крым – безусловно, такое же важное географическое достояние в системе имперского контроля, как и любая из вышеуказанных точек.

В начале 1945 года, в дни Ялтинской конференции стран - победительниц во Второй мировой войне, Крым в очередной раз оказался в центре внимания всего мира. Здесь собрались самые могущественные люди на планете, чтобы определить контуры послевоенного мира. Премьер-министр Великобритании, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Уинстон Черчилль предложил присвоить Ялтинской конференции кодовое название «Аргонавт», надеясь увезти из Тавриды политическое «золотое руно».

ВЫВОД

Продолжая метафору великого британского политика, следует признать, что борьба за крымское «золотое руно» между крупнейшими мировыми державами продолжается до сих пор.

Список литературы

1. Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П., Лучинский Ю.В., Станько А.И. История мировой журналистики. [Текст] / Беспалова А.Г. - Москва – Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2003. – 331 с.
2. Бестужев И.В. Крымская война 1853-1856. [Текст] / Бестужев И.В. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1956. – 176 с.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). [Текст] / Бжезинский З. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
4. Гомер. Одиссея. [Текст] / Гомер – М. : «Художественная литература», 1967. – 765 с.
5. Леонтьев М.В. Большая игра (Британская империя против России и СССР). [Текст] / Леонтьев М.В. – М.- СПб. : Астрель, 2012. – 253 с.
6. «Северная пчела». – 1854. - №37.
7. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6 томах. - Т. 5. [Текст] / Тютчев Ф.И. - М.: Издательский центр «Классика», 2005. – 496 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. [Текст] / Хантингтон С. - М. : АСТ : АСТ Москва, 2006. – 571 с.

9. Aslund A., Karatnycky A. The New Crimean War. [Текст] / Aslund A.– The Wall Street Journal. – 28.12.2005.
10. Bass G. Why the Crimean War Matters. [Текст] / Bass G. – The New York Times. – 08. 07. 2011.
11. Osborn A. The New Crimean War: How Ukraine Squared Up to Moscow. [Текст] / Osborn A. – The Independent. – 09.01.2006.
12. Tsygankov A. Preventing A New Crimean War. [Текст] / Tsygankov A. – Radio Liberty. – 15.05.2009.
13. Umland A. Will There Be a Second Crimean War? [Текст] / Umland A. – The Global Politician. – 13.05.2009.

THE STRUGGLE FOR CRIMEA IN POLITICAL AND INFORMATION: RETROSPECTIVE REVIEW

Mashchenko A. P.

The Crimea is located at the crossroads of civilizations, religions and cultures. The struggle for the Peninsula has been continuing for thousands of years and will never end. It unfolds in the different areas: political, military, economic, cultural, informational. Without this background it is impossible to understand neither the reunification of the Crimea with Russia in the spring of 2014 nor subsequent reaction from the international community in the form of political and economic sanctions and blockade "the rebel Peninsula."

The article traces the political and information struggle for the Peninsula, since the ancient times. According to the author, on the one hand, this struggle is reflected in art, literature, media. And, on the other hand, art, literature and media become the platforms on which this struggle unfolds. Proof - fiction, journalism, the media.

Key words: The Crimea, Russia, civilization, religion, culture, literature, media.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 070

И. ГАСПРИНСКИЙ О ФУНКЦИЯХ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»

Яблоновская Н. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: yablon@rambler.ru*

В статье рассматриваются функции газеты «Терджиман» с точки зрения ее редактора и издателя И. Гаспринского и современных представлений о функциях масс-медиа.

Ключевые слова: функции масс-медиа, этническая журналистика, И. Гаспринский, «Терджиман».

ВВЕДЕНИЕ

О газете Исмаила Гаспринского «Переводчик-Терджиман» написаны десятки научных работ. Среди наиболее известных исследователей этого издания можно назвать В. Ганкевича [2;3], И. Керимова [8], Л. Климовича [9], Х. Кырымлы [19; 20], Р. Фазыла и С. Нагаева [15], Э. Лаззерины [21], К. Чапраза [18], С. Гафарова [6] и др.

В то же время вопрос о том, на каком профессиональном уровне находилась эта газета, как воспринимается она сегодня с точки зрения новейших представлений о функциях масс-медиа, остается до конца нераскрытым.

Цель настоящей статьи – дать представление об основных функциях, выполняемых газетой И. Гаспринского «Терджиман».

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач:

- исследовать взгляды Гаспринского на функции периодической печати;
- определить их соответствие позициям современных журналистиковедов;
- проанализировать соотношение взглядов Гаспринского на функции СМИ с практикой газеты «Терджиман» и социальными ролями современных масс-медиа.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Будучи в области журналистики прежде всего практиком, Исмаил Гаспринский, как доказывает и общая концепция его издания, и содержание редакционных статей, одновременно являлся блестящим аналитиком, человеком, глубоко понимающим сущность и высокую миссию ответственного журналистского труда. Это свое понимание, в адаптированной, максимально доступной читателям форме, еще раз подтверждающей его профессионализм, главный редактор «Терджимана» пытался донести до своей аудитории.

Уже в № 2 «Переводчика» от 20 апреля 1883 г. в статье «Ответы на вопросы» И. Гаспринский попытался разъяснить цель и основные задачи своего издания. И поскольку аудитория казалась неподготовленной к сложному разговору, ему пришлось начать с объяснения базовых понятий, например, с того, «что такое газета».

«Газета, — пишет И. Гаспринский, — есть периодическое издание, повествующее о событиях текущей общественной, политической, экономической и литературной жизни народов и стран. Читающий, сидя дома, может знать, что делается и пишется; может узнать много хорошего и извлечь из этого нравственную и материальную пользу. Наконец, читать разные новости и сведения о жизни и делах разных людей, народов — хорошее времяпрепровождение, и во всяком случае лучше, чем слушать местные сплетни» [15].

Последнее положение, высказанное крымскотатарским журналистом в 1883 г., идет вразрез с многочисленной практикой современных таблоидов и желтых изданий, полностью строящих свою редакционную политику на слухах, сенсациях (зачастую мнимых), скандалах, сплетнях, эпатирующем освещении табуированной тематики (то есть на том, что получило название «теории шести С» - по первой букве слов: сенсация, скандал, страх, секс, смерть, слухи).

Сегодня, к сожалению, самым массовым явлением в области печатных СМИ и в культуре общества потребления стала именно «желтая» пресса, основывающаяся на теории «шести С». «Желтый журнализм, — пишет российский исследователь В. Хорольский, — это метадискурс, возникший на основе гедонистических мифов, уводящих реципиента от реальности, мифов, исподволь разрушающих интеллект малоразвитой части общества, детей. Повсеместный гедонизм превратил жёлтые СМИ, а их влияние повсеместно, в поставщика «инфотейнмента» (и его составной части – политейнмента). А отсюда – и многочисленные отступления от канона истинности, серьёзности, ответственности в мировых масс-медиа» [16].

Совершенно очевидно, что «Герджиман» ставил перед собой противоположные цели. Отвечая на вопрос «Чему служит газета?», И. Гаспринский писал: «Газета служит, прежде всего, правде и просвещению. Правдой она уничтожает ложные, неосновательные взгляды и мнения; просвещая, она открывает глаза населению; наостряет его ухо, учит смотреть правильно на вещи и понимать их. Вместе с тем, газета знакомит всех с нуждами и интересами населения и служит его представителем» [5].

В этом небольшом абзаце зафиксирован один из важнейших принципов журналистики – принцип правдивости. В современном мире вопрос о правдивости подаваемой информации имеет не только морально-этический аспект, но профессионально-утилитарный: в условиях информационной перенасыщенности борьба идет уже не за то, чтобы найти информацию, а за время и силы ее потребителя. В жесткой конкуренции журналистов-любителей (блогеров и др.) и журналистов-профессионалов один из главных козырей последних, наряду с аналитизмом, – это точность и достоверность распространяемой информации.

Наряду с принципом правдивости, как ключевым для своего издания, И. Гаспринский называет сразу несколько функций «Герджимана»:

- коммуникативную - функцию общения, налаживания контакта, которую Е. П. Прохоров считал «исходной функцией журналистики»;

- непосредственно-организаторскую, в которой “наиболее наглядно проявляется роль журналистики как “четвертой власти” в обществе”; идеологическая (социально-ориентирующая), связанная со стремлением “оказать глубокое влияние на мировоззренческие основы и ценностные ориентации аудитории, на самосознание людей, их идеалы и стремления, включая мотивацию поведенческих актов” [12];

- культурно-образовательную, заключающуюся в том, чтобы участвовать в распространении в жизни общества высоких культурных ценностей, воспитывать людей на образцах общемировой культуры, тем самым способствуя всестороннему развитию человека.

Изначально И. Гаспринский придавал большое значение организаторской функции, он стремился к тому, чтобы его газета стала надежным каналом связи аудитории и власти: читатели через газету должны были получать актуальную информацию о решениях власти, власть же из газеты должна узнавать о насущных потребностях и настроениях читателей.

Известно, что еще до открытия «Терджимана» И. Гаспринский в 1880 г. пытался получить право издания литературно-справочного листка «Закон». Обращаясь в Главное Управление по делам печати, он так объяснял необходимость подобного издания: «Вследствие неведения своего отечества, его жизни и законов, татары в общественной и частной жизни нередко подвергаются крайним недоразумениям» [3].

В обращении к министру внутренних дел генерал-лейтенанту М. Т. Лорис-Меликову, Гаспринский отмечал, что ему хорошо известны «на практике частной и служебной множество неудобств и недоразумений, проистекающих от неведения татарами самых необходимых своих обязанностей и прав, затруднений для точной передачи им распоряжений Правительства» [13].

Ту же позицию занял Гаспринский и в «Переводчике»: уже в первоначальном варианте программы издания первый пункт был посвящен распоряжениям правительства и официальным объявлениям, распоряжениям и постановлениям местной и земской администраций края, которые публиковались в «Правительственном Вестнике» и «Таврических губернских ведомостях» [2, с.113].; через 2 года после открытия было получено разрешение на публикацию только на крымскотатарском языке материалов из «Правительственного вестника, за исключением правительственных распоряжений, которые должны были быть напечатаны параллельно на русском и крымскотатарском языках [2, с. 117], а месяцем позже – право печатать правительственные распоряжения и объявления, статьи о розыске и иные публикации с переводом на крымскотатарский язык из «Сенатских и Губернских Ведомостей» [2, с. 118].

Не отказывался Гаспринский и от такой важной функции прессы, как рекламно-справочная. Реклама в «Терджимане» – это тема отдельного большого исследования. Что же касается справочных материалов, то им не только была посвящена отдельная рубрика, но и приложение «Листок объявлений». Интересно,

что сегодня отечественную местную прессу нередко упрекают в том, что, в отличие от своих зарубежных аналогов, она не уделяет достаточного внимания утилитарной информации: в наших местных изданиях нечасто увидишь расписание службы в храмах, график движения междугородных автобусов и пригородных электричек т.д. Гаспринский же, в отличие от современных издателей, тонко чувствовал насущные потребности своих местных читателей и всегда шел им навстречу (и это при том, что большая часть его подписчиков находилась за пределами Крыма).

Гедонизму современной прессы отвечала развлекательная функция «Терджимана», в котором с первых номеров печатались и интересные анекдоты, и сообщения о местных «сенсациях». Однако развлечение в понимании И. Гаспринского всегда оставалось в рамках «файдалы эглендже» – полезного развлечения (формулировка, которую редактор «Переводчика» предложил в качестве названия для одного из своих пилотных проектов [3, с. 39]). В большинстве случаев развлекательную информацию сопровождали морально-оценочные комментарии, а попустительства низким желаниям аудитории в издании И. Гаспринского невозможно было представить.

Так, в номере от 21 мая 1884 находим такую заметку: «В Бахчисарае, кажись, все было спокойно и тихо, хотя уже девять месяцев некоторые любители дамских дел страдают тошнотой и потерей аппетита, давая повод насмехаться городским насмешникам. Живем себе, не ведая ни о ком, да и про нас едва ли кто знает ... Но покой наш было неожиданно нарушено, чувства наши крайне возмущены ... чем вы думаете? Пожаром, убийством, землетрясением ... ни, слава Аллаху, таковых катастроф не было, но злой дух ли пошутил, шайтан напроказил, но в городе появилась стамбульская кокетка, правда, не первой молодости, но все-таки пошло кувырком... » [1]. Авторская ирония, сопровождающая местную светскую новость о приключения старой стамбульской кокетки, разительно отличает подачу этого материала от современных таблоидов, в которых погоду делают ничем себя не прославившие светские «львицы» и «львы».

Главной темой в «Терджимане» всегда оставалось просвещение. Национально-просветительская проблематика публикаций «Терджимана» была заявлена уже в его пробном выпуске 1882 г. («Нешрият Исмаилие. Терджиман») – в материалах о новых законах, о сущности Российской империи, о культурно-образовательной эмансипации восточных женщин и важности развития тюркско-мусульманской прессы. Доминирование статей просветительской тематики начиналось уже с первого года выхода «Переводчика»: № 2 за 1883 г. – публикация «Просвещение» (с подзаголовком «Из письма в редакцию»), статья Гаспринского «Знание», № 14 от 25 августа 1883 – статья «Годжи» (Годжа (ходжа) – кр.-тат. учитель. – Н.Я.), № 23 от 18 ноября 1883 «Вопросы просвещения российских мусульман» и другие. Помимо многочисленных статей на тему образования и просвещения, которые публиковала газета, с 1899 г. в ней была открыта специальная рубрика «Фенлер» («Обучение»), посвященная домашнему и детскому чтению.

Основными вопросами национального возрождения редактор «Терджимана» считал создание общетюркского литературного языка, развитие народного

образования (в первую очередь, создание новометодных мектебов, а также образовательную эмансипацию мусульманских женщин) и национальной прессы, воспитание национальных деятелей науки и культуры.

Создатель звукового метода мечтал о формировании национальной интеллектуальной элиты, способной сделать для своего народа гораздо больше своих родителей. В статье «Наше чиновничество» он утверждал: «Первое, с чего мы должны начать – это подготовить к лучшей жизни наших детей, чтобы будущее наше поколение было более богато знаниями, более одарено любовью к народу, представителем коего оно будет являться. Тогда оно займет лучшее положение, чем мы, и жизнь его будет более плодотворной как для них, так и для мусульманского общества» [4].

Огромные надежды редактор «Терджиман» возлагал на крымскотатарский интеллигенцию и призвал ее никогда не забывать о своем народе: «Идите впереди народа, ведите его по пути культуры и просвещения, но не забегайте слишком далеко вперед, ибо тогда народ отстанет и голос ваш не будет им услышан» [11].

Вопросы внедрения знаменитого звукового метода, создания новометодных (светских) школ стали центральными в издании «Учителя учителей». Автор постоянно уверял своих читателей в том, что Коран и образование «не мешают друг другу, как полагают многие мусульмане, а наоборот». Убеждать в этом Гаспринскому приходилось не только своих единоверцев, но и «важных ученых», которые считали, что «пресса в руках невежественного татарского духовенства служила и продолжает быть орудием поддержки и распространения религиозного, морального и бытового обскурантизма в бедном татарском простонародье» [10].

Отвечая на вопрос: «Следует мусульманину читать газету?», редактор и издатель «Терджимана» утверждает: «Да, следует. Правда, читать священные книги и полезно, и необходимо, но из этого не следует, чтобы господин эфенди или абзи ничего не читал! Для молитвы и работы, торговли и отдыха есть свое время. Одно другому не только не мешает, но одно без другого немыслимо. Желаящий найдет время почитать и газеты, и многое другое, тем более, что, как известная гитара Ашык-Омера, «газета не говорит против омовений; она не говорит против намаза; не берет взятки, как делает кадий, так почему же считать ее нечестивой?» О чтении газеты больше не спрашивайте... Народы, имеющие и священные книги, и сотни газет, будут смеяться с нас как... с детей» [5]. Таким образом, чтение газет редактор «Терджиман» считал одним из признаков современного образованного нации.

В 1907 г., обращаясь к читателю с напоминанием об истории учреждения «Терджимана», его издатель отметил: «В 1883 г. «Переводчик» всеми силами и ссылками на историю и священные изречения должен был доказывать, что дважды по два – четыре, то есть, что русский язык, русская наука необходимы... Теперь остается только изыскивать средства и источники для жаждущих знания и образования» [7]. На двадцатом юбилее газеты он отметил, что именно «Терджиман» способствовал открытию и реформированию тысячи новометодных мектебе, сбору от меценатов 3 млн. рублей на благотворительные и просветительские цели; созданию трехсот научно-популярных и литературных брошюр [14].

ВЫВОДЫ

Изучение позиции И. Гаспринского, как главного редактора, и содержания публикаций его изданий дает нам основание утверждать, что газета «Терджиман» была полифункциональным изданием. Важнейшими функциями газеты были: коммуникативная, организаторская и культурно-образовательная. Наряду с ними, газета также выполняла рекламно-справочную и развлекательную функции, но развлечение, в понимании И. Гаспринского, всегда оставалось в рамках «файдалы эглендже» (полезного развлечения). Считаю, что тонкое понимание И. Гаспринским многосторонних потребностей аудитории и их удовлетворение стало одной из основных причин успешного долголетия «Терджиман» (1883 - 1914).

Список литературы

1. В Бахчисарае... // Переводчик – Терджиман – 1884. – 21 мая.
2. Ганкевич В.Ю. К истории создания периодических изданий на крымскотатарском языке. (Попытки И. Гаспринского организовать издание газет “Файдалы эглендже” и “Закон”) / В. Ганкевич // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 1. – С. 39 – 44.
3. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851 – 1914 гг.) / В. Ганкевич. – Симферополь: Доля, 2000. – 328 с.
4. Гаспринский И. Наше чиновничество / И. Гаспринский // Терджиман. – 1888. – № 18. – 16 мая. – С. 35.
5. Гаспринский И. Ответы на вопросы / И. Гаспринский // Переводчик – Терджиман – 1883. – 20 апреля. – № 2. – С. 3.
6. Гафаров С. Исмаил Гаспринский – великий просвитель / С. Гафаров. – Симферополь, Тарпан, 2001. – 256 с.
7. К читателю // Терджиман. – 1907. – № 86. – 28 декабря.
8. Керимов И.А. Гаспринскийнин «джанлы» тарихи 1883-1914 [«Живая история Гаспринского. По материалам газеты «Терджиман» 1883-1914 гг.] / И. Керимов. – Симферополь: Тарпан, 1999. – 408 с.
9. Климович Л.И. На службе просвещения: о первой тюркоязычной газете «Терджиман» и ее издателе И. Гаспринском / Л. Климович // Гаспринский И. Из наследия. – Симферополь: Таврия, 1991. – С. 4-22.
10. Мусульманская печать в России // Терджиман. – 1889. – № 25. – 8 июля.
11. По поводу интеллигентных татар // Терджиман. – 1890. – № 41. – 23 ноября. – С. 79.
12. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики : учеб. пособие / Е. П. Прохоров. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс : Изд-во МГУ, 2003. – 367 с.
13. Російський державний історичний архів. – Ф.776. – Оп.12. – Спр.87. – Арк.9-9(об).
14. Терджиман. – 1903. – № 13. – 4 апреля.
15. Фазылов Р., Нагаев С. Къырымтатар эдебиятынын тарихы. Къыска бир назар / Р. Фазылов. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешр, 2001. – 640 с.
16. Хорольский В. Отечественные и зарубежные ученые о глобальных проблемах массмедийной коммуникации / В. Хорольский // Акценты. Новое в массовой коммуникации: Альманах факультета журналистики Воронежского государственного университета и Академии наук региональной печати. – 2007. – Вып. 5-6 (68-69). – С. 48-64.
17. Яблоновська Н.В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність / Н. Яблоновська. – Симферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2006. – 312 с. – 10 іл.
18. Çapraz K. Kırimtatar Türklerinde basın. Yüksek lisans tezi / K. Çapraz. – İstanbul, 1990. – 57 s.
19. Kırımlı H. İsmail Bey Gaspralı / H. Kırımlı. – Ankara: Şafak Matbaacılık, 2001. – 46 s.

20. Kırımlı H. Kırım tatarlarında milli kimlik ve milli hareketleri. (1905-1916) / H. Kırımlı. – Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1996. – 296 c.
21. Lazzerini E.J. Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878-1914: a Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy, 1973 / E. Lazzerini. – Б.м.: University of modernism, 1973. – 313 p.
22. Lazzerini E.J. Ismail Bey Gasprinskii's Perevodchic/Tercuman: A clarion of modernism // Central Asian monuments. Edited by H.B. Paksoy / E. Lazzerini. – Istanbul: The Isis Press, 1993. – P. 143-156.

I. GASPRINSKY ABOUT THE FUNCTIONS OF THE NEWSPAPER «TERDZHIMAN»

Yablonovska N.V.

Taurida National V.I. Vernadsky University, Simferopol, Crimea, Ukraine

E-mail: yablon@rambler.ru

The article deals with functions of the newspaper "Terzhiman" from the point of view of its editor and publisher I. Gasprinsky and the modern representations about functions of mass media.

Key words: the functions of mass media, ethnic journalism, I. Gasprinsky, "Terzhiman".

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.111:801.73:167.1

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЗДНЕЙ ПРОЗЫ Р. КИПЛИНГА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «МЭРИ ПОСТГЕЙТ»)

Бломквист Ю. С.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: Tr_yulia@mail.ru*

В данной статье рассматривается специфика воплощения социально-психологического аспекта мотива военной травмы в позднем творчестве Р. Киплинга. В работе представлен идейно-тематический анализ рассказа «Мэри Постгейт», на примере которого прослеживаются стилевые и сюжетные трансформации поэтики позднего Киплинга. В основе исследования лежит актуальная для литературоведения концепция исследования художественной переориентации автора в контексте модернистских тенденций. В заключении приводятся выводы об эволюции авторской картины мира, что в полной мере подтверждает заявленную в работе актуальность.

Ключевые слова: Р. Киплинг, Первая мировая война, мотив военной травмы, психоанализ З. Фрейда, стилевые трансформации, «язык травмы».

Одним из ключевых событий XX ст., определившим ход мировых событий на всех уровнях материально-духовной жизни, является Первая мировая война. Ход и результаты этой войны определили основную концепцию развития национальной английской литературы и мировой культуры в целом. Особую актуальность и популярность в социально-общественных и литературных кругах приобрели военные сюжеты. В основу философской проблематики произведений многих английских писателей военного времени легли концепты «жизнь и смерть», «любовь» в контексте мотива военной травмы, что носило в большей степени психологический характер. В своем исследовании мы придерживаемся определения Е. С. Кубряковой, которая определяет концепт как «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нём» [1, с. 90].

В своих произведениях военного периода выдающийся английский поэт и прозаик Р. Киплинг поднимает весьма актуальную проблему психологической травмы военно-гражданского населения, которая в то же время отражает и его автобиографическое прошлое. Вклад позднего Киплинга в развитие английской литературоведческой мысли был ранее недооценен, что послужило поводом к возрождению интереса к анализу его наследия современными отечественными и зарубежными исследователями.

Целью данной статьи является интерпретация социально-психологического аспекта художественного воплощения мотива военной травмы на материале

рассказа Р. Киплинга «Мэри Постгейт». И хотя его поздние произведения выпадают из привычной кипплинговской неоромантической картины мира, они тем не менее заслуживают тщательного изучения и анализа. Малая степень изученности данного периода творческой деятельности писателя в отечественном литературоведении определяет актуальность исследования в рамках современного литературоведческого дискурса.

Известно, что мотив травмы является одним из актуальных мотивов в литературе и искусстве, начиная с Первой мировой войны. Под мотивом мы понимаем «устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста» [2, с. 230]. По мнению современного английского исследователя А. Скрэгга, оригинальность художественного изложения Киплинга и его способность к пониманию человеческой психологии не оставляют равнодушными читательскую аудиторию. А. Скрэгг в статье, посвященной психологическому аспекту творчества Киплинга, пишет: «Киплинг был достойным представителем своего времени и пусть даже не таким ярким модернистом как Джойс или Хэмингуэй. Он созерцал и писал о современном ему, стремительно развивающемся мире в условиях технологического прогресса» [3, с. 47].

Уже в рассказе «В одной лодке», опубликованном в 1911 г. и вошедшем в сборник «Самые разные существа» (1917), Киплинг актуализирует новую сюжетную поэтику в рамках мотива психологической травмы. На примере этого рассказа писатель исследует природу происхождения психологической травмы и последствия влияния психоэмоциональных расстройств на судьбу человека, а также позицию британских медицинских учреждений в попытке оказать им психологическую помощь. Киплинг поднимает нравственно-эстетический вопрос значимости и эффективности моральной поддержки и понимания [3, с. 46].

Не многие критики оценили рассказ «В одной лодке» должным образом. Тем не менее, его полный анализ включен в исследование Дж. Томпкинса [4], Э. Вильсона [5] и А. Вильсона [6]. Так, Э. Вильсон полагает, что в основу рассказа легли автобиографические события из жизни Киплинга, которые оказали значительное влияние на выбор тематики поздних работ. По мнению А. Скрэгга, Киплинг был одним из первых писателей в английской литературе, затронувших проблему психологической травмы с особым сочувствием и состраданием [3, с.47].

Дж. Томпкинса считает, что весьма характерной для поздних работ Киплинга является тема преодоления физической и моральной травмы. В таких рассказах, как «Жена моего сына» (сборник «Самые разные существа», 1917) и «Жилище поневоле» (сборник «Действия и противодействия», 1909) в качестве исцеляющего места выбирает графство Сассекс. Известно, что в 1902 г. Киплинг возвратился в Англию и с тех пор жил в своем доме в Сассексе, где занимался только литературным творчеством. Это место он впоследствии назовет «самым удивительным из иностранных государств, где он когда-либо был» [7]. В рассказах «Садовник» (1925) и «В интересах братства» (1926), вошедших в сборник «Дебет и Кредит», Киплинг уделял особое внимание концепту «вера», который он наделял особым смыслом и, по всей вероятности, считал способом излечения людей, страдавших психическими расстройствами впоследствии войны. Киплинг

нисколько не умаляет возможностей медицины, однако он твердо убежден в том, что ничего, кроме искреннего милосердия и любви, не способно облегчить человеческие страдания [3, с. 50].

Трагическая нота, воплощенная в мотиве психологической травмы, также находит отражение в таких рассказах писателя, как «Мэри Постгейт» («Mary Postgate», 1915), «Джейнисты» («The Janeites», 1924), «Мадонна в Окопах» («Madonna of the Trenches», 1924), «Друг семьи» («A Friend of the Family», 1924), «Садовник» («Gardner», 1925), «Женщина в его жизни» («The Woman in His Life», 1928) и др. В этих поздних рассказах война - центральный образ, подчинивший своим интересам и трансформировавший стереотипы многих социальных групп Европы. Влияние «вселенской войны» прослеживается прежде всего на уровне психики, когда «все мирное население считало себя ничем иным, как военной целью воюющих сторон» [8, с. 33]. В таких рассказах, как «Джейнисты», «Мадонна в Окопах», «Друг семьи», «Все для братьев», «У Врат», «Внезаветные милости» отражены основные положения философии позднего Киплинга, раскрывающие значимую роль масонства в развитии духовной и социальной жизни на фоне мировых потрясений первой половины XX в.

Известно, что первый военный опыт Киплинг получил во время англо-бурской войны (1899-1902), работая журналистом в редакции «Гражданской и военной газеты» (Civil and Military Gazette). В рассказе «Мэри Постгейт» мотив военной травмы приобретает социально-психологический контекст, что актуально для многих произведений позднего Киплинга. Несмотря на то, что на момент написания рассказа сын Киплинга Джон был еще жив, в рассказе воплощено трагическое предчувствие его гибели. Как считает английский библиограф Г. Риккетс, этот рассказ является не только проекцией внутренней драмы писателя, но и его завуалированных страхов приближающейся беды [9]. Такого же мнения придерживается и автор книги «Модернизм, История и Первая мировая война» Т. Тэйт, которая называет рассказ «Мэри Постгейт» одной из первых работ художественной литературы, в которой поднимается вопрос гражданского военного невроза [8, с. 32].

В рассказе «Мэри Постгейт» повествуется о незамужней женщине Мэри Постгейт, воспитавшей племянника своего работодателя. Мальчика забрали на войну, где он начал свою службу в воздушных войсках и вскоре был убит во время учений. После его похорон она решила уничтожить все, что ему принадлежало, дабы «сжечь свое сердце дотла» («burn her heart to ashes») [10]. Во время сжигания его вещей в саду Мэри обнаружила умирающего немецкого летчика. Он был смертельно ранен и крайне нуждался в ее помощи, но она хладнокровно наблюдала за тем, как он умирает. На наш взгляд, наиболее шокирующий момент всей истории заключается в получении Мэри физического удовольствия от мучительной смерти врага. Непристойное чувство удовлетворения выступает здесь в качестве метафоры, олицетворяющей ряд глубинных страхов людей военного времени. Однако многие критики считают, что главная героиня страдала психическими расстройствами и образ солдата - это не что иное, как ее выдумка, галлюцинация, так называемый

невроз военного времени, вызванный переживаниями, горем и скорбью от потери близкого человека [8, с. 33-34].

Мы проводим параллели между ритуалом сжигания вещей в рассказе и индийским обычаем сати, заключающимся в самосожжении индуистской вдовы на погребальном костре умершего мужа. Данный факт заставляет нас задуматься о противоречивости внутренних мотивов Мэри - то ли это непреодолимое желание избавиться от воспоминаний о прошлом, то ли это признак отчаяния, непринятия и отторжения настоящего. В этом смысле, по мнению Д. Коуди, рассказ «Мэри Постгейт» можно по праву назвать предвестником поздних модернистских работ Д. Джойса, У. Йетса и Т. Элиота [11].

По мнению профессора литературы Д. Коуди, Киплинг «демонстрирует удивительную способность сопрягать смыслом все, что видит, даже кажущиеся на первый взгляд тривиальные детали» [11]. Складывается мнение, что Киплинг-старший стоит в комнате своего сына и перечисляет то, что он там видит: «...замусоленные и потрепанные книги Хенти, Марриата, Левера, Стивенсона, баронессы Орзи, Гарвиса, школьные учебники и атласы, кипы журналов «Мотоциклист», «Автомобиль» и каталоги выставок в «Олимпии»; обломки флотилии парусников от девятипенсовых одномачтовиков до яхт, стоимостью три гинеи; форму начальной школы; крикетные биты от десяти пенсов до трех шиллингов;...дневник, стоивший пятидневных усилий; фотографии автогонок в Бруклендсе... и множество неопределенного хлама, состоящего из инструментальных ящиков, клеток для кроликов, электрических батарей, оловянных солдатиков, устройств для выпиливания лобзиком и головоломок» [10]. Так, «эффект присутствия», вовлеченности читателя в контекст повествования достигается при помощи тонкого художественного мастерства автора, его способности глубоко переживать каждый жизненный эпизод своих героев.

По мнению Г. Риккетса, этот рассказ – «лучший рассказ, вдохновленный духом Великой Войны» и одновременно «довольно двусмысленное произведение, поражающее глубиной чувств, жестокостью и хладнокровием» [9]. Критик Т. Вильсон считает, что именно в рассказе «Мэри Постгейт» Киплинг передал свое ярое отвращение и ненависть по отношению к немецким захватчикам [8, с. 33]. Таким образом, сюжет рассказа «Мэри Постгейт» - весьма двусмыслен в плане трактовки ключевых мотивов и представляет собой интеллектуальный вызов читателям. На наш взгляд, рассказу «Мэри Постгейт» присуща модернистская непрозрачность, что позволяет причислить его к «рассказу-загадке».

В своей статье «Травма империи и войны в творчестве Киплинга» британская исследовательница К. Винн ссылается на проведенное в 1880 г. исследование французского невропатолога Ж. М. Шарко, в результате которого он продиагностировал помимо «учащенного сердцебиения, физического истощения, грудных болей, головокружения и обморочного состояния» такие психологические расстройства, как «ночные кошмары и истерия» [14, с. 42] (перевод наш. – Ю.Б.). Таким образом, начиная с конца XIX столетия вплоть до середины XX ст., понятие «травмы» неоднократно пересматривалось не только клиницистами, но и психоаналитиками и приобретало новую смысловую нагрузку в условиях

изменяющихся социально-психологических и философских тенденций развития европейского общества.

Современные психологи все острее осознают значимость литературы в репрезентации мотива военной травмы. Н. С. Хант утверждает: «Чтобы понять суть войны и ее влияние на судьбы людей, не достаточно одних лишь психологических исследований, важным является обращение к литературе, истории и средствам массовой информации» [13, с. 3]. Н. С. Хант также считает, что «хорошая литература является неотъемлемой частью общей мозаики понимания и осознания интересующих нас событий».

Актуальной в свете вышесказанного является статья З. Фрейда «Размышления о войне и смерти» (1915), опубликованная в психоаналитическом журнале «Имаго». Первая мировая война подтолкнула З. Фрейда к более глубоким размышлениям о проблеме смерти. В своей статье он писал о том, что смерть естественна и неизбежна, она – «необходимое завершение жизни». Высказывая соображения по поводу разрушений военного времени, он подчеркнул, что «разделяющая нации враждебность указывает на мощную силу примитивных влечений, таящихся в глубинах психики и проявляющихся в эгоистичности и жестокости человека» [15, с. 1015]. Исследование и лечение невротических заболеваний привело З. Фрейда к представлениям о травме как источнике и причине возникновения неврозов.

Вероятно, Р. Киплинг предчувствовал приближение трагедии, и, написав рассказ «Мэри Постгейт», он воплотил актуальную для той эпохи проблематику на новом философско-психологическом уровне. Этот рассказ можно назвать своего рода эпитафией Киплинга своему сыну Джону. Известно, что уже «в 1923 г. Киплинг опубликовал обширный историографический труд «Ирландские гвардейцы в Великой Войне». Очевидно, писатель видел в этом свой долг по отношению к памяти сына и его товарищей по полку. Позднее он стал членом правительственной комиссии по наблюдению за состоянием военных кладбищ и старательно исполнял эту обязанность» [16, с. 51]. Так, к 1924 году Киплинг погружается в «язык травмы» [14]. В целом, очевидно, что поздние рассказы Киплинга соотносятся с медицинскими и социальными реформами общества, отражающими последствия войны на военном и гражданском населении.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что рассказ «Мэри Постгейт» является весьма показательным в плане актуализации основных концептов и мотивов позднего Киплинга. Центральными являются концепты «война», «любовь», «жизнь и смерть», а также мотив психологической травмы, воплощенные писателем на новом художественном уровне. Этот рассказ демонстрирует высокое художественное мастерство Киплинга затрагивать и осмысливать актуальные для его современников проблемы социально-психологического характера, что становится возможным благодаря его способности к интроспективному мышлению. Автобиографические события жизни писателя и его художественная переориентация в контексте модернистских тенденций определяют основную тематику и проблематику его поздних работ, что свидетельствует об эволюции идиостиля писателя. Поднимаемые Киплингом вопросы о психологизме личности, трагичности судьбы и способах преодоления

психических расстройств на фоне социально-политического и культурно-исторического кризиса направлены на поиск постижения более масштабных и глубинных человеческих проблем. Таким образом, художественный мир позднего Киплинга претерпел ряд идейно-тематических трансформаций под влиянием событий Первой мировой войны, что определяет специфику его концептуальной картины мира.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 90-93.
2. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – С.230.
3. Scragg A. Coming to terms with trauma: Kipling, psychology and 'In the same boat' / A. Scragg // *The Kipling Journal*. – 2014. – № 353. – P. 46-59.
4. Tompkins J. M. S. *The Art of Rudyard Kipling* / J. M. S. Tompkins. – London: Methuen, 1959. – Pp.162-167.
5. Wilson E. *The Wound and the Bow* / E. Wilson. – Cambridge Mass: Methuen 1962. – Pp. 165-166.
6. Wilson A. *The Strange Ride of Rudyard Kipling* / A. Wilson. – London: Secker, 1977. – Pp. 268-269.
7. Arscott D. A Sussex Kipling [Электронный ресурс] / D. Arscott. – Режим доступа: <http://acommonreader.org/review-a-sussex-kipling-david-arscott/> (дата обращения: 10.10.14)
8. Tate T. *Modernism, History and the First World War* / T. Tate. Manchester: Manchester UP, 1998. – 196 pp.
9. Young E. Flight from the imagination. Was Rudyard Kipling a modernist experimentalist or an imperialist windbag, a producer of populist rhetoric? And why does a faint sense of unease still cloud his name? 1999 [Электронный ресурс] / E. Young. – Режим доступа: <http://www.newstatesman.com/flight-imagination-was-rudyard-kipling-modernist-experimentalist-or-imperialist-windbag-producer-pop> (дата обращения: 12.08.2015)
10. Kipling R. Mary Postgate [Электронный ресурс] / Rudyard Kipling. – Режим доступа: <http://www.victoriaweb.org/authors/kipling/postgate.html> (дата обращения: 11.09.15)
11. Cody D. Mary Postgate – An Introduction [Электронный ресурс] / D. Cody. – Режим доступа: <http://www.victorianweb.org/authors/kipling/postgate.intro.html>. (дата обращения: 21.02.2014)
12. Gilbert Sandra. *Soldier's Heart: Literary Men, Literary Women and the Great War*. Signs/ Sandra Gilbert. – 1983. – Pp. 422-450.
13. Hunt Nigel C. *Memory, War and Trauma* / Nigel C. Hunt. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
14. Wynne C. Imperial and war trauma in Kipling / C. Wynne // *The Kipling Journal*. – 2012. - № 348. – Pp. 40-54.
15. Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу / В. Лейбин. – М.: АСТ Москва, 2010. – С. 1015-1020.
16. Рассказы. Стихи. Сказки / Сост., предисл., коммент. Ю.И. Кагарлицкого. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 51.

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECT IN THE LATE CREATIVE
ACTIVITY OF R. KIPLING
(ON THE BASIS OF THE STORY «MARY POSTGATE»)**

Blomkwist Y. S.

The present study deals with the social and psychological aspect of implementation of the war trauma motif in the late works of R. Kipling. The detailed ideologic and thematic analysis of the story “Mary Postgate” is presented. This short story is a verification of style and narrative transformations of late Kipling’s poetics. The study is based on the concept of R. Kipling’s artistic refocusing in the context of modernistic tendencies which is of current interest for the contemporary literary study. In conclusion, the findings on the evolution of the author's view of the world are given. This aspect fully confirms the relevance of the present research.

Key words: R. Kipling, The First world war, war trauma motif, psychoanalysis of S. Freud, style transformations, «language of trauma».

УДК 821.161.2-09

МЕМУАРНИЙ ТВІР ВАЛЕНТИНИ НАСТІНОЇ «НА ВІДСТАНІ СЕРЦЯ» В КОНТЕКСТІ СОЦІОКУЛЬТУРНИХ ТА ЛІТЕРАТУРНИХ ТРАДИЦІЙ

Гуменюк В. І.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського,
м. Сімферополь
E-mail: ukrlit_tnu@mail.ru*

У статті розглядається мемуарна оповідь кримської журналістки Валентини Настіної. Твір має переважно біографічний, отже документальний характер, але ці риси аж ніяк не перекреслюють його естетичної привабливості. Це перша, а при тім досить вдала спроба авторки в галузі художньої прози, а запропонована стаття – перший літературознавчий відгук на неї.

У творі на прикладі буття родини авторки подається доволі широка панорама суспільно-політичних, зокрема воєнних подій на Волині середини й другої половини ХХ століття. На цьому лаконічно, але виразно змальованому тлі чіткіше окреслюється історія народження героїні, пізнання нею природного й соціального довкілля та усвідомлення себе як самоцінної особистості.

Ключові слова: мемуарно-біографічна проза, соціокультурний та літературний контекст, образ оповідача, способи нарації, художня образність.

ВСТУП

Особливий, міфологічно обарвлений світ дитинства оживає в багатьох творах світової літератури, зокрема й української. Можемо тут принагідно згадати такі славнозвісні шедеври, як «Федько-халамидник», «Бабусин подарунок» та інші оповідання Володимира Винниченка, зібрані зокрема у його збірці «Намисто» [1], кіноповість «Зачарована Десна» Олександра Довженка [2], повісті Михайла Стельмаха «Щедрий вечір» і «Гуси-лебеді летять» [3], першу книгу тетралогії Уласа Самчука «Волинь» – «Куди тече річка» [4]... Згадані твори, як зізналася мені в розмові відома кримська журналістка Валентина Настіна, певною мірою спонукали і її взятися за перо власне вже не так журналістського, як саме письменницького штибу. Спогади дитинства, пізнання світу, поступове усвідомлення себе учасницею його різних сфер – родини, роду, кола друзів, школи, села, країни... – все це у творі «На відстані серця» окреслюється авторкою з тонким відчуттям розмаїтих нюансів чіткої образної конкретики, з неабиякою емоційною насиченістю й ліричною проникливістю. Усі ми родом з дитинства – ця широко відома, може вже якоюсь мірою і банальна фраза усе ж має глибинний та непроминальний сенс, позаяк саме дитячі враження суттєво формують особистість, закладають основи духовного світу, а відтак живуть у підсвідомості та в пам'яті людини протягом усього життя. Саме в такому широкому соціокультурному й художньому контексті доречно розглядати оригінальний літературний твір В. Настіної. **Завдання** цієї статті – дещо детальніше проаналізувати досить вдалу відповідну спробу авторки та чіткіше вписати її у згаданий контекст. Оскільки аналізований твір ще не опублікований, а автор оцієї

публікації є його літературним редактором та одним з перших читачів, відтак першим поціновувачем, то цілком очевидна наукова новизна матеріалу.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Хоч на першому плані, що цілком природно в подібній мемуарній нарації, стоїть суб'єктивне Я оповідача, все ж воно тут невіддільне від відтворення зовнішніх реалій та майже повсякчас перебуває з ними в особливій гармонії. Прикметно, що перший розділ має назву «Росте тополя край дороги» і оповідь починається власне не з якихось суто особистісних акцентів, а з опису плетива широких шляхів та вужчих путівців і стежок, що пролягають біля рідного села авторки з промовисто-мальовничою назвою Берестовець, розташованого за півтора десятка кілометрів від райцентру Костопіль на Рівненщині. Своярідним епіцентром означеного довкілля, навіть можна сказати, особливим героєм оповіді постає віковічна тополя, що височіє на пагорбі край дороги неподалік будинку, де проходить дитинство оповідачки («Аби охопити стовбур руками, ставало четверо чоловік», а гостру верхівку було видно з дальніх далей). Ця тополя, яку місцеві мешканці називали «наша гордість», в контексті оповіді стає не просто символом рідного краю, а й набуває сакрального значення, закоріненого в прадавні міфологічно-фольклорні уявлення.

Про віковічні традиції, які продовжують жити в сільському побуті волинян, свідчить чимало сторінок твору В. Настіної, тих зокрема, де йдеться про мистецтво народної вишивки, мережання, килимарства, про пісні, про ігри й обряди, про відзначення релігійних свят. Цікаві, наприклад, оповіді про колядування й щедрування, про вертепні дійства, які влаштовуються на різдвяні й новорічні свята. В цих описах проглядаються й привертають увагу не лише особливі місцеві прикмети, а й зворушливі паралелі з перипетіями долі мешканців Берестовця, зокрема й оповідачки. Характерні з цього погляду рядки, в яких ідеться про свято Купала: «У цей день не купалися, щоб русалки, старша з яких – Мара або Марена, сестра-ворогиня язичницького божества земних плодів Купала, – не затягнула у вир. Дівчата плели вінки і кидали їх у воду. Як попливе – вийдеш заміж за приїжджого хлопця, а потоне там, де кинули – наречений твій тут, у своєму селі. Я також кілька разів експериментувала з віночками, аби перевірити, чи підтвердяться, як виросту, ці стародавні звичаї та прикмети. Мій поплив, незважаючи на те, що в середині літа течія в річці зазвичай тихоплинна, що, певно, пов'язано зі зменшенням у спеку рівня води в руслі. Таку долю, мабуть, начаклювали собі всі дівчата з мого класу. Жодна з них не вийшла заміж за місцевого хлопця. І роз'їхалися ми в різні краї і навіть країни».

Відтак вельми органічно вплітається авторське я не лише в географічно-просторову, але і в часову, історичну ретроспективу й перспективу. Це увиразнює зокрема другий розділ – «У вирі двох світових воєн». Тут ідеться про драматичні, часто трагічні події, які довелося пережити рідним оповідачки ще до її народження. Лаконічно та виразно передані родинні перекази – суттєві документальні штрихи

картини тих тяжких злигоднів і поневірянь, які випали на долю всього нашого народу.

Хвилюючі сторінки оповіді присвячені історії знайомства й одруження батьків авторки, зрештою історії про її власну появу на світ та поступове усвідомлення себе як його невід'ємної, хоч і самоцінної частки. Авторка з тонкою спостережливістю, з бентежним замишуванням, яке не може лишити байдужим читача, оповідає про суголосне становленню її свідомості, весняне пробудження природи, про розмаїті барви й відтінки, а також духмяні пахощі садів, лугів, ланів, гаїв... Численні мальовничі пейзажі подаються в мерехтливій динаміці, пройняті зворушливим ліризмом: «Хвиля квітіння білопінною повинню затоплює село. Цвітуть вишні, яблуні, сливи... Однак тендітні квіти живуть недовго... Пелюстки зненацька відриваються від суцвіття і, кружляючи, поволі опускаються додолу. А налетить сильний порив вітру – враз здмухне силу-силенну пелюсток, безладно розкидаючи їх навсібіч. У білій завірюсі цвіту земля довкола встеляється чарівним килимом...» Не менш цікаві оповіді про принади літа, про допомогу батькам на городі, про збирання грибів та ягід, про всілякі домашні варення, соління й маринади, про забави на річці, вражають також чудові осінні й зимові пейзажі (скажімо, описи віхол та заметілей). Будівництво нової хати, народження сестрички, перший похід у школу й навчальні будні – усі ці та інші начебто буденні реалії подаються як віхи становлення особистості, як чарівні миттєвості загадкового плину буття.

Село Берестовець, як і немало інших поліських сіл, пов'язане не лише з традиційною хліборобською працею (можна принагідно згадати ще особливо яскраво змальовані авторкою збирання лісових чорниць та процес вирощування й обробки льону). Адже тут доволі широко розробляється добування так званих корисних копалин. На Житомирщині, наприклад, – це граніти і навіть самоцвіти. Чимало пізнавальних, а водночас і художньо впливових сторінок оповіді присвячено промислового освоєнню базальту, в якому брав професійну участь тато оповідачки, працюючи підришником, виконуючи небезпечні вибухові роботи.

Рідний дім, хатне господарство, подвір'я, город, сад, криниця, луг, річка, поле, ліс, школа, базальтовий кар'єр... – усі ці та інші сфери сільського життя укладаються авторкою в принадну барвисту мозаїку. Притому внутрішні радості й тривоги, сумніви й вагання головної героїні подаються здебільшого досить пунктирно. Скажімо, про дитячий переполох, від якого вдалося щасливо звільнитися за допомогою народної цілительки, просто згадується. Цей момент оповіді доречно було б драматизувати. Можна тільки уявити, які страхіття уявлялися дитині, перш ніж їх вдалося розвіяти. Якби вдалося примножити сув'язь психологічних подробиць, ще більш виразними виявилися б і постаті рідних та близьких оповідачки. Та найголовніше, що авторка щиро захоплюється розмаїтими принадами чаруючого довкілля і вмє захопити ними читача.

ВИСНОВКИ

Отже, у творі на прикладі буття родини авторки подається доволі широка панорама суспільно-політичних, зокрема воєнних подій на Волині середини й другої половини ХХ століття. На цьому лаконічно, але виразно змальованому тлі

чіткіше окреслюється історія народження героїні, пізнання нею природного й соціального довкілля та усвідомлення себе як самоцінної особистості. Розмаїття мальовничих описів переважно пейзажного характеру, зворушливі деталі сільського побуту, промовисті портретні характеристики рідних та близьких оповідачки, повчальні етнографічні екскурси, вміння піднести образну конкретику до символічних вимірів, чітка нарративна послідовність у поєднанні з мозаїчністю композиції й невимушеністю викладу – все це свідчить про художню привабливість аналізованого твору.

Список літератури

1. Винниченко В. Намисто : оповідання / Володимир Винниченко. – К. : Веселка, 1989. – 380 с.
2. Довженко О. Зачарована Десна. Оповідання. Щоденник (1941–1956) / Олександр Довженко. – К. : Дніпро, 2001. – 512 с.
3. Стельмах М. Щедрий вечір / Михайло Стельмах. – К. : Дніпро, 1967. – 144 с.
4. Улас Самчук // Слово : збірник 12 / Література. Мистецтво. Критика. Мемуари. Документи. – Вудсток, 1990. – 230 с. / Об'єднання українських письменників «Слово».

МЕМУАРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ВАЛЕНТИНЫ НАСТИНОЙ «НА РАССТОЯНИИ СЕРДЦА» В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Гуменюк В. І.

В статье рассматривается мемуарное повествование крымской журналистки Валентины Настинной. Это произведение имеет преимущественно биографический, собственно документальный характер, но эти черты отнюдь не перечеркивают его эстетической привлекательности. Это первая, но при этом довольно удачная попытка автора в сфере художественной прозы, а предлагаемая статья – первый литературоведческий отзыв о ней.

В произведении на примере бытия рода автора представляется довольно широкая панорама общественно-политических, в частности военных событий на Волыни середины и второй половины XX века. На этом лаконично, но выразительно изображенном фоне более четко очерчивается история рождения героини, познания природного и социального окружения, осознания себя как самоценной личности.

Ключевые слова: мемуарно-биографическая проза, социокультурный и литературный контекст, образ рассказчика, способы наррации, художественная образность.

MEMOIR WORK “AT THE DISTANCE OF HEART” BY VALENTYNA NASTINA IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL AND LITERARY TRADITIONS

Humeniuk V. I.

The article deals with the memoir story of the Crimean journalist Valentyna Nastina. The work is predominantly biographical, consequently documentary, but these features cancel its aesthetic appeal in no case. This is the first and, besides, rather successful author's attempt in the fiction branch and the following article is the first literary review of it.

Rather wide panorama of the social-political, including military events at Volyn in the middle and the second half of the XX century, is described in the story with the life of the narrator's family as an example. On this laconic, but expressively depicted background, the story of the character's birth, her cogniton of the natural and social environment and awareness herself as an adequate person, is described clearer. The main

*МЕМУАРНИЙ ТВИР ВАЛЕНТИНИ НАСТІНОЇ «НА ВІДСТАНІ СЕРЦЯ» В КОНТЕКСТІ
СОЦІОКУЛЬТУРНИХ ТА ЛІТЕРАТУРНИХ ТРАДИЦІЙ*

features of Valentyna Nastina's prose are the variety of colorful descriptions, predominantly landscapes, expressive recreation of the touching details of country life, eloquent portrait characteristics of the narrator's nearest and dearest, an ability to elevate a shaped specifics to the symbolic horizons, clear narrative sequence connected with easy composition and exposition.

Keywords: memoir-biographical prose, socio-cultural and literary context, narrator's image, narration's ways, artistic imagery.

УДК 811.161.2'282+81'373.7'38

ФУНКЦІОНУВАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ З ДІАЛЕКТНИМ КОМПОНЕНТОМ У МОВІ ХУДОЖНІХ ТВОРІВ

Дехтярева Е. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: dehtyaryova@rambler.ru*

У статті на матеріалі художніх текстів українських письменників кінця XIX – поч. XX ст. Л. Мартовича, В. Стефаніка, Г. Хоткевича, М. Черемшини розглядаються фразеологічні одиниці з діалектним компонентом, їх функції та стилістична роль. Діалектні фразеологізми репрезентують скарби української фразеології, підвищують емоційний фон художніх творів та дозволяють зафіксувати мовні явища, поширені лише на певній території

Ключові слова: фразеологізм, діалектизм, діалектна фразеологія, художній текст, контекст.

ВСТУП

Мова художньої літератури з лінгвістичного погляду становить органічну єдність широкого спектра взаємодіючих виражальних засобів, серед яких помітне місце належить фразеологічним одиницям. Здебільшого фразеологізми не лише називають предмети, дії, явища, а й одночасно оцінюють їх, виражають ставлення до них, експресивно характеризують. Естетична роль фразеологічних одиниць у художній літературі зумовлена їх природною образністю й емотивністю, а також умінням автора відібрати потрібний матеріал і ввести його в текст, підпорядкувати авторському задумові.

Питанням функціонування фразеологізмів у текстах присвячено роботи Л. Г. Авксентьева, М. Ф. Алефіренка, В. М. Білоноженко, В. М. Вакурова, С. А. Ганжі, І. С. Гнатюк, В. С. Калашника, М. П. Коломійця, Л. Г. Скрипник, В. Д. Ужченка, В. А. Чабаненка та ін.

Особливого значення набуває вивчення мови художніх творів тих письменників, які є носіями живого говіркового мовлення.

Актуальність зумовлена необхідністю репрезентувати діалектну фразеологію, встановити її комунікативний потенціал, функціональне навантаження в художніх текстах.

Мета – проаналізувати функціонування фразеологічних одиниць з компонентом-діалектизмом у мові художніх творів, з'ясувати роль діалектних фразеологічних одиниць (далі ДФО) у створенні відповідного стилістичного ефекту.

Матеріалом для статті послуговували ДФО, під якими ми розуміємо відносно цілісне словосполучення зі складною семантичною структурою, функціонування якого обмежується певною територією, дібрані з творів Леся Мартовича, Василя Стефаніка, Гната Хоткевича, Марка Черемшини.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Із погляду стилістики ДФО виконують функцію художньо-естетичних засобів і передбачають відповідну оцінку читачами художніх текстів. “Художньо-стильова норма мотивує використання ДФО як художнього засобу, який урізноманітнює мову персонажів, виявляє локальний колорит художньої оповіді, індивідуалізує стиль письменника й стилізує комунікативні жанри” [2, с. 200]. Разом з іншими виражальними засобами ДФО реалізують функції художніх творів. Окрім того, ДФО підкреслюють найдрібніші деталі явищ, предметів, реалій довкілля. Однак тут повинна виявитися неабияка авторська майстерність, оскільки лише за такої умови можна досягти бажаного ефекту.

Діалектний характер уживаних письменниками ФО виявляється у наявності в їхньому складі компонентів-діалектизмів. Для ДФО найбільш характерною ознакою є поява при літературному дієслові діалектизму, який вносить у контекст місцевий колорит: напр.: діал.: кидати кальму (кальмо – ганьба [3, с. 421]): Але Іван її спинив: – Спам’ятайся, дурна! А хто ж би таку “кальму” кидав на чоловіка [3, с. 344].

Діалектизми вживаються, зазвичай, у мові персонажів, використовуючись як один із способів типізації художнього образу, є засобами характеристики й самохарактеристики персонажів, доповненням їх мовної характеристики, наприклад: робити веймір (діал. веймір – галас): А ти, мерзо, знов хочеш робити веймір на всі люди [6, с. 23];

зі світу спрахтити (діал. спрахтити – звести зі світу [1, с. 176]): Є такі, що не в мирності межі собовжиют та вна би рада го зі світу спрахтити, а він ї [8, с. 149];

стулити (заткати / заткнути) хавку (діал. хавка – рот, глотка [1, с. 199]): Иди й ти за Гриньком та там будете оба сміятися з того святця, – сказав Іван, – а тут стули хавку [3, с. 237]; Одна жінка верещала особливо. Довбуш крикнув Василеві Мельнику: – З’єжи ї та заткни хаву, аби не верескотіла [8, с. 283];

лягти у деревище (діал. деревище – домовина, труна [1, с. 57]): А най ти ляжеш у деревище, та й що я варт [9, с. 271].

Діалектні компоненти у складі ФО певною мірою стилізують мову художнього твору, надають оповіді емоційно-експресивних відтінків, створюють художньо-естетичну атмосферу в літературному тексті: смучя година (діал. смучий – чортячий, анафемський [9, с. 319]): Вижу надходить смучя година, але чути не чую, хоть з гармати стрілейте. – Та-бо то й страху дає та смучя година! – перервав Митро Пужливий [9, с. 137–138].

Майстерність авторів полягає в умінні дібрати такий діалектний компонент, який не порушує смислової цілісності ФО, а надає їй нового відтінку. Із метою підкреслення саме глибини переживань, виражених фразеологізмами, письменники часто використовують компонент-діалектизм: Господи! Як дало мені пуду – волосе д’гори здіймалоси... [8, с. 113]; – Ого! Віді, і син його покійник, бо коні самі вернули з форшпанів та іржут селом, аж пуду дає [10, с. 179] – дати пуду “Лякати, страхати кого-небудь” [7, с. 214].

Діалектний компонент у ФО – це найчастіше іменники, які конкретизують значення ДФО: – А нехай би й крейцаря не був варт, то не позирай на нього ласим оком, – сказав Гаєвий [3, с. 199] – пор.: літ. не варт гроша [7, с. 68]; Най лишень

ксьондз докінчуть то, що ми знаємо, та й доляри самі зайдуть у кишеню [9, с. 205] – пор.: літ. копійка в кишеню пливе [7, с. 389]. Використовуючи діалектний фразеологічний матеріал, письменники у творах прагнуть конкретизувати надто загальне значення ФО стосовно зображуваної ситуації. Так, у наведених контекстах використання компонентів крейцар (дрібна розмінна монета зі срібла й меді, яка перебувала в обігу в Австро-Угорській імперії та Південній Німеччині до кінця XIX ст. [5, т. 4, с. 333]) та доляри (грошова одиниця США і деяких інших країн [5, т. 2, с. 357]) умотивована обставинами тогочасного життя народу, відбиває реальний зміст зображуваного.

Досліджуваний матеріал засвідчує, що письменники доволі часто використовують діалектні дієслова: блавучити – марнувати, робити абияк [4, с. 33]: Кажуть: маєш суди, боронися. Як же бідному чоловікові боронитися? Раз: не має відки (таки то коштує), а друге: блавучить час [3, с. 38]. Це посилює інформаційний план ДФО, деталізує та індивідуалізує висловлювання героїв творів, точніше відтворює атмосферу описуваного та формує авторське ставлення до повідомлюваного.

Вибір діалектного компоненту майже завжди визначається змістом контексту або мовної ситуації. Герой новели В. Стефаника “Камінний хрест” Іван Дідух, збираючись покинути рідне село та землю, на якій пропрацював ціле життя, і поїхати до Канади, дуже страждає, оскільки мусить залишити все, чому присвятив своє життя: Так баную за тим горбом, як дитина за цицков. Я на нім вік свій спендив і окалічів-см. Коби-м міг, та й би-м го в пазуху сховав, та й вьив з собов у світ. Банно ми за найменшов крішков у селі, за найменшов дитинов, але за тим горбом таки ніколи не перебаную [6, с. 68]. Завдяки використанню більш емоційного діалектного дієслова спендити – тяжко прожити [4, с. 511], автор досягає потрібної смислової напруженості та передає стан розпачу, сильні душевні переживання головного героя.

Подібна історія відбувається й із героїнею повісті Л. Мартовича “Забобон”, яка переживає за марно втрачені роки: Змалювала собі образ тоді, як роздумувала над тим, що загирила свій вік молодий. Ані одна мрія молодості не справдилася: все сталося якраз навиворіт [3, с. 276]. Діалектне дієслово загирити – губити, дівати кудись [4, с. 127] яскравіше передає емоційний стан героїні та допомагає краще зрозуміти ідейне спрямування твору.

Вплітаючи ДФО у канву художнього тексту, письменники намагаються достовірно зобразити кожну конкретну ситуацію, передати настрій персонажів та досягти бажаного художнього ефекту: Майте розум, панове газди, не подуфальтеси, не лихословте, бо за пана вахміщя гостра кара. Аді, Юсип заштрик тепер у біду, та й не знати, ци вийде з припону [9, с.51], де діал. заштрикнути – заскочити, встрибнути [4, с. 150]; діал. припін – мотузок, ремінь, яким прив’язують кого-, що-небудь [5, т. 7, с. 709]). Змальовуючи життя героя, автор веде розповідь мовою, близькою до усного народного мовлення, й ДФО тут природно вплітається в мовну тканину оповідання.

Фіксуємо в художніх творах фразеологізми, усі компоненти яких є діалектизмами. Такі ДФО уможливають у художньому стилі максимальне

наближення до дійсності, опис життя з усіма його подробицями, створення місцевого колориту, типізацію характерів представників різних соціальних прошарків: Чому його з ними розлучили, чому його беруть геть від роботи, а їх лишають, чому його убрали по-великодньому, а на них руб на рубі? [9, с. 237], де діал. руб – шов на тканині; рубець на рубці, латка на латці [4, с. 69];

Не бійтеси, дідику та й бабко, ек купите мені стрільбу, то я тоті карби вистрілею шо до лаби [10, с. 34], де діал. лаба – нога [4, с. 246].

У художніх творах ДФО виконують комунікативну, експресивно-виражальну, номінативну, стилетвірну функції. Вони унаочнюють можливості української мови в передаванні відтінків думок і почуттів, сприяють виявленню ставлення автора до описуваного, оцінці явищ і фактів дійсності, у своєму різновиді є свідченням не тільки багатства мови, а й її еластичності, багатовимірності й точності: А вже тоді два сторожі – ой дурне-е... Боже, Боже... Вже йк не дав Госпідь розуму, то мовч. Ліпше мовч. А вни... Ек роздепили хаву, то оден одно скаже, другий додаст [8, с. 275], де діал. роздепити – відкрити, хава – рот [4, с. 608];

– То ці вороги тановлять мене у бульбону, а мого адвоката занімило [9., с. 214], де діал. становлять – штовхають, бульбона – прірва, западина на сухому місці; трясовина [4, с. 42]; Гет люде падут у долину так, як би їх хто трутив у бульбону [6, с. 84], де діал. трутити – штовхати, пхати [1, с. 189].

ВИСНОВОК

Отже, аналіз діалектної фразеології української мови на матеріалі творів художньої літератури дає змогу простежити їх стилістичний потенціал. Одержані результати можуть бути використані для подальшої розробки теоретичних проблем діалектної фразеології, лінгвістики тексту, зокрема особливостей функціонування ДФО в художніх текстах. Поглиблять відомості про національно-культурну специфіку української фразеологічної системи, слугуватимуть базою для вивчення мовної репрезентації особливостей письменницького світосприйняття.

Список літератури

1. Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича ; [уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін.]. – Львів, 1997. – 230 с.
2. Єрмоленко С. Говіркове багатоголосся сучасної української прози / С. Єрмоленко // Українознавство. – 2008. – № 1. – С. 198–204.
3. Мартович Лесь Твори / Лесь Мартович. – К. : Дніпро, 1976. – 428 с.
4. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005. – 688 с.
5. Словник української мови : в 11 т. / [ред. кол. І. К. Білодід та ін.]. – К. : Наук. думка, 1970–1980.
6. Стефаник В. Повне збір. творів : у 3-х т. / Василь Стефаник. – К., 1949. – Т. 1. – 377 с.
7. Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] / [упоряд. В. М. Білоноженко та ін.]. – К. : Наук. думка, 1993. – 984 с.
8. Хоткевич Г. Довбуш : [повість] / Гнат Хоткевич. – К. : Дніпро, 2004. – 392 с.
9. Черемшина М. Твори в двох томах / Марко Черемшина. – К. : Наук. думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С
КОМПОНЕНТОМ-ДИАЛЕКТИЗМОМ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

Дехтярёва Е. В.

В статье на материале художественных текстов украинских писателей конца XIX – нач. XX вв. Л. Мартовича, В. Стефаника, Г. Хоткевича, М. Черемшины рассматриваются фразеологические единицы с диалектным компонентом, их функции и стилистическая роль. Диалектные фразеологизмы репрезентируют богатства украинской фразеологии, повышают эмоциональный фон художественных произведений и позволяют зафиксировать языковые явления, распространенные только на определенной территории.

Ключевые слова: фразеологизм, диалектизм, диалектная фразеология, художественный текст, контекст.

**FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENT-
DIALECTISM IN THE LANGUAGE OF WORKS OF ART**

Dekhtyareva E. V.

In the article, on the material of artistic texts of Ukrainian writers of the late XIX – early XX centuries – L. Martovych, V. Stefanik, G. Khotkevych, M. Cheremshina – phraseological units with dialectal components are examined, as well as their functions and stylistic role. Dialectal phraseologisms represent richness of Ukrainian phraseology, increase the emotional background of works of art and enable to fix linguistic phenomenon common only for a certain area.

Keywords: phraseologism, dialecticism, dialect phraseology, artistic texts, context.

УДК 821. 111- 312.7

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ АНГЛИЙСКИХ РОМАНТИКОВ

Доминенко Н. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: dnv.crimea@mail.ru*

В данной статье рассматривается сюжетно-композиционное построение материала в переписке английских романтиков, которое до настоящего времени не было предметом специального исследования отечественных и зарубежных литературоведов. Цель данной статьи выделить и исследовать главные тематические доминанты, а также основные композиционные части авторского литературного письма эпохи романтизма. Особенностью письма данного типа является рамочная структура, позволяющая отличить эпистолярный текст от других видов текста. Сюжет подобного письма обязательно включает обсуждение событий литературной, общественной, исторической, религиозной и культурной жизни, являющееся его смысловым и структурным центром.

Ключевые слова: сюжет, композиция, структура, рамка, паратактический.

ВВЕДЕНИЕ

Английские поэты-романтики подсознательно, а иногда и осознанно, как, например, Байрон и Саути, не исключавшие возможности дальнейшей публикации своего эпистолярного наследия, ориентировали свои послания на восприятие полиадресата. Поэтому при их написании придерживались заранее продуманной схемы изложения своих мыслей, то есть целенаправленно выстраивали композицию, которая призвана была «расположить все куски текста так, чтобы они замыкались в полное выражение идеи» [7, с.425].

По своему построению авторское литературное письмо эпохи романтизма представляет мозаику, где проза соединяется со стихами, где наблюдаются внезапные переходы от одной темы к другой, куда включаются литературные новости, критические отклики на произведения современников, которые нередко воспроизводятся «крупным» планом. Материал распределяется самим автором, что является главным средством расстановки нужных ему смысловых акцентов.

Тексты писем английских романтиков характеризуются немотивированной последовательностью тем (паратактической структурой). Целостность эпистолярного текста создается за счет единства чувства, лежащего в его основе и составляющего сущность личностного хронотопа. Однако, наряду с этим, здесь нередко присутствует и главная тематическая доминанта, отступая от которой авторы писем возвращаются к ней снова, но уже переосмысливая ее на ином уровне. Помимо ассоциативного принципа соединения частей текста письма, характерного для эпистолярия Шелли, Байрона и в большей степени Китса, графического приема – тире, связывающего и в то же время разграничивающего темы внутри их эпистолярных текстов, авторы используют и переходные фразы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Структура текста письма, существующая в настоящее время, сформировалась в результате эволюции жанра и, по наблюдениям Р. Громьяк, «состоит из таких содержательных компонентов, как приветствие, домогание благосклонности, рассказ, просьба, заключение-прощание и подпись» [4, с.236]. Изучаемые тексты писем содержат все пять вышеперечисленных содержательных компонентов структуры.

В качестве важной композиционной части текста письма следует выделить рамку (начало и конец), состоящую из обращения и подписи, являющихся одним из обязательных признаков эпистолярного текста, которые в первую очередь позволяют отличить его от текстов иного типа. Обращению и подписи отводится особая роль во временной организации текста. По словам В. Грехнева, они «всегда попадают под сильный смысловой акцент, отграничивая событие <...> в безграничном потоке внешней и внутренней реальностей, являясь своего рода “рамой”, очертания которой могут быть “твердыми” или “размытыми”» [2, с.123-125].

На выбор обращения как первоэлемент приветствия влияет концепция адресата, а также отношение корреспондентов к эпистолярным традициям и индивидуальные речевые пристрастия. Например, в письме к родственнице Кэтрин Пилфорд, одиннадцатилетний Шелли обращается «Мисс Кэт» (18.07.1803), к издателю Дж. Стокдейлу – «Сэр!» (11.11.1810), к другу Т. Дж. Хоггу – «дорогой друг» (20.12.1810), к отцу Т. Шелли – «Дорогой отец» (29.03.1811), к постоянной корреспондентке Э. Хитченер – «Сударыня!» (5.06.1811), философу У. Годвину – «дорогой сэр!» (3.06.1812), жене Мэри – «милая Мери» (18.08.1818), Байрону – «Дорогой лорд Байрон!» (4.05.1821). В письмах, адресованных некоторым друзьям и знакомым, обращение могло отсутствовать, как например в письме Шелли итальянским друзьям Гисборн от 10.07.1818 [11].

Подпись является самоименованием адресата и, следовательно, также отражает характер отношений между корреспондентами: если они официально-деловые, то передают социальный статус автора письма, если же дружеские – его эмоциональное отношение к читателю. Подпись может быть неразвернутой и развернутой. Неразвернутая подпись содержит только имя собственное, как, например, в письме Байрона к матери от 28.12.1820г.: «Твой Байрон» [1, с.190] или в послании Кольриджа Дж. Эслину: «С.Т. Кольридж» [9, р.55].

Развернутая же, кроме имени собственного, может включать местоимение П лица, прилагательное, деепричастие, редко – причастие. Например, тот же Байрон завершает письмо графу Руджеро Гамба от 12.07.1821г. таким пассажем: «Adio. Верный Вам, вечно Ваш, преданный слуга Б-н» [1, с.193]. Или в письме Кольриджа преподобному Дж. Эслину: «Преданный и искренне любящий Вас друг С.Т. Кольридж» [9, р.41].

Целостный характер эпистолярному тексту придает сюжет, тесно связанный с композицией. Сюжет текста письма эпохи романтизма представляет собой некий ряд событий, ситуаций, коллизий, целенаправленно изложенных автором в тексте и состоящий из отдельных мотивов, нередко повторяющихся.

Так как при написании письма автор надеется вызвать у адресата определенную реакцию, то сюжет он монтирует сознательно. И главное здесь – само моделирование образа автора, в соответствии с которым он видит свою роль в создаваемом тексте. Л. Орехова предложила следующую классификацию сюжетов в писательском эпистолярии: 1) сюжет взаимоотношений; 2) историко-литературный сюжет, программируемый с учетом будущего читательского восприятия (когда авторы писем видят себя в конкретной историко-литературной обстановке; 3) «микросюжеты», включающие письма, которые виделись автором как будущая публикация [5, с.50]. К обозначенным Л. Ореховой сюжетным типам добавим выделенные нами в ходе анализа эпистолярного творчества английских романтиков сюжет, связанный с описанием природы, и сюжет лирический, выражающий настроение автора, его чувства.

В авторском литературном письме сюжет взаимоотношений занимает ключевую позицию и тесно связан с культом дружбы, характерным в целом для эпохи романтизма. Дружеская переписка в начале XIX столетия порой подразумевала не личную исповедь, а своеобразную литературную игру, демонстрацию «позы» автора, поэтому структурно организующая всякое письмо ситуация общения предполагала его определенную роль в расчете на адресата (стиль, отбор фактического материала и, естественно, определенную меру откровенности) даже в тех случаях, когда автор письма стремился максимально скрыть или мифологизировать свой внутренний облик, «когда в письме очертания характера адресата яснее, чем самого автора» [6, с.195]. В своей переписке романтики выстраивают стилевую модель, соответствующую некоему условленному типу общения, влияющему и на предметно-тематическое содержание письма.

Как показал анализ эпистолярного наследия английских романтиков, сюжет в их письмах обязательно включает в себя события литературной, общественной, исторической, политической, религиозной и культурной жизни, являющиеся, как правило, его «ценностным центром». Последовательность, отбор и расположение этих событий полностью зависят от воли автора. Определенные события частной жизни, которые также включены в сюжет, освещаются именно в той мере и таким образом, которые необходимы писателю. Авторы могут привлечь внимание адресата к самому яркому в их глазах, запоминающемуся событию личного и общественного бытия, что является «концептуально-авторским художественным воплощением пространственно-временных связей, шире – автоконцепцией мира» [5, с.88].

Анализ собранного материала свидетельствует, что у Вордсворта и Китса даже в политематическом письме преобладает освещение событий литературной реальности: они пишут о процессе создания своих произведений, собственных достижениях, дают рецензии на литературные работы других авторов и рекомендации относительно творческого труда вообще, рассуждают о сущности поэзии, роли и предназначении поэта в целом.

Так, например, в письме к Дж.Г. Рейнольдсу от 17-18 апреля 1817г. Китс, восхищаясь красотами «необычайно живописного» местечка Шенклин, где он

останавливался во время пешего путешествия по Шотландии и Ирландии, пишет о чувствах, которые вызывает у него Поэзия, о своей работе над самой объемной своей вещью «Эндимион», цитирует шекспировских «Бурю», «Короля Лира», «Сон в летнюю ночь» [10]. Вордсворт, которого Китс ценил за его поэтическое дарование, в одном из своих мартовских писем к Дж. Скотту от 1816г., описывая живописные леса Лоутера, много говорит о своих стихах, отосланных адресату для критического отзыва, о поэте Бернсе и т.д. [12, p.720].

Внимание раннего Шелли в письмах сосредоточено по преимуществу на вопросах, касающихся религии, политики, общества. Позднее, находясь в Италии, Шелли концентрируется на природе этого удивительного края, античных памятниках архитектуры, произведениях искусства эпохи Возрождения, на нравах и обычаях местных жителей, хотя не избегает и суждений об актуальных политических событиях. Так, в письме к У. Годвину от 25.07.1818г., кроме своего восторженного отношения к «чудесному климату» Италии и чтению Ариосто и Платона, Шелли делится мыслями о всеобщих выборах, войне, «столь невыгодной для Англии в ее нынешнем положении»[11].

Байрона в первую очередь интересует то, что происходит на политической арене Британии и Европы (Франции, Греции, Италии) в целом. В переписке этого представителя младших романтиков активно обсуждается также тема литературного творчества.

Саути в своем эпистолярном наследии, кроме литературы и религии, заинтересованно освещает и сложившуюся в стране политическую ситуацию, революцию в Испании (1820-1823, 1834-1843), революцию во Франции (1830), ускорившую и революцию в Бельгии (1830). Он критически оценивает действия правительства и оппозиции, делает прогнозы относительно будущего страны.

Кольриджа, в отличие от остальных романтиков, в зрелом возрасте в основном занимает религия: он размышляет о сущности христианства, много пишет об унитаризме, деизме и т. п. [9].

Одной из особенностей композиции писательского эпистолярного английского романтиков является наличие лирических отступлений, как например, в одном из писем Вордсворта: « Остров Мэн можно увидеть прямо из нашего окна. И в такую изменчивую погоду он часто оказывается в поле нашего зрения. Его вид доставляет нам большое удовольствие. Однажды днем небо над островом было затянуто облаками, форма и цвет которых напоминали рошу зимой, убеленную снегом и освещенную утренним солнцем» [12, p.469].

Кроме того, в письмах романтиков в течение событий наблюдаются хронологические перестановки, когда авторы писем переходят от одних моментов жизни к другим, более ранним, или наоборот, забегают вперед. Приведем пример из письма Шелли от 9.11.1818г., в котором впечатления от итальянского искусства, созданного в прошлом, сочетаются со светлыми мыслями поэта о будущем: «Материальная оболочка этих творений обречена на исчезновение, но они живут в душе людей, и связанные с ними воспоминания передаются от поколения к поколению. Поэт воплощает их в своих стихах, философы, обращаясь к ним, строят системы, проникнутые большей человечностью, общественное мнение, имеющее

силу закона, подвергается воздействию этих воспоминаний; люди становятся лучше и мудрее, и так, вероятно, сеются незримые семена, из которых вырастет нечто более прекрасное, чем их источник» [8, с.160-161]. Своеобразный переход от настоящего к будущему совершает Китс в письме к Дж.Г. Рейнольдсу от 3.02.1818г.: «Человеку не следует спорить или настаивать на своем, а лучше шепотом делиться своим мнением с близкими людьми, и, поглощая своей душой живительный сок из пространства, расположенного над нами, любой смертный станет великим, и человечество из пустоши, <...>, где сосну и дуб не часто встретишь, превратится в большой и цветущий лес» [10].

Особенностью композиционного построения романтического письма является также наличие рисунков, как например в письме Шелли Э.Ф. Грэмму от 23.04.1810г. [8, с.5] или в послании Г.Ревли от 19.04.1821г. [8, с.5]. Помимо этого, в структуре послания нередко находится место и собственным поэтическим произведениям.

Показательно в этом плане письмо Китса другу Б. Бейли от 13.03.1818 г., где содержится первоначальный набросок сонета «Четыре разных времени в году»:

*Четыре разных времени в году.
Четыре их и у тебя, душа.
Весной мы пьем беспечно, на ходу,
Прекрасное из полного ковша [3, с.145].*

Байрон свое письмо от 23.08.1821 г. издателю Дж. Меррею, у которого возникли вопросы по поводу сюжета «Дон Жуана», заканчивает стихотворной шуткой:

*Вальдгрейв милей Вам, Орфорд тоже,
Вы оценили их дорожке.
А как же я, помилуй Боже,
Джон Меррей? [1, с.198].*

Сочетание стихов и прозы в эпистолярной романтике, а также отмеченные выше смысловые параллели писем и художественных произведений свидетельствуют о том, что их авторы ощущали единство своего творчества, независимо от конкретной – собственно поэтической или документально-художественной формы реализации рождавшихся замыслов.

ВЫВОДЫ

Накопленный опыт поэты-романтики отражают в письмах при помощи эпистолярного нарратива, представляющего собой рассказ о каких-либо событиях жизни. Современные нарратологи рассматривают нарратив как один из способов репрезентации событий прошлого при помощи совокупности упорядоченных предложений, передающих временную последовательность событий. Автор-романтик по своему усмотрению выбирает и монтирует отдельные звенья из

широкой предметно-психологической сферы, о которой он сообщает читателю, выдвигая на передний план в письме то, что видится ему главным.

Список литературы

1. Байрон Дж. Г. На перепутьях бытия... : художественная публицистика : [письма, воспоминания, отклики] : пер с англ. / Дж. Г. Байрон ; [сост., авт. предисл. и коммент. А. М. Зверев]. – М. : Прогресс, 1989. – 432 с.
2. Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение / В. А. Грехнев. – Нижний Новгород, 1997. – С. 123-125 (разд. «Начала и концы»).
3. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковальов та ін. – К. : ВЦ «Академія», 2006. – 752 с.
4. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / [под ред. А. С. Дмитриева]. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 639 с.
5. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Орехова. – Днепропетровск, 1992. – 31 с. – укр.
6. Попова А. Н. Роль глаголов в организации эпистолярного текста (на материале писем А. П. Чехова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Попова ; Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. — Томск, 1992. — 20 с.
7. Тодд Ш У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в Пушкинскую эпоху. СПб. : Академический проект, 1994. – 207 с.
8. Шмелева Т. В. Речевой жанр : опыт общепилологического осмысления / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1995. – № 1-2. – С. 57-65.
9. Collected letters of S. T. Coleridge : in 4 vols / ed. by E. L. Criggs. – Oxford, 1956-1959.
10. Kitson P. "Coleridge, the French Revolution, and 'The Ancient Mariner' : Collective Guilt and Individual Salvation," Yearbook of English Studies, 64. 1989. 270 – 276.
11. Letters of S. T. Coleridge / ed. by E. H. Coleridge. – Boston ; New York, 1895.
12. Lewis W. S. Introduction. In: «Horace Walpole's Correspondence with Sir Horace Mann» / W. S. Lewis // Lewis W. S. Warren Hunting Smith and George Lam. – Vol. I / W. S. Lewis. – New Haven : Yale Univ. Press, 1954. – P. XXVI.

SUBJECTIVE-OBJECTIVE ORGANISATION OF MATERIAL IN ENGLISH ROMANTICISTS' EPISTLES

Dominenko N. V.

Subjective-objective organisation of the material in English romanticists' epistles is considered in this article, which has not been in the focus of Russian and foreign literary critics so far. The aim of this article is to determine and investigate the main thematic dominants as well as important parts of the plot of writer's epistles of English romanticists. The feature of such type of letter is a framestructure allowing to distinguish epistolary text from other types of text. The subject of such letter includes the discussion of events of literary, public, tohistorical, religious and cultural life, being its semantic and structural center. Subjective-objective organisation of the material in the correspondence of English romanticists has not been studied by Russian and foreign literary critics.

Key words: plot, composition, structure, frame, paratactic.

УДК 347.6

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОГО МАТЕРИНСТВА НА ПРИКЛАДІ ДРАМИ В. ВИННИЧЕНКА «ЗАКОН»

Жуков А. Є.

*Донецкий национальный университет, Донецк
E-mail: myself.myself@mail.ru*

Стаття присвячена вивченню проблеми сурогатного материнства крізь призму трьох аспектів – законодавчого, суспільного та літературного. Обрана тема є актуальною, бо, по-перше, не належним чином урегульована на законодавчому рівні; по-друге, є інтенсивно обговорюваною у суспільстві; по-третє, піднімається ще й на літературному рівні, про що може свідчити драма В. Винниченка «Закон», яка розглядалася лише в загальному контексті драм письменника і не була темою окремого дослідження.

Ключові слова: сурогатне материнство, ембріон, драма, етичний та фізіологічний закон.

Діти нам даються для того,
щоб з їх допомогою ми стали мудрішими
і вирішили свої завдання на Землі.

А. Некрасов

ВСТУП

На сьогодні, дякуючи швидкому прогресу медичної науки і використанню наукових досягнень в лікувальній практиці, значно розширились можливості подолання безпліддя. До заходів медичного впливу, стимулюючих репродуктивні процеси, крім всім відомого штучного запліднення, відноситься і такий спосіб, при якому ембріон, зачатий в пробірці, переноситься в організм так званій сурогатній матері для виношування і народження дитини з наступною його передачею замовникам (генетичним батькам). Значення сурогатної матері полягає в тому, щоб виносити і народити здорову дитину. Ні в українському та російському законодавствах, ні в наукових працях немає відповідей на багато правових питань, які виникають і можуть виникнути, зокрема в зв'язку з укладанням договору про сурогатне материнство. Крім того, на законодавчому рівні не дано визначення терміну сурогатного материнства. Правове регулювання даного методу на сьогодні знаходиться на невисокому рівні. У Сімейному Кодексі РФ є лише дві статті, що стосуються сурогатного материнства. З цих статей виходить, що, по-перше, сурогатне материнство в РФ дозволено, а, по-друге, право визначати долю дитини надано сурогатній матері. Проте сама процедура сурогатного материнства і природа відносин між сурогатною матір'ю і подружньою парою не обумовлені, що теоретично припускає виникнення різного роду казусів, а на практиці надає

сурогатним матерям можливість шантажу генетичних матерів [6]. Таким чином, обрана тема роботи **актуальна** і обумовлена, по-перше, тим, що не достатньо досліджена на законодавчому рівні, по-друге, в суспільному житті не має єдиного погляду на цю проблему, по-третє, драма В. Винниченка «Закон» є недостатньо дослідженою в літературному дискурсі.

Мета роботи – з'ясувати поняття сутності та значення сурогатного материнства в сучасних умовах та крізь призму драми В. Винниченка «Закон». Мета передбачає розв'язання таких завдань: 1) дослідити історію написання та подати оцінку критиків; 2) подати власний аналіз крізь призму авторської інтерпретації; 3) проаналізувати сурогатне материнство на сучасному рівні (на основі життєвої правди); 4) провести соціологічний аспект (анкетування).

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Володимир Винниченко написав драму «Закон» в 1923 році. Вперше надрукована вона того ж року окремим виданням у Празі видавництвом «Нова Україна». У Радянській Україні перевидавалася в 1927 р. в 15 томах 24-томного зібрання «Творів» В. Винниченка. П'єса відразу після публікації була перекладена німецькою мовою і ставилася у Німеччині, згодом – в інших країнах Європи [2, с. 5].

У драмі йдеться про суворий етичний та фізіологічний закон, який не має винятків: материнський обов'язок і материнська любов – чи не найпотужніша життєва сила.

Екстравагантна героїня п'єси – Інна – силкується кинути виклик цій силі. Вона не може мати дітей, але конче хоче створити повноцінну родину, яку такою, на її переконання, робить саме дитя. Інна нав'язує чоловікові свій план: він повинен знайти (взяти за особисту секретарку) дівчину, спокусити її, щоб вона, завагітнівши і народивши, була змушена покинути немовля. Сурогатна матір отримає компенсацію і поїде геть, а щаслива родина виховуватиме спадкоємця. Спочатку план спрацьовував: найнята на роботу молоденька секретарка Люда справді закохалася у професора Мусташенка і виносила йому дитину. Проте Інна не врахувала, що Люда не позбавлена материнського інстинкту і не захоче віддати свою кровинку. Збудований щасливий будиночок виявляється картковим і руйнується. Природу не переможеш, якщо вона – здорова. Інні вистачає мудрості зрозуміти це і відійти у тінь, щоб дати спокій і надію майбутній молодій родині.

Незважаючи на те, що драма була написана майже 100 років тому, питання, які піднімалися в ній, є актуальними й сьогодні.

Л. Мороз зазначає: «Що для Винниченка було головним – його внутрішній світ чи зовнішня об'єктивна реальність? Як митець Винниченко був значно проникливіший, аніж як власне політик. Через думки, настрої, почуття своїх персонажів... драматург досліджував, аналізував сутність певного людського типу або соціального, політичного явища» [3, с. 35]. Власне, звідси й оригінальність, незвичність у зображенні характерів, адже автор намагається подати цю психологічну інстанцію у належній формі. Характер у драмі інтерпретуємо не

тільки як якісну форму вияву образу персонажа, а як живу, органічно самодостатню категорію, наповнену певними психологічними ознаками. У «Законі» характери при всій, здавалося б, визначеності та рельєфності, ніколи не несуть у собі якоїсь однієї домінантної риси.

На думку Н. Блохіна, «основний мотив, який варіюється майже в усіх драмах, пов'язаний з темою материнства. В. Винниченко цілком свідомо розвиває думку про дитину як метафору руйнації стосунків між чоловіком і жінкою. Незважаючи на те, що саме жінка в центрі подій, вивищення над чоловіком своїм інтелектом, емоційністю, дієвістю, неможливо говорити про цілковиту феміністичну орієнтацію драматургії В. Винниченка, але беззаперечно незвичність його трактування таких «недоторканих тем, як материнство, статеві стосунки, тілесність саме з біологічної точки зору, а також гендерна проблематика, яка ґрунтується а постійному двобої між жіночим та чоловічим початками» [1, с. 38].

Проблема характерологічного фону, яку В. Винниченко досліджував конкретно чи спорадично в ранній творчості, набирає ширшого спектру. Вона ставиться в просторі власної душі, власної сім'ї, найближчого оточення і – ширше – в суспільстві. Якщо у раннього Винниченка ця лінія вимальовувалася у сфері побутового, то після його герої виходять за межі традиційних взаємин, що дає можливість читати кожну драму різноплосинно.

У сучасному житті багато жінок користуються послугами сурогатної матері. Одні роблять це через різні примхи, бо не хочуть народжувати, щоб не поглядшати, а інші – через стан свого здоров'я. З останніх яскравим прикладом є американська акторка Елен Помпео (зірка серіалу «Анатомія Грей»), яка зізнається, що до останнього моменту приховувала народження доньки від сурогатної матері, бо, на жаль, далеко не всі люди її зрозуміли б. «Виношувати дитину, піклуватися про неї, щоб потім віддати її, я вважаю це просто неймовірним вчинком. Я безмежно вдячна тій жінці, чие ім'я я не буду називати. Я була там, під час запліднення, дивилася на ембріон через мікроскоп і тримала сурогатну матір за руку. Ми молилися і просили Бога допомогти нам і тепер у нас є ця чарівна крихітка» – додає актриса [5].

Сурогатне материнство, яке бере свої витоки з давніх часів, сьогодні унікальна і єдина можливість для мільйонів безплідних сімей мати дітей. Гестаційне сурогатне материнство дозволено законом деяких країн і користується величезною популярністю. У разі гестаційного сурогатного материнства здорова, стороння жінка виношує дитину, який не пов'язаний з нею генетично, для бездітної пари. Зачаття відбувається поза тілом генетичної матері, після чого запліднена яйцеклітина переноситься в матку сурогатної мами. Але зустрічаються в сучасному світі і випадки традиційного сурогатного материнства, тобто коли жінка, виношувана дитини, пов'язана з ним генетично. Такий вид сурогатного материнства дозволений в деяких країнах. Одна така сурогатна мати розповіла, як вона зважилася на такий крок, що вона відчувала впродовж 9 місяців, і чи легко їй було віддавати немовля, наполовину їй рідного, у всіх сенсах цього слова: «Про сурогатне материнство я вже чула, бачила кілька передач по телевізору, читала в журналах. Коли у нас в родині виникла гостра потреба в грошах, я згадала про ці передачі. Поділилася своєю ідеєю з чоловіком. Він спочатку був різко проти того,

щоб я цим займалася. Але, коли я пояснила йому, що і як, мені вдалося його переконати. Родичі теж мене зрозуміли і підтримали. Ще в пологовому будинку я підписала відмову від дитини, яку народжувала і згоду на запис батьків дитини в свідоцтво про народження в якості батька і матері. У той момент я теж трохи стала сумніватися. Я могла не підписувати ці документи і, в результаті, оформити дитину на себе, тому що спочатку матір'ю вважається жінка, яка його народила. До того ж, я була і донором яйцеклітини. Але цей варіант я відкинула. Я погодилася на роль сурогатної мами, щоб дати людям можливість стати батьками і допомогти своїй родині матеріально. Я згадала слова психолога, який мені говорив про те, що ця дитина не моя, мені його довірили на час, як виховательці в дитячому садку, і коли прийде час, я повинна віддати дитину законним батькам. Скажу чесно, це не так просто як здається на перший погляд. І я до початку програми думала, що все це пройде якось легше, в психологічному плані. Але, це дійсно складно, а особливо, коли я розуміла, що в цій дитині є частинка мене. Він буде в чомусь схожий на мене, можливо, перейме мої риси характеру тощо, а я ніколи, навіть краєчком ока, не побачу його і цієї нашої схожості. Звичайно, це на краще, що ми не зустрінемося з ним, бо тоді, напевно, було б взагалі нестерпно боляче. У кожному разі, я з упевненістю можу сказати, що я не пошкодувала про такий вчинок ні на краплю. Я подарувала неймовірне щастя людям, які будуть вдячні мені до кінця життя, я допомогла своїй родині і забезпечила рідним дітям хороше майбутнє» [4].

У ході анкетування були опитані респонденти віком від 15 і до 65 років. Всього було опитано 200 осіб. Умовно їхні думки можна поділити на 3 групи. До першої групи належать ті, хто схвалює сурогатне материнство, але якщо вона відбувається за обопільною згодою (а не як це відбувалося у драмі В. Винниченка). Цю групу складають більшість опитувачів. До другої групи належать ті респонденти, які нейтрально до цього ставляться. Вони не заглиблюються у цю проблему, але знають про її існування. До третьої групи належить низка людей, які категорично проти сурогатного материнства. У відсотковому відношенні це виглядає так: 50% – 35% – 15%. Зокрема, одна жінка зазначає: «Якщо в подружжі немає дітей, то на те є причина. Лікуйте тіло у лікарів, а душу – в монастирі. А штучне материнство – то гріх, я його не приймаю».

ВИСНОВКИ

Отже, вважаємо, що материнство – то найсвятіша річ, яка може статися з жінкою. Але це не означає, що, якщо жінка не народила сама, вона не є справжньою матір'ю. Бо не та мати, що народила, а та, що виховала. З приводу цієї теми до сих пір тривають дискусії, тому не можливо точно визначити, яка саме думка є правдою. Наша стаття, в першу чергу, націлена на просвітництво (пояснити, що таке сурогатне материнство, та показати, що нічого поганого в цьому немає, якщо це виконується лише з метою наживи грошей у системі). Головна героїня драми панна Інна не пізнала щастя материнства, в першу чергу, через те, що процес цей був влаштований на брехні. Можливо, якщо б вона сказала правду Людї, все закінчилося б по-іншому.

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОГО МАТЕРИНСТВА НА ПРИКЛАДІ ДРАМИ В. ВИННИЧЕНКА «ЗАКОН»

Кожен сам має право вирішувати, як ставитися до сурогатного материнства. Для людей, які отримали довгоочікувану дитину, це благо. Але суспільство з існуючими моральними принципами поки ще із засудженням ставиться до жінок, які стають сурогатними матерями. Розбіжність релігійних, моральних, етичних і юридичних точок зору на цю проблему призводить до невгаваючих суперечок. Але доводиться визнати, що сурогатне материнство – це просто факт, який прийшов в наше життя і, по всій видимості, нікуди тепер від нас не дінеться.

Хочемо також наголосити на тому, що сурогатна мати, на наш погляд, робить неоціненне добро – вона дарує надію тим жінкам, які вже навіть і не сподівалися відчувати себе матір'ю та пригорнути свою крихітку до себе.

Список літератури

1. Блохіна Н. Драматургія Володимира Винниченка: Феміністичне прочитання / Н. Блохіна // Січ. – 2002. – №4. – С.33 – 38.
2. Гуменюк В. П'єса В. Винниченка "Закон" / В. Гуменюк // Дивослово. – 2002. – №4. – С.6 – 8.
3. Мороз Л. Етичне розв'язання конфлікту в драмах Винниченка / Л.Мороз // Михіда С. Слідами його експериментів: Змістові доміанти та поетика конфлікту в драматургії В.Винниченка. – Кіровоград: Центральне Українське видавництво, 2002. – 192с.
4. <http://surogatnoematerinstvo.com.ua/ua/psikhologichni-aspekti/74-chi-legko-vinositi-i-viddati-ditinu-chuzhim-lyudyam> (дата звернення: 21.09.2015).
5. <http://bestwom.ru/novosti/ellen-pompeo-skryvala-cto-stala-mamoy-vo-vtoroy-raz> (дата звернення: 20.09. 2015).
6. Сімейний кодекс РФ від 08.12.1995 р.

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ПРОБЛЕМИ СОВРЕМЕННОГО МАТЕРИНСТВА НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ В. ВИННИЧЕНКО «ЗАКОН»

Жуков А. Е.

Статья посвящена изучению проблемы суррогатного материнства сквозь призму трех аспектов – законодательного, общественного и литературного. Выбранная тема актуальна, поскольку, во-первых, не должным образом урегулирована на законодательном уровне; во-вторых, является интенсивно обсуждаемой в обществе; в-третьих, поднимается еще на литературном уровне, о чем может свидетельствовать драма В. Винниченко «Закон», которая рассматривалась лишь в общем контексте драм писателя и не была темой отдельного исследования.

Ключевые слова: суррогатное материнство, эмбрион, драма, этический и физиологический закон.

INTERPRETATION PROBLEMS OF MODERN MOTHERHOOD AS AN EXAMPLE VYNNYCHENKO DRAMA "LAW"

Zhukov A. E.

The article is devoted to the problem of surrogacy in the light of three aspects - legal, social and literary. The theme is relevant because, firstly, not properly settled by law; secondly, is intensely debated in society; Third, rising more on the literary level, which may indicate Vynnychenko drama "Law", which was seen only in the overall context dramas writer and was subject of a separate study.

Keywords: surrogacy, embryo, drama, ethical and physiological law.

УДК 821.161.1-4.091 "18"

КНИГА А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН» И «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Зябрева Г. А., Блинова А. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: nastuxa_2006@list.ru*

Публикация посвящена реконструкции интертекста Ф. М. Достоевского в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Выявлены переклички писателей на жанрово-стилевом, идейно-образном, концептуальном уровнях, а также отмечены расхождения между авторами, порожденные их мировоззренческими и поэтологическими предпочтениями. Анализ текстуального материала, проделанный с использованием современных методик освещения литературной реальности, свидетельствует об актуальности проблемы взаимосвязей классиков и новизне полученных результатов.

Ключевые слова: мотив, жанр, интертекст, аллюзия, идейно-эстетическая позиция.

ВВЕДЕНИЕ

А. П. Чехов и Ф. М. Достоевский, как известно, оставили глубокий след в истории русской и мировой литературы. Но хотя связи каждого из них с предшественниками и последователями осмысливались широко и целенаправленно, их контакты друг с другом практически не привлекали внимания исследователей. Причина понятна: каждый из литераторов работал в собственной системе аксиологических и поэтологических координат, кроме того, А. П. Чехов достаточно критически относился к наследию Ф. М. Достоевского (см. письмо к А. С. Суворину от 5 марта 1889 г., [4]). Тем не менее в последнее время в результате активизации компаративного направления в литературоведении проблема творческих взаимоотношений прозаиков встала на повестку дня (см. работы Г. П. Бердникова, М. Ю. Чотчаевой).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В поле зрения ученых-филологов попадают переклички отдельных рассказов А. П. Чехова с «Великим пятикнижием» Ф. М. Достоевского, а также пересечения обоих авторов в области художественной документалистики. Имеются в виду «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Остров Сахалин» А. П. Чехова. Рассматривая эти книги, исследователи, как правило, анализируют их очерково-фактографическую природу и тематику. А между тем оба произведения связаны и мотивно, и концептуально, и идейно-образно. Характеристика именно этого типа связей и составляет цель настоящей публикации. В свою очередь постановка данной цели и результаты ее разрешения определяют научную новизну работы.

Напомним, что за осмысление темы каторги писатели принимаются по разным причинам: Ф. М. Достоевский из-за сложившихся жизненных обстоятельств, связанных с увлечением радикальными идеями, а А. П. Чехов – в силу своей гражданской позиции, жажды познания новой реальности. Переключки между авторами проявляются на разных уровнях. Самый общий из них – уровень жанровый. Ф. М. Достоевский создает «Записки», А. П. Чехов – очерковое произведение, с уточняющим подзаголовком «Из путевых записок». И та, и другая книги представляют собой нравоописательные зарисовки, но у А. П. Чехова доминирует живая фактография, свойственная путевым жанрам, а у Ф. М. Достоевского – художественная типизация характеров и обстоятельств, присущая повествовательной прозе. Следующий уровень – содержательный – касается проблематики произведений: проявлениям русского духа в экстремальных условиях и отношениям отечественной интеллигенции с простым людом. Рассматривая совокупность этих вопросов, оба литератора раскрывают целый ряд сходных коллизий и ситуаций: конфликты в общих камерах, роль азартных игр в повседневной жизни заключенных, телесные наказания, которым те подвергаются, побег с каторги и проч. Все это подается каждым из авторов сквозь призму их эстетических приоритетов. Ф. М. Достоевский на первый план выдвигает психолого-философское исследование души каторжного и обнаруживает, что даже в этих внутренне изувеченных людях проявляются коренные свойства национального характера: его способность к великим страданиям и великому терпению, умение различать добро и зло, не уходить от ответственности за содеянное, вера в высшую справедливость бытия и поэтому взгляд на наказание как необходимое воздаяние за свои поступки. В книге А. П. Чехова доминирует социально-психологический угол зрения: русский народ предстает здесь носителем немалых физических и нравственных сил, искаженных его поведением на воле, порочным бытом каторги и безжалостным отношением со стороны властей и отечественной интеллигенции, принимающей сложившейся порядок вещей с традиционными наказаниями себе подобных. Третий уровень повествования основан на интертекстуальных связях, среди которых преобладают чеховские аллюзии на книгу предшественника. У А. П. Чехова обнаруживаем, как минимум, четыре фрагмента, прямо восходящие к наследию Ф. М. Достоевского: 1) обращение к повести «Село Степанчиково», актуализирующее образ Фомы Фомича Опискина; 2) отсылка к «Мертвому дому», образ которого перерастает в «Острове Сахалине» в образ ада; 3) сцены телесного наказания каторжного, перекликающиеся с «Записками» Ф. М. Достоевского в мельчайших деталях; 4) изображение состояния человека перед смертной казнью, ярче всего представленное у романиста художественно («Идиот»), а у очеркиста – в документально-публицистическом ключе.

Первая аллюзия соотносит фигуру тирана и деспота Опискина с так называемым «культурным» обществом, которое «засело на Сахалине так же крепко, как Фома в селе Степанчикове, и неумолимо <...> как Фома» [3 с. 137]. Посредством своеобразной параллели с героем Ф. М. Достоевского, А. П. Чехов емко характеризует нравы многих «свободных» граждан, чье болезненное самолюбие и социальная безответственность «заедают» жизнь каторжан.

Вторая чеховская цитата опосредует обращение к «Запискам из Мертвого дома»: «Но, как бы то ни было, "Мертвого дома" уже нет <...> Теперь уже не катают каторжных в бочках и нельзя засечь человека или довести его до самоубийства без того, чтобы это не возмутило здешнего общества и об этом не заговорили бы по Амуру и по всей Сибири. Всякое мерзкое дело рано или поздно всплывает наружу, становится гласным, доказательством чему служит мрачное онорское дело, которое, как ни старались скрыть его, возбудило много толков и попало в газеты...» [3, с. 320–321]. Этими словами А. П. Чехов утверждает наличие некоей обнадеживающей перспективы, показывает, что каторга все же меняется, она отлична от той, что была при Ф. М. Достоевском, и, кажется, идет по пути определенных улучшений.

Тем не менее, на страницах своей книги А. П. Чехов проводит и совершенно уникальную, воистину трагическую аналогию с предшественником. Хотя Сахалин уже не Мертвый дом эпохи Ф. М. Достоевского, однако в целом он мало чем отличается от ада. Поначалу указание на это возникает лишь в пейзаже: «Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. Сквозь потемки и дым, стлавшийся по морю, я не видел пристани и построек и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки, из которых два были красные. Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастической. На левом плане горят чудовищные костры, выше них – горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних пожаров; похоже, как будто горит весь Сахалин. Вправо темною тяжелою массой выдается в море мыс Жонкьер, похожий на крымский Аю-Даг; на вершине его ярко светится маяк, а внизу, в воде, между нами и берегом стоят три остроконечных рифа – "Три брата". И все в дыму, как в аду» [3, с. 54]. Далее этот мотив будет варьироваться на протяжении всего повествования: виды грязных казарм, неблагоустроенных тюрем, фигуры худых истощенных каторжников, нищих детей, женщин-проституток, осознание ими невозможности вырваться в другую жизнь, на материк, в настоящую «другую Россию» – все это закрепит образ реального ада на земле. И А. П. Чехов – словно античный Вергилий, путешествующий по кругам сахалинской преисподней, – ужаснет нас не менее, чем его старший собрат по перу.

Третья цитата касается телесных наказаний, изображение которых у обоих писателей совпадает практически полностью. Чеховского арестанта приговорили к наказанию в 90 плетей, арестанта Ф. М. Достоевского – в 105 ударов. А. П. Чехов сам был свидетелем экзекуции, герой Ф. М. Достоевского услышал о наказании от потерпевшего. У А. П. Чехова читаем: «Палач берет плеть с тремя ременными хвостами и не спеша расправляет ее. – Поддержись! – говорит он негромко и, не размахиваясь, а как бы только примериваясь, наносит первый удар <...> В первое мгновение Прохоров молчит и даже выражение лица у него не меняется, но вот по телу пробегает судорога от боли и раздается не крик, а визг». [3, с. 337]. У Ф. М. Достоевского находим: «Тимошка [палач] раздел, положил, кричит: "Поддержись, ожгу!" – жду: что будет? <...> Как он мне влепит раз, – хотел было я крикнуть, раскрыл было рот, а крику-то во мне и нет. Голос, значит, остановился. Как влепит

два, ну, веришь или не веришь, я уж и не слышал, как два просчитали» [2, с. 92]. Как видим, сцена наказания у А. П. Чехова – своеобразная реминисценция из произведения Ф. М. Достоевского, снабженная лишь некоторыми новыми подробностями. Поэтому неслучайно оба автора приходят к одинаковым выводам: телесные наказания – зверское издевательство над человеком, чреватое ожесточением души как самих арестантов, так и зрителей; возводящее жестокость в ранг нормы; по сути – злокачественная опухоль русского общества, которую необходимо искоренить, дабы последнее не погибло.

Сближает авторов «Сахалина» и «Мертвого дома» изображение смертной казни. Этот эпизод у А. П. Чехова аллюзивно связан с известным эпизодом из жизни самого Ф. М. Достоевского, воспроизведенным в романе «Идиот». Приведем соответствующий фрагмент из него: «Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет <...> Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживет столько жизней, что еще сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он еще распоряжения разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты еще положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть. Он очень хорошо помнил, что сделал именно эти три распоряжения и именно так рассчитал <...> Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чем он будет думать: ему всё хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже некто, кто-то или что-то, – так кто же? где же? <...> Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорил, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: "Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И всё это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!". Он говорил, что эта мысль у него наконец в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили» [2, с. 51–52].

В книге А. П. Чехова все изложено суше и лаконичнее, но по сути не менее трагично: «Страх смерти и обстановка казни действуют на приговоренных угнетающим образом. На Сахалине еще не было случая, чтобы преступник шел на казнь бодро. У каторжного Черношея, убийцы лавочника Никитина, когда перед казнью вели его из Александровска в Дуэ, сделались спазмы мочевого пузыря, и он то и дело останавливался; его товарищ по преступлению Кинжалов стал заговариваться. Перед казнью надевают саван, читают отходную. Когда казнили убийц Никитина, то один из них не вынес отходной и упал в обморок. Самому

молодому из убийц, Пазухину, уже после того, как на него был надет саван и прочли ему отходную, было объявлено, что он помилован; казнь ему была заменена другим наказанием. Но сколько должен был пережить в короткое время этот человек! Всю ночь разговор со священниками, торжественность исповеди, под утро полстакана водки, команда "выводи", саван, отходная, потом радость по случаю помилования и тотчас же после казни товарищей сто плетей, после пятого удара обморок и в конце концов прикование к тачке» [3, с. 340].

ВЫВОД

Итак, перед нами два сходных эпизода, свидетельствующие, что А. П. Чехов явно идет вслед за Ф. М. Достоевским. Однако выявленная параллель важна также для понимания оригинальности творческой манеры каждого из авторов. То душевное состояние пред смертью, которое Ф. М. Достоевский передает образно – поэтически, посредством глубокого психологического анализа, у А. П. Чехова умещается в двух строчках в одном восклицательном предложении: «Но сколько должен был пережить в короткое время этот человек!» [3, с. 340]. Ф. М. Достоевский исследует происходящее по минутам, словно «материализуя» время, растягивая его. А. П. Чехов, напротив, – концентрирует, спрессовывает временной поток.

Однако, несмотря на несомненные различия, с полным основанием приходим к выводу о реально существующих связях обоих классиков, что диктует необходимость дальнейшего исследования их контактов.

Список литературы

1. Бердников Г. П. Чехов [Текст] / Г. П. Бердников // История всемирной литературы / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1994. – Т. 8. – С. 29–42.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. Т.4 : Записки из Мертвого дома [Текст] . – 1972. – 324 с; Т. 8 : Идиот [Текст] . – 1973. – 509 с.
3. Чехов А. П. Остров Сахалин: (Из путевых записок) [Текст] : Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / А. П. Чехов ; Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. – М.: Наука, 1978. – 925 с.
4. Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 5 марта 1889 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983. Т. 3. Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889. – М.: Наука, 1976. – С. 168–169. [Электронный ресурс] // А. П. Чехов ; Антон Павлович Чехов. – Режим доступа : <http://chegov.niv.ru/chegov/text/raznoe/raznoe.htm>. Проверено 25.05.2014.
5. Чотчаева М. Ю. Художественная концепция человека в творчестве Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова : на материале произведений «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин» [Текст] / М. Ю. Чотчаева : дис. ...кан. фил. наук : 10.01.01; М. Ю. Чотчаева. – Краснодар, 2001. – 150 с.

**ANTON CHEKHOV'S BOOK "THE SAKHALIN ISLAND" AND FYODOR
DOSTOYEVSKY'S "NOTES FROM THE HOUSE OF THE DEAD":
PARALLELS AND INTERSECTIONS**

Ziabreva G., Blinova A.

The paper is dedicated to the reconstruction of the Fyodor Dostoyevsky's intertextuality in the Anton Chekhov's book "The Sakhalin Island". The common points in genre and stylistics, ideology and conceptions have been discovered, the differences between the authors, which are generated by their worldview and poetical preference, have been marked. The analysis of textual material, which has been done with the help of modern literary techniques, proves the relevance of the problem of the relationship between the classics and novelty of the results.

Key words: motive, Genre, Intertext, Allusion, Idea-aesthetic position.

УДК 398:[821.161.2+801.81]

МАГІЧНІ КОДИ ТВОРІВ МАРІЇ МАТІОС

Кривенко О. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: oksanaugr@rambler.ru*

У статті обґрунтована важливість розгляду магічного коду в українській літературі взагалі та повістей Марії Матіос зокрема. Схарактеризовано основні формо-змістові репрезентації цього коду у тексті та важливість його для однолінійного трактування твору. Детально розглянуто розповсюджені магічні етноконцепти «чорної хвороби», «знахарки», «обряду від посухи» тощо. З'ясовано функцію спорадичних вірувань у тексті. У результаті дослідження визначено мету використання магічного коду у творі.

Ключові слова: магічний код, етнокод, етнореалія, етноконцепт, рефлексія, постмодернізм.

ВСТУП

Дослідження художнього тексту з точки зору феномена національних кодів набувають останнім часом все більшої популярності. Цим зумовлена **актуальність** дослідження.

Одним із специфічних і водночас малодосліджених на сьогодні варіантів національного коду є магічний. З'ясування особливостей його репрезентації у творах Марії Матіос становить **мету** статті.

Особливого звучання притаманний українській літературі на різних етапах магізм (як і міфологізм) набуває наприкінці ХХ – на початку ХХІ століть. Однак, якщо у минулому цей код виражався зазвичай через сюжетно-образні включення, то нині – через явища інтермедіальності: відбувається наскрізна репрезентація його у творі, «втягування» читача до магічного світогляду і погляд звідти (зсередини) на події. Показовою у цьому сенсі є творчість Марії Матіос. Так, наприклад, одну зі своїх повістей «Черевички Божої Матері» авторка назвала вирваною сторінкою з буковинської саги. Саме генеалогічне визначення «сага» налаштовує на сприйняття розлогого епічного твору побутово-історичної тематики, а означення «буковинська» конкретизує геолокацію місця дії твору. Однак національний колорит тут представлений не звичайними для ХХ століття реалістичними й етнографічно вартісними побутовими описами, а крізь призму забороненого від часів прийняття християнства магічного світогляду.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Вже з перших сторінок твору реалізується мотив невідомої хвороби головної героїні. Із ходом оповіді з'ясовується, що це так звана «чорна хвороба». Для більшості читачів вона так і залишається якоюсь загадковою недугою, а носій

українського магічного етноментального коду розуміє, що йдеться про епілепсію, народна назва якої етимологізується через симптоми потьмарення свідомості під час її нападу і реалізується в уявленнях про зв'язок її із ніччю та чорним кольором: «*Та минувся раптово той час хоробрості, коли – скік-скок! – лопотів у вухах нічний гомін, хрускали під ніжками сучки і шурхотіло всохле букове листя: від недавньої пори понад усе Іванка боїться темряви. Тепер нічна чорнява говорить з дитиною тими самими – але вже страшними – потворними голосами, шумить відьомськими пасмами потоків, перегукується дзьобатими совами, лякає шурхотом їжаків і тіннями давно померлих людей чи небачених досі упирів» [5, с. 69]; «*Коли б не отой нічний переляк, що зробив її хворою і боязливою, Іванка й дотепер ходила би літніми стежками у пошуках цілющих трав, а найбільше – шукала би цвіту папороті, щоб мати таку силу, як мав її прадід Никифор, чи як має москалиця Северина» [5, с. 20]; «*Нічний страх навернув до Іванки хворобу» [5, с. 69]; «Ох, вона вже боїться не так нападу тої своєї чорної хвороби, що вернулася до неї і яка будь-де кидає Іванку до землі й немилосердно б'є у судомач, як боїться знову відчутти на грудях холодну гадину страху, яку не може потоптати в собі з тої страшної ночі, що налякала її до смерті» [5, с. 37–38]; «*З того часу Іванка почала заїкатися, а подеколи її змагала падуца, яку в селі називали чорною хворобою» [5, с. 58].****

У повісті навіть дескрибоване народне уявлення про зв'язок ночі із «нечистою слою»: «*Усяка нечисть найбільшу силу і найбільше нахабство має вночі» [5, с. 39].*

Через чорний колір формулюється й такий озвучений у творі народний спосіб лікування епілепсії: «*Нічого, Борсучко, на світі не робить, лиш слухайте мене і добре буде: поведіть дитину до тіла, коли хтось у селі спокійниться, і най вона трохи потримасться за мерця – страх як рукою зніме» [5, с. 45].* Очевидно, що тоді вже чорний колір асоціювався із поховальним обрядом, зі смертю, яка, у свою чергу теж асоціювалася із ніччю, тобто світом навпаки, іншим світом, світом мертвих, що підтверджується наділенням місяця у замовляннях титулом князя і спілкуванням його із мертвими (наприклад, у замовляннях від зубного болю): «*... А на ранок сталася біда: ні з того ні з зього дитина упала замертво перед коритом із водою, і з рота їй пішла біла піна. Дівчинка забилася в короткій судомі, упісявшись при тому, – і тут-таки, заледве не під коритом, мертвецьки заснула, навіть не здригнувшись, поки дід заносив її до хати» [5, с. 54].*

Таким чином, архітектоніка повісті знаходить своє стрижневе композиційне вираження через мотив епілепсії, на яку хворіє головна дійова особа у повісті. Усі події у житті Іванки та її рідного села переживаються нею через цю хворобу – через її загострення чи відступ.

Спорідненим із хворобою головної героїні семантичним відгалуженням сюжетної лінії є її спілкування із «москалицею» [5, с. 40] – варіантом знахарки / чаклунки / відьми, яка намагається допомогти Іванці позбутися епілепсії. Ця сюжетна гілка має, скоріш за все, орнаментальну та етноінформативну функції, оскільки функціонує у тексті недовго і не має продуктивного зв'язку із іншими сюжетними лініями твору.

Северина-москалиця з'являється у напівімпровізаційній оповіді саги непомітно плавно. Її характеристика подана цілком у дусі традиційних українських містичних уявлень про чаклунок: *«Якось так чудно та Северина кожного разу говорить, – так, ніби сон у неї вливає... А Іванка підіпре руками личко та й дивиться, як висока жінка в чорному мовчки розкладає у кошики попід стелею годівлю для своїх служниць-гадюк. Москалиця нічого в світі не боїться. Ні цієї нєхарі, що живе з нею в хаті, ні ночі, ні грому. І навіть людей москалиця не боїться»* [5, с. 40]; *«Жила байстрючка, вбираючи в себе всі хитрі й не дуже закони гірського життя, закони тутешньої природи і тутешніх забобонів, знахарства і просто мудрої винахідливості. І попри відлякуючи свою натуру, не мала в цих горах собі пари ні у прямому, ні в переносному сенсах: була знахаркою, що зцілювала людей ліками із трав і лиш їй відомими замовляннями»* [5, с. 74].

У тексті повісті широко представлені й забобони, які так само мають магічне коріння: *«Казала тобі, не треба дівку чоловічим ім'ям називати»* [5, с. 71], *«Дитина родилася на Івана, з ім'ям родилася, то що, були би Катериною чи Параскою називали?»* [5, с. 72], *«Дівка росте файна, знають, що посаг буде добрий, то й зурочили»* [5, с. 72], *«Зурочили – не зурочили, а продати Іванку треба»* [5, с. 72], *«А може її голу зважити? Ні слабувати більше не буде, ні ворожки не будуть її брати?»* [5, с. 72], *«Ти не знаєш, що жінка, яку зважили голою, перед смертю карається не менше, як відьма?»* [5, с. 72], *«Пам'ятаєш, у той день, коли родилася Іванка, Дмитрючка приходила позичати шатківниці? На холеру їй була шатківниця на Івана Купала, коли капуста лиш зав'язуються? Але якась дідьча мама її принесла тоді в хату, а ти й не відмовила позичати ту дурну шатківницю, була би сказала, що розломилася. Або ти не знала наперед, що дитина не буде триматися хати»* [5, с. 73] та ін.

Етномагічний код у «Черевичках Божої Матері» реалізований також через концепти інших реалій. Зокрема тут відображені народні вірування у добру й лиху годину, долю, зурочення, обереги, купальську ніч. Тут описані магічні уявлення про боротьбу із посухою за допомогою свяченого маку (магія за аналогією численних зернят із дощовими краплями), перевертання хреста на цвинтарі, годування «божки» усім найсмачнішим у хаті. Аби розуміти усі ці реалії, необхідно не тільки бути носієм українського менталітету, але й мати глибоке розуміння магічного світогляду, щоб сприймати повість під правильним кутом зору, хоч постмодерна література і передбачає можливість для індивідуального тлумачення тексту відповідно до свого культурного арсеналу. Твір змушує оновити свою парадигму осмислення дійсності завдяки рефлексії. Прикметно, що магічний код у повісті реалізований через дванадцятирічну головну героїню, оскільки магія взагалі асоціюється із ранніми «наївними» етапами існування того чи іншого суспільства. Такий збіг не можемо вважати випадковим.

У повісті «Москалиця» сюжетотворчу функцію має концепт відьми: *«Такою, наприклад, є Северина в однойменній повісті М. Матіос: «Ото як не жаліла, а таки відібрала з глиняного глечика жменьку пшениці, взятої у вуйни Онуфрійчучки для Свят-вечора, та й насипала купками на всіх чотирьох кутах стаєнки. Зранку буде видно, чи придатне їй теперішнє житло для людини, чи воно годиться і для*

нечистої сили. Майже цілу ніч Северина знову не зімкнула очей: дослухалася до поривчастого вітру та гучного шелесту лісу за стінами, пугикання сов та далекого вовчого виття. А вдосвіта, леда зазоріло, обійшла чотири сторони своєї хати – й не на жарт перелякалася, ба, навіть, сполошилася: дві купки пшениці на двох кутах стайні залишилися незаймані, а в двох – хтось таки погосподарював. Не проти Божої днини буде сказано, хто. Тепер Северина знала точно: це місце для життя не є щасливе. Тут нечистий дух аж на двох кутах товктися може. Але на двох інших – є місце й людині. Вона знає, що треба робити – підстерегти нечистого. Так, як учила вуйна Онуфрійчучка... Ось так... Звичайною дерев'яною рогаткою поцілиту у ворону на плоті. По тому випрошене вороняче опудало підвісити до стелі стаснки. Хай тепер щезник на вороні цілу ніч верхи їздить, а не Северині спати заважає» [3, с. 205]. Образ Северини є центральним у зазначеній повісті.

Чи не найвідомішим і надзвичайно розповсюдженим в українській культурі типом є *відьма* – жінка з надприродними здібностями, які вона використовує, на думку загалу, переважно на шкоду людям. Основними вмінням відьом в Україні традиційно вважаються здатність до переверництва, вміння відбирати молоко у корів, вовну в овець, яйця в домашньої птиці та сало у свиней, позбавляти людей урожаю та робити їх вовкулаками, насилати хвороби, псувати продукти, керувати погодою (наслати град, посуху) тощо: «...*Не хочу грішити, кумко-любко, але здаєми'ся, що з тою Матронкою щось нечисте змішано... Таке може бути, що відьма вона, кумко, хоч з вигляду дуже лагідна і робітна дуже... Може, вона перекидалася тої ночі з людини у відьму, а потому назад у жінку, а її хто застав при тому, а то, боронь Боже, комусь видіти, як з відьми людина робиться... І може, тому таке ся причинило... Може, вона десь лісом ночами лазила на збіговисько їхнє відьомське. Ми ж не знаємо, хто її мама-тато. Може, були нечистої крові? Якби на неї ззаду увечір подивитися – то, може, там самі кишки та нутроці» [4, с. 157].*

Використання магічного коду для текстового аналізу є новим для українського літературознавства, однак достатньо перспективним. Оскільки будь-який код є специфічною формою комунікації і водночас асоціативним полем, надтекстовою організацією значень, що дає підстави для варіативності інтерпретації, магічний етнокод адресує той чи інший твір носіям конкретної мови та менталітету. Таким чином, він стає стимулом для осягнення традицій народу з метою складання якнайповнішого культурного вітражу з наявного літературного тексту.

Водночас магічний код може сприйматися як «трамплін інтертекстуальності» [2, с. 291] завдяки проголошенню принципів вільного руху сенсів, які не мають єдиного змістового центру, а є, на перший погляд, довільним комбінуванням елементів. Загалом стилістику твору можна порівняти із латиноамериканським магічним реалізмом, де органічно поєднуються елементи реального та фантастичного, побутового та містичного, дійсного та уявного. Домінантою усього твору є специфічне бачення світу як хаосу, позбавленого причинно-наслідкових зв'язків, що постає перед свідомістю читача у вигляді непорядкованих фрагментів потоку пам'яті, за допомогою якої відбувається злиття історичних та художніх традицій і одночасне дистанціювання від них, перетікання з однієї традиції в іншу,

активне залучення до тексту етноалегорій, етносимволів, етнореалій, етномістики, співвіднесених із особистим досвідом автора і сформованих у свого роду неоміфі.

На межі століть в українській літературі творча особистість прагне належати або абсолютизованій зовнішній єдності (народу), або абсолютизованому власному внутрішньому світові [1]. Завдяки складним історичним умовам, у яких існував український народ протягом століть, нова етносвідомість, виражена у художньому слові, набуває особливого значення. Для її створення необхідна рефлексія у ментальні етноглибини задля віднайдення об'єднуючих народ рис, якнайповніше відображених у магічному коді як сукупності суспільно витворених способів осмислення дійсності та впливу на неї.

Ніла Зборовська називала код української національної літератури психоісторичною проблемою [1]. Насправді у «Черевичках Божої Матері» Марія Матіос подає складний період історії Буковини (червень-липень 1941 року) і на її тлі – драму людини на одній з територій, які історик Тімоті Снайдер назвав «кривавими землями». Завдяки магічному коду письменниці вдається перетворити епос про страшний історичний період на захоплюючу розповідь, при чому містика тут не заважає сприйняттю основного змісту твору, а навпаки створює і поглиблює необхідний настрій.

ВИСНОВКИ

Таким чином, з огляду на викладені вище факти стає зрозумілою основна функція магічних кодів у повістях Марії Матіос – це поетизація минулого, імітація усного переказу легенд, як це відбувалося у долітературні часи із етнодидактичною метою. Реалізована така функція завдяки стрижневому магічному етноконцепту, через який осмислюються усі події твору, а також за допомогою спорадичних етнореалій, які можуть бути дешифровані повною мірою тільки за умови володіння українським етномагічним кодом.

Список літератури

1. Зборовська Ніла. Код національної літератури як психоісторична проблема / Ніла Зборовська. – Режим доступу: http://www.slovoichas.in.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=26&Itemid=34&limit=1&limitstart=0.
2. Ильин И. И. Постмодернизм – словарь терминов / И. И. Ильин. – М.: Интрада, 2001. – 384 с.
3. Матіос М. Москалиця / М. Матіос // Вибране. – Львів: Піраміда, 2011. – 424 с.
4. Матіос М. Солодка Даруся / М. Матіос // Вибране. – Львів: Піраміда, 2011. – 424 с.
5. Матіос Марія. Черевички Божої матері вирвана сторінка з буковинської саги: Повість / Марія Матіос. – Львів: ЛА «Піраміда», 2013. – 208 с.

МАГИЧЕСКИЕ КОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАРИИ МАТИОС

Кривенко О. В.

В статье обоснована важность рассмотрения магического кода в украинской литературе в общем и повести Марии Матиос «Башмачки Божьей матери» в частности. Охарактеризованы основные формально-смысловые репрезентации данного кода в тексте и обоснована важность его для однолинейной трактовки произведения. Подробно рассмотрены распространённые магические этноконцепты «чёрной болезни», «знахарки», «обряда от засухи» и др. Выяснена функция спорадических верований в тексте. В результате исследования определена цель использования магического кода в литературе.

Ключевые слова: магический код, этнокод, этнореалия, этноконцепт, постмодернизм.

THE MAGIC CODES IN MARIA MATIOS'S TALES

Kryvenko O.

The article is devoted to the justification of importance of a magic codes in the Ukrainian literature generally and Maria Matios's tales in particular. The article touches upon the main formal and semantic representations of this code in the text and its importance for unilinear treatment of the work. The article gives a detailed analysis of widespread magic ethnoconcepts of "a black illness", "a healer", "a ceremony from a drought", etc. Much attention is given to the function of sporadic magic beliefs in the text. The fact that the magizm (as well as a mythologism) was characteristic for the Ukrainian literature at various stages, but he receives special value at a turn of the twentieth and twenty first century is stressed. It is shown that it was succeeded to turn the story about the bloody period in the history of the country into the fascinating saga having the purpose a past poeticizing. In conclusion the purpose of use of a magic code in literature is defined.

Keywords: magic code, ethnocode, ethnoreality, ethnoconcept, postmodernism.

УДК 82-3

РОМАН Е. Г. КРИШТОФ «МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ»: СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ И ПОСТРОЕНИЕ ОБРАЗОВ

Макаренко С. И.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: mobydic@mail.ru*

Статья посвящена анализу малодоступного для широкого читателя и специалистов-литературоведов романа Криштоф Е. Г. «Мальчики и девочки». Статья ставит целью не только выявить художественную специфику романа, но и ввести в научный оборот текст этого произведения в его авторской редакции. Анализ канонического текста романа позволяет с максимальной объективностью определить специфику художественных приемов и творческого мировидения, выработанных Криштоф Е. в последний период ее творчества.

Ключевые слова: Криштоф, роман «Мальчики и девочки», художественные средства, образы.

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Е. Г. Криштоф Е. Г. (1925 – 2001) практически не изучено, полная библиография ее публикаций отсутствует, а некоторые произведения, так и не достигли читателя.

Нам удалось обнаружить в издательстве «Таврия» неопубликованный текст одного из последних ее романов «Мальчики и девочки» (2001) в окончательной авторской редакции. Находка представляется весьма интересной, поскольку роман публиковался дважды после смерти писательницы – в усеченном варианте и по черновой рукописи в журналах «Алые паруса» в 2004-2005 гг. [1, с. 3–37, с. 3–46] и «Черное море XXI век» в 2014г. [с. 7–112].

Следует отметить, что оба журнальных варианта представляют собой либо неполную версию романа («Алые паруса»), либо версию неотредактированную («Черное море. XXI век»). Например, в «Черном море» в главе XXI персонаж (учительница русского языка) сидит в кресле [2, с.96], а уже в следующий момент «вскакивает со стула» [2, с.98]. В главе IV глаза героини Тони Малюк «зелёные» [2, с.23], а в главе XIII они «темные» [2, с.65]. В главе XXIV снова наблюдаем несоответствие: волосы Тони, которые ранее описывались как «пушистые светлые» [2, с.9], вдруг становятся «темными пушистыми» [2, с.109]. На той же странице главный герой, у которого на протяжении всего романа было прозвище «Бешеный Огурец», вдруг назван «Диким Огурцом».

Учитывая сказанное, при дальнейшем рассмотрении романа мы опираемся на текст, подготовленный издательством «Таврия» как на наиболее полную, каноническую, версию произведения. Поскольку страницы этого текста не имеют нумерации, а сам текст, как уже сказано, не издан, снабдить цитаты из романа библиографическими ссылками не представляется возможным.

Цель данной статьи – выявить художественную специфику романа Криштоф Е. «Мальчики и девочки» и сделать анализ художественных средств и приемов, использованных в романе.

Актуальность исследования в том, чтобы ввести в научный оборот текст этого произведения в его авторской редакции.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Действие романа разворачивается в 1950 г. в «детдоме №6 им. А. Матросова». Место его расположения не названо, но легко узнаваемо. Это Алушта, о чем свидетельствуют детали (характерный пейзаж, «гора Катерина», относительная близость к Гурзуфу и т.п.). Важно, что с этим городом у Криштоф Е. были связаны личные воспоминания: именно в Алуште она прожила значительную часть жизни.

Главные герои – подростки. Это детдомовский «заводи́ла» Ленька Кендра; «не такая, как все» Тоня Малюк; беспамятный сирота, потерявший родителей во время войны, «огненно рыжий мальчик» Колька Мякишев; «заноза-ябеда» Лена Морковкина.

В романе выстроены три основные сюжетные линии: усыновление Кольки Мякишева, судьба Тони Малюк и ее отношения с Ленькой Кендрой, а также история отношений Леньки и Лены Морковкиной.

Круг второстепенных персонажей значительно шире. Это целый ряд детдомовцев, потерявших родителей на фронте, брошенных родителями или ожидающих родителей из сталинских лагерей. Писательница создала для персонажей яркие и рельефные характеристики, показала психологию детей в противоречивости, развитии и полноте. Например, ябеда Морковкина оказывается способной и на благородное чувство, и на решительные поступки; «полутотлицица» Света Сомова ради собственной выгоды готова на предательство.

Над детским домом шефствуют военные: привозят подарки, «подкармливают». После очередной поездки детдомовцев к шефам повар военной части, потерявший на войне жену и ребенка, «узнает» в Кольке Мякишеве своего сына. И хотя подтверждений родству нет – усыновляет его.

Параллельно выстраивается еще одна сюжетная линия – судьба Тони Малюк. Девочка появляется в детдоме позже остальных. Ей как новенькой многое позволено: она даже одежду носит не казенную, а свою домашнюю. Кроме того, помогает «подтянуть математику» Мякишеву, на которого махнули рукой учителя. Директор и некоторые учителя уверяют детей, что родители Тони погибли в автокатастрофе. На самом деле ее родители осуждены «за космополитизм». Этот факт может сказаться на судьбе девочки и повредить директору детдома, хотя автор и не поясняет, в чем собственно заключается опасность и противозаконность ситуации. Тем не менее, когда правда всплывает, то на директрису начинает давить партийное руководство, а девочка с тревогой ожидает, чем закончится дело. Финал этой сюжетной линии остается открытым.

Третья сюжетная линия – история Лены Морковкиной. Она, на первый взгляд, никудашнее создание, ябеда и плакса. Ее мало кто любит. Но постепенно ее характер раскрывается, и читатель понимает, что она никому не причиняет зла и

способна проявить решительность. Так, она всеми силами старается повлиять на ход дела с «разоблачением» Тони Малюк.

Словом, роман Криштоф Е. – о тяжелом детдомовском послевоенном детстве.

Теперь обратимся непосредственно к тексту романа. Автор занимает позицию всеведущего наблюдателя и передает нам не только факты из жизни детского дома, но мысли, впечатления, ощущения персонажей. Многие события поданы сквозь призму восприятия героев. То есть читатель имеет возможность увидеть многое, как бы глазами детдомовцев.

Условно героев романа можно разделить на группы: дети и взрослые. Роман начинается со знакомства с мальчиком Колей Мякишевым. Его глазами автор позволяет нам увидеть многие персонажи и события. В глазах педагогов он трудный ученик, поскольку «туго соображает». Но автор обращает внимание на то, что у мальчика развито чувство прекрасного: он много рисует, и «большая коробка с красками» является его заветной мечтой.

Взрослые же не воспринимают это увлечение всерьез, не пытаются раскрыть талант мальчика. В конце концов, Мякишев смирился с ярлыком «слаборазвитого ребенка», но не ожесточился, сохранил в душе детский оптимизм, рисует в воображении картины лучшего будущего. Симпатии автора к Коле Мякишеву, побуждают и читателя с особым доверием воспринимать его взгляд на жизнь, его мировосприятие. Судьбой мальчика распорядилась война, поэтому торжеством гуманности становится история усыновления мальчика.

Следующий важный персонаж – Ленька Кендра, сын авиамеханика, погибшего при бомбежке аэродрома. В какой-то степени Кендра лидер в детском коллективе, тот, кого учителя называют «заводилой» или «Бешеным огурцом». В изображении Криштоф – это сильный характер. Несмотря на юный возраст «Леньке шел всего пятнадцатый год», он неплохо разбирается в людях и человеческих отношениях. Мальчик, полон решимости, готов прийти на помощь в любую минуту. Но в зависимости от ситуации и окружения может проявить себя как в позитивном, так и в негативном качестве. При случае демонстрирует взрослую проницательность. В него влюблены многие одноклассники, и учителя опасаются, что Ленька может воспользоваться этим «привилегированным» положением нежелательным образом. В то же время изображаются ситуации, в которых Кендра ведет себя достойно, а порой и героически: уговаривает директрису не отправлять Кольку в «детдом для дураков», спасает одноклассницу от хулиганов-насильников, пытается найти приемного отца для Тони Малюк. Криштоф Е. в прямой авторской речи более десятка раз дает ему положительные характеристики. Словом, Кендра – это тип «благородного мальчишки-хулигана», способного вырасти настоящим человеком.

Тоня Малюк в какой-то мере принадлежит к типу «лишнего», непохожего на всех человека. Криштоф Е. не скупится на детали, которые даже внешне подчеркивают непохожесть Тони на остальных: пушистые волосы, изящество движений, умение одеваться. Автор акцентирует внимание и на интеллектуальных способностях Тони: девочка хорошо знает поэзию, она артистична, имеет задатки педагога и потому помогает заниматься математикой отстающему Мякишеву. Однако Тоня не однозначно положительный персонаж. Криштоф Е. в некоторых

эпизодах показывает ее высокомерие, пренебрежение другими «детдомовскими» детьми. Вот, скажем, настроение Тони в одной из сложных жизненных ситуаций: «Тоня, – отмечает автор, – в самом деле ненавидела сейчас этих ничтожных, бессмысленных мальчишек, осмелившихся еще и бунтовать и грозиться».

Склонность Тони к рефлексии сказывается в ее отношениях с Кендрой. Его привязанность к Тоне однозначна, нерассудочна и порождает решимость защищать девочку в любой ситуации. А Тонино чувство неопределенно: она испытывает явную симпатию и уважение к Кендре, однако просчитывает невозможность связать с ним свою жизнь, не находит ему подходящей роли в своей судьбе. «Он не мог заменить ей отца, – передает Криштоф размышления Тони, – или очень-очень старшего брата. И в мужья тоже не годился, даже если существовал такой закон: девчонкам вступать в брак с четырнадцати лет».

Напомним, что одна из сюжетных линий романа – это конфликт, разгоревшийся из-за писем Тони к своим родителям, осужденным за космополитизм. Эти письма наталкивают одноклассниц Тони на мысль, что в биографии девочки есть некое «темное пятно», и девочка оказывается в положении изгоя. В финале романа она находит временное прибежище у учительницы русского языка во флигеле с «волшебными стеклами». При этом в решении своей дальнейшей судьбы она полагается на окружающих людей.

Довольно противоречивые судьба и характер Лены Морковкиной. Ее родители отбывают тюремный срок за воровство «дюжины груш в колхозном саду». Лене в детдоме мало кто симпатизирует. Однако постепенно мы замечаем, что она никогда не обижает слабых, никому не причиняет зла. Она любит приврать, но не наушничает. В конце концов, она оказывается способной на чувства и поступки. Не идеализирует своих родителей, о которых подруги говорят: «пьяницы, в тюрьме сидят». Она наблюдательна и проницательна – сразу догадывается, чем грозит Тоне обнаружение писем родителям-космополитам.

По ходу романа проявляется отношение писательницы к Лене Морковкиной (единственной, кого она назвала своим именем). «Прекрасная ведьма... Русалка...» – так характеризует автор в одном из последних эпизодов романа Морковкину. В итоге читатель понимает, что характер Лены имеет нечто общее с характером Леньки Кендры и это должно стать естественной причиной их взаимной привязанности. В конце романа автор как бы между строк подсказывает читателю, что Ленька почувствовал к Лене нежное чувство. «Подслушивала? – Кендра почувствовал прежнюю неприязнь к девочке. Как током его шибануло. Однако скоро ток сменился пузырьками газировки, покалывающими все тело».

Важное сюжетное значение имеет образ «полуотличницы» Сомовой. Автор описывает ее как аккуратно одетую, опрятную девочку со спокойным ровным голосом, правильными суждениями. На первый взгляд, она руководствуется искренним желанием, чтобы в образцовом детдоме №6 им. А. Матросова все было образцово. Учится она неплохо, но, что называется, звезд с неба не хватает. Всегда оказывается неподалеку от важных событий, замечает вещи, которые напрямую ее не касаются, «додумывает» факты. Именно она догадывается об истинной судьбе Тониных родителей, а о Тониных письмах сообщает не директорше детдома, а

учительнице математики, «тонконосой» Алевтине, точно просчитав собственную выгоду и прекрасно понимая, что своим поступком ломает судьбу Тоне и существенно осложняет жизнь всем, кто прикрывал девочку.

В романе есть менее значительные детские персонажи. Так, например, образ «грозы улиц» Валеры Мажарова, классического хулигана с примитивными шутками и желаниями, позволяет в сравнении высветить позитивные качества «благородного хулигана» Ленки Кендры. Вообще, Криштоф Е. часто пользуется приемом противопоставления персонажей, что позволяет более определенно показать важные черты характеров. Так же, как Ленке Кендре противопоставлен хулиган Мажаров, так Троечнице Морковкиной – «полуотличница» Сомова, справедливому, честному, искреннему полковнику Новикову – расчетливый и властный начальник местного горисполкома Мефодий Соловьев.

Чтобы передать в романе атмосферу детского дома, автор вводит некоторые «проходные» персонажи. К таким относится, например, Люська-цыганка, которая у каждого взрослого спрашивает: «не он ли ее папа?».

Взрослые персонажи разделены на две антагонистические группы. С одной стороны – директриса Зоя Ивановна и учительница русского языка Софья Семеновна, которым явно сочувствует автор, с другой – математик Алевтина Мефодиевна и биолог Клавдия Клавдиевна. Обособленно стоит образ доброй воспитательницы Натальи Павловны.

Образ учительницы русского языка и литературы Софьи Семеновны по прозвищу «Не очень злая старушка» раскрывается по всему ходу повествования. Она ровесница века и представительница «бывшей интеллигенции», получившая образование в классической гимназии. В свое время спасла от голодной смерти девочку Зою, которая ко времени, описываемому в романе, стала директором детского дома. Предсказуемо, что именно Софья Семеновна оказывается любимой учительницей Тони Малюк, привлекая ее оригинальностью мыслей, широтой знаний, интеллигентностью. Софья Семеновна с нежностью относится и к Мякишеву, и к Кендре, однако именно Тоня оказывается особенно привязана к ней, поскольку на уровне мировосприятия их связывает и сознание собственной исключительности в детдомовской среде, и неготовность активно сопротивляться окружающему миру.

Директриса детского дома – Толстая Зоя, на своей судьбе испытала тяжесть сиротства. Она энергична, искренне любит детей, «даже самых двоечников», и детдом, ради которого готова даже «стены прошибать головой». Криштоф трижды сравнивает ее «круглую» голову с пушечным ядром. В детском доме она – полноправная хозяйка: «Решала все, – говорит Криштоф, – крепкая, короткопалая длань директорши». Она полностью погружена в обыденные проблемы: «попрошайничает» у начальства на нужды детского дома и мечтает о том, чтобы выпускницы семилетки стали не штукатурами-малярами, а швеями-мотористками, а мальчики-выпускники – шоферами и мотористами.

Интересен образ Алевтины Мефодиевны, молодой учительницы математики, дочка председателя местного горисполкома, любившей повторять, что «в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и мысли». Она ухожена, и к ней

«липнут» старшие девочки, воспринимая как образец. Тем не менее, Алевтина Мефодиевна относится к преподаванию сухо, без искреннего увлечения. Она не способна к великодушию и пронизательности, поэтому записывает Мякишева в разряд безнадежных дурачков, а Тоню начинает ненавидеть за умение найти подход к «двоечнику». Сожалея о «пропавшей» молодости, она презирает и этот «ничтожный городок», и «эту ничтожную школу».

Общую картину дополняют учительница биологии Клавдия Клавдьевна – человек с четкой позицией «пресмыкания» перед начальством.

Композиция романа линейная, с отчетливым делением на экспозицию, завязку, основное повествование, кульминацию и финал. В целом, сюжет построен на межличностных отношениях двух десятков героев – «детей» и «взрослых».

Криштоф Е. для характеристики некоторых персонажей использует один из важных приемов – точный выбор «говорящих» прозвищ: Директриса – полная, грубоватая, но хозяйственная «свиноматка», кроткая интеллигентка «из бывших», учитель русского языка – «не очень злая старушка». Прямолинейную формалистку, учителя биологии, называют «Тычинкой».

Представление о внешности героев складывается по отдельным деталям, которые передаются либо самим автором, либо посредством трансляции наблюдений, замечаний оценок, принадлежащих персонажам романа. Отсюда стереоскопичность восприятия героев читателем. Например, председатель горисполкома Мефодий Соловьев, отец учительницы математики Алевтины, в глазах Леньки выглядел так: «Сухие ноги его были одеты в узкие сапоги. Френч и галифе сидели на Мефодии ладно, но все знали: на фронте он никогда не был...».

А вот мы встречаем описание внешности Мефодия через восприятие воспитательницы Натальи Петровны: «Ишь, “щучки” надел, гуталином наваксил и вышагивает!»

Также автор с большим вниманием относится к деталям портрета при создании образа. Например, колоритно описывается учительница литературы Софья Семеновна: «А лицо учительницы... напоминало ему грустную мордочку зверька, забившегося в угол клетки. Круглые складки вокруг рта и печаль выпуклых глаз были точно, как у замерзшей обезьянки»; или такой пассаж: «Дядя Миша почесал выцветшую бровь над синим глазом» – и так далее.

Речь персонажей индивидуализирована и позволяет полнее раскрыть внутренний мир героев, изобразить их образ жизни. Например, примитивный, но хитрый сторож детского дома Дядя Миша часто, не разбираясь в ситуациях, говорит «не положено», или в любом удобном или неудобном случае произносит поговорку «не журишь, казак, атаманом будешь». Учительница математики Алевтина Мефодиевна бесконечно повторяет: «в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и мысли». Директриса Зоя – простая женщина, изъясняется тоже просто: «Избрехала я сегодня... В клоунах сегодня Зоя походила, следы заметая. В дерьме по самые ноздри». А учительница русского языка Софья Семеновна говорит подчеркнуто правильным литературным языком: «В том главное, что будет определять оценку, когда он окажется в новой обстановке. Жалеть его станут или искать предлога для гордости».

Передавая мысли и чувства героев, Криштоф использует несобственно-прямую речь, внутренние монологи, перемежая их авторскими ремарками. Речь героев колоритна и потому служит одним из способов характеристики. В частности, речь детей отражает и индивидуальные особенности, и приметы эпохи, и возраста, и социального статуса.

Просторечные выражения в диалогах героев Криштоф Е. использует, чтобы передать колорит эпохи и детдомовкой жизни. Например: «Ну шпана мелкостная»; «А папка тебя, может, и по сию пору ищет, найти не может»; «Чует мое сердце: сами в этом году побелим и годи»».

Писательница использует «детский язык». Например, маленький мальчик Тютя говорит о птенце – «пшишенонок», Люська-цыганка, обращаясь ко всем взрослым, пытается найти себе родителей: «А ты возьми меня в дочки... А у меня резиночки есть».

Следует сказать, что Криштоф Е., хотя и использует «детский язык», просторечные элементы, разговорные выражения в диалогах, однако не злоупотребляет этим. В целом речь персонажей тяготеет к литературному языку.

Для создания у читателя особого настроения или для более убедительной передачи переживаний персонажей автор часто использует описания природы и пейзажей. В некоторых эпизодах пейзаж настраивает читателя на определенные ожидания, иллюстрирует настроение героев. Например, ливень в начале романа дает надежду на будущее, на цветущую весну и жизнь. Дождь и туман в конце книги – символизируют отчаянье героев. Кроме того, некоторые детали пейзажа служат для читателя единственным ориентиром, позволяющим определить место действия всего романа. Прежде всего, речь идет о «горе Катерина», которая упоминается неоднократно. Как известно, Катерин-горой называют гору Демерджи близ Алушты.

Для верного понимания художественных особенностей произведения, обратим внимание не только на то, что есть в произведении, но еще и на то, чего в произведении – нет. Скажем об этом несколько слов.

Время создания романа – эпоха, когда воспевание советских норм жизни резко сменилось идеализацией всего, что противопоставлено «советскости». Массовое и почти моментальное переосмысление в этом ключе отечественной истории и действительности наложило отпечаток и на литературу, и на публицистику. Воспринимая роман Криштоф Е. в этом контексте, можно было бы ожидать, что и здесь «сработает» эффект молниеносной и примитивной смены оценочных полюсов. Тогда – в продолжение гипотезы и по аналогии со множеством произведений 1990–2000-х гг. – учительница русского языка «из благородных» должна была бы служить воплощением всех положительных качеств, а «неотесанная» директриса детдома – примером пресловутой «кухарки», оказавшейся у административного руля. Утонченная Тоня Малюк должна была бы своим благородством затмить всех выходцев «с низов» и т.д. Однако Криштоф Е. при создании характеров явно избегает такого примитивизма.

Никто из героев не изображен одной краской. У Криштоф Е. нет абсолютно положительных, или абсолютно отрицательных персонажей ни среди детей, ни

среди взрослых. Так, в поступках и суждениях директрисы Зои при ее сердоболлии и бесчисленных заботах о детском доме, проявляются последствия недостаточного образования. Интеллигентная, хорошо знающая свой предмет учительница русского языка Софья Семеновна, лишена способности противления людям и обстоятельствам, стремления к чему-то большему, нежели ей может предложить провинциальная действительность.

У романа открытый финал. Читателю предлагается самому домыслить историю мальчиков и девочек. Ленка Кендра и Лена Морковкина, пытаясь помочь Тоне Малюк, самовольно уходят из детдома, чтобы добраться до Гурзуфа и там упротить начальника военной части удочерить девочку. Под дождем они стоят на шоссе в надежде остановить попутную машину. Дождутся ли они этой машины, поможет ли им кто-нибудь, увенчается ли успехом их попытка помочь однокласснице – не ясно. Ясно лишь, что они готовы на отчаянные шаги во имя благородного дела.

ВЫВОД

Роман «Мальчики и девочки», безусловно, явился результатом серьезного художественного поиска Криштоф Е.. Писательница стремилась избежать следования сиюминутным идеологическим тенденциям и поставила во главу угла принцип реалистичности при изображении характеров, межличностных отношений и исторической специфики. Благодаря этому современный читатель получает возможность окунуться в атмосферу послевоенного «детдомовского детства», а следовательно – осмыслить факторы, которые формировали мировидение целого поколения наших сограждан.

Список литературы

1. Криштоф Е. Г. Мальчики и девочки / Е. Г. Криштоф // Алые паруса: [журнал]. – Симферополь: 2004. № 4-5. С. 3–37; №1 2005. С. 3–46.
2. Криштоф Е. Г. Мальчики и девочки / Е. Г. Криштоф // Черное море XXI век: [журнал] – Симферополь: 2014. №1. С. 7–112.

ROMAN E. G. KRICHTOF «BOYS AND GIRLS»: STORYLINE AND IMAGE BUILDING

Makarenko S. I.

This article analyzes inaccessible to the general reader and specialist literary novel Krichtof E. G. «Boys and Girls». The article aims to identify not only the artistic specificity of the novel, but also to enter into scientific use the text of the work in its original edition. Analysis of the canonical text of the novel makes it possible as objectively as possible to determine the specifics of artistic techniques and creative worldview elaborated E. Kristof in the last period of her work.

Key words: Krichtof novel "Boys and girls", the artistic means and images.

УДК 821.161.1.-343(4)

ПУБЛИКАЦИИ А. С. ХОМЯКОВА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ

Орехов В. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье исследуется русско-французский литературный диалог по поводу европейского имиджа России, рассматривается влияние российской цензуры на русско-европейские литературные отношения XIX в., анализируются особенности индивидуально-творческой тактики русских литераторов, вступающих в межлитературную полемику имагологического характера.

Ключевые слова: имидж, цензура, межлитературный диалог, имагология, рецепция.

ВВЕДЕНИЕ

Почти непрерывное политическое противостояние между Россией и Европой в XIX в. поддерживало перманентную пропагандистскую войну, в которой Европа зачастую лидировала, формируя негативный, угрожающий имидж России. Общество в России болезненно воспринимало зарубежные нападки, а русские литераторы искали способы повлиять на ход русско-французских словесных баталий. Русская литература XIX в. воспринимала зарубежные суждения о России как своего рода *вызов* и формировала *ответ* на этот вызов. Обсуждение «иностранных сказаний» о России приобретало вид общелитературного и даже – общекультурного явления. Этот общенациональный *ответ за границе* формировался в сочетании множества индивидуально-авторских вариантов.

Цель настоящей статьи – рассмотреть ряд произведений А. С. Хомякова в контексте борьбы русской литературы за национальный имидж.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как известно, при всей строгости николаевской цензуры ее отличало отсутствие детально регламентированного порядка. И если для российской печати цензура нередко играла роль судьи, который руководствуется не законом, а мнениями и настроениями отдельных представителей власти, то по отношению к русским публикациям за рубежом она вовсе не имела представлений о собственной роли. По идее, русские литераторы должны были предоставлять в цензуру любое свое произведение, предназначенное для печати. На деле же оказывалось, что в Европе русские подданные печатали свои сочинения зачастую без всякого согласования с русским правительством. III Отделение, как правило, реагировало на эти факты лишь тогда, когда публикации вредили престижу российской власти. Так, А. Демидову было предложено прекратить публикацию «Писем о России», которые он помещал в «Journal des Débats» в 1838-39 гг., а П. Долгоруков за книгу о российском дворянстве (1843) был вообще вытребован из Франции в Россию.

Официальную позицию в подобных вопросах откровенно сформулировал заграничный агент III Отделения Я. Толстой. В 1842 г. он разъяснял И. Головину, задумавшему издать книгу во Франции: «Если ваша книга будет против России, вас станут преследовать; коли ни то, ни се – будут смотреть сквозь пальцы, а если она будет в пользу России – то вас могут наградить» [3, с. 557]. Головин после такого разъяснения издал-таки книгу, был вызван за это в Россию, отказался ехать и стал эмигрантом. Однако возможность печататься в обход цензуры (и при этом не компрометировать себя в глазах правительства) оставалась заманчивой перспективой для многих русских писателей. Так, например, Ф. И. Тютчев, начиная с 1844 г., опубликовал за границей четыре статьи, две из которых («Россия и Революция», «Папство и Римский вопрос») вызвали живейшую полемику. При этом Лэйн доказывает, что заграничные публикации давали возможность Тютчеву, уволенному с дипломатической службы «из-за полного пренебрежения к обязанностям», «достигнуть реабилитации во мнении правящих кругов» [4, с. 249]. Особенных привилегий за свои статьи Тютчев не приобрел, но и преследованиям не подвергался. Во всяком случае, когда у М. П. Погодина возникли затруднения с публикацией «историко-политических писем», составленных в период Крымской войны, Тютчев почти открыто рекомендовал ему издать «письма» за границей. «Сказать ли вам, чего бы я желал? – интересовался Тютчев в письме к Погодину от 13 окт. 1857 г. – Мне бы хотелось, чтобы какой-нибудь добрый или даже недобрый человек – без вашего согласия и даже без вашего ведома издал бы эти письма так, как они есть, – за границу...» [6, с. 423] Тютчев оказался прав: Погодин не получил разрешения на публикацию своих писем в России и опубликовал их в 1860-61 гг. в Лейпциге.

А. С. Хомяков в конце 1840-х – начале 1850-х гг. из-за цензурного давления почти потерял возможность видеть свои сочинения опубликованными, а в 1852 г. постановлением Л. В. Дубельта ему официально было запрещено «даже и представлять к печатанию свои сочинения» [2, с. 389]. Тогда, по-видимому, вдохновленный примером Тютчева, Хомяков решил выступить в европейской печати, втянувшись в жаркую полемику по поводу статьи Тютчева «Папство и Римский вопрос», которая была опубликована в известном «Revue des Deux Mondes» в 1851 г. В 1853 г. в Париже на французском языке появилась брошюра Хомякова «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси». Книга имела подпись «Неизвестный» («Ignotus»).

Автор сразу оговаривался, что не станет касаться политических вопросов. «Единственная моя цель, – заявлял он, – оправдать церковь от странных обвинений, возводимых на нее г. Лоранси, и потому я не преступлю пределов вопроса религиозного» [10, с. 28]. Этой формулировке предпослано значимое разъяснение: «Когда возводится клевета на целую страну, граждане этой страны имеют право за нее заступиться; но столько же они имеют право и промолчать, предоставив времени оправдание их отечества. <...> Тем более что в лице своего правительства и официальных своих представителей каждая страна пользуется защитой власти <...>. Иное дело в области веры или Церкви. <...> Церковь ни одному из чад своих

не разрешает молчания перед клеветой, против нее направленно <...>» [10, с. 27]. Ясно, что это разъяснение может быть столь же рассчитано на французского читателя, сколько и на российские власти, в случае если инкогнито автора будет раскрыто и впоследствии возникнет вопрос, почему Хомяков решился нарушить запрет публиковать свои сочинения.

В 1855 г. Хомяков опубликовал в Германии еще одну брошюру, продолжавшую рассуждение о противоречиях католицизма и православия, «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа». Это был ответ на призыв к католикам архиепископа де Сибура в период Восточной войны – идти в «крестовый поход» против православных. Брошюра снова была подписана – «Неизвестный». Напрашивается вывод, что Хомяков всячески стремится скрыть свое авторство, поскольку нарушает правительственный запрет выступать в печати. Однако при ближайшем рассмотрении картина оказывается не столь уж однозначной.

Н. П. Барсуковым опубликованы некоторые материалы, касающиеся заграничных брошюр Хомякова. Оказывается, не только они сами были известны при российском дворе, но и имя их автора не составляло тайны. Вторая брошюра весьма заинтересовала императрицу Марию Александровну, и по ее поручению В. Д. Олсуфьев направил Хомякову 17 мая 1855 г. следующую записку: «Государыня императрица, узнав, что вы написали продолжение сочинения вашего «*Quelques mots d'un Chrétien Orthodoxe*» [«Несколько слов православного христианина»], желает прочитать оное. Почему и обращаюсь к вам с просьбою прислать мне вашу рукопись для представления ее величеству. Ей угодно было приказать сообщить вам, что покойный государь император с удовольствием читал вышеуказанное сочинение и остался им доволен» [1, Кн. 14, с. 291]. Для Хомякова подобный оборот означал одно: его труды оценены властью, а значит в отношении его «провинности» будет применено правило – победителя не судят.

К слову, о благожелательном отзыве императора Хомяков знал и ранее. В письме к Кошелеву он указывает на некий источник, из которого ему были известны слова Николая I о книге: «В том, что он говорит о Церкви, он весьма либерален, но в том, что он говорит о ее отношениях к светской власти, он прав, и я с ним согласен» [1, кн. 14, с. 291]. Успех брошюры Хомякова при дворе не был минутным. 29 июня 1855 г. Хомяков снова получает письмо от Олсуфьева: «Государыня императрица Мария Александровна повелеть мне соизволила препроводить к вам немецкий перевод книги вашей, по воле великой княгини Ольги Николаевны сделанный нашим стутгартским священником <...>. Вам, вероятно, не безынтересны распри западной церкви о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Посылаю от себя для прочтения протест аббата Лабурда против сего нового догмата» [1, кн. 14, с. 292]. Ясно, что последнюю фразу можно расценивать как поощрение автора к дальнейшим трудам на ниве защиты православия.

Хомяков, фактически получив высочайшее одобрение на публикацию сочинений о православии в обход как гражданской, так и духовной цензуры, продолжил работу и опубликовал за рубежом другие произведения богословского

характера в 1858 и 1860 гг. Однако он продолжал подписывать их псевдонимом «Неизвестный». Почему?

Можно догадаться, что, начиная с первого выступления за рубежом, Хомяков имел расчет, основанный на логике, подобной приведенному выше высказыванию Я. Н. Толстого: если книга будет хорошо принята российской властью, то это может вернуть автору свободу печататься, если вызовет недовольство правительства, можно будет укрыться за псевдонимом. Хомяков, в отличие от Тютчева, не был европейским завсегдатаем, не имел отношения к дипломатическому миру, в конце концов, его публикации не вызвали того же ажиотажа, что статьи Тютчева, и ему нетрудно было бы сохранить в тайне свое имя. Но, видимо, он твердо верил в успех книг в России, если допустил, чтобы псевдоним был раскрыт после выхода первой же брошюры. Когда же лучшие прогнозы Хомякова оправдались, маска «Неизвестного» все же имела смысл, но уже лишь на бумаге: указывала на принадлежность публикаций одному автору и сохраняла видимость приличия при нарушении писателем цензурной повинности.

Пожалуй, изложенные подробности могут навлечь на Хомякова скоростипажное обвинение в конформизме. Однако такое суждение было бы не справедливо. Во-первых, противоречие между западной и восточной церквями действительно были для него темой животрепещущей. И особое значение он придавал тому, *как и кем* будет представлено православие в Западной Европе. В 1840-х гг., критикуя труд московского митрополита Макария «Введение в православное богословие», Хомяков писал А. Н. Попову: «Стыдно будет, если иностранцы примут такую жалкую дребедень за выражение нашего православного богословия <...>» [2, с. 434]. А в 1847 г. Хомяков уже пытался опубликовать в Европе одно из своих богословских сочинений и даже отослал для этого рукопись Жуковскому, согласившемуся оказать содействие [2, с. 439].

Во-вторых, по выражению Лемке, в подобных случаях необходимо учитывать «коэффициент того времени» [3, с. 382]. Хомяков, за которым был учрежден негласный надзор и которому запрещалось печатать свои сочинения, нашел и воспользовался, кажется, единственно возможным поводом и средством обнародовать свои мысли. Будущее подтвердило обоснованность такого шага. Когда в 1867 г. Ю. Ф. Самарин готовил к изданию II том собрания сочинений Хомякова, включавший в себя богословские произведения, нападки духовной цензуры вынудили Самарина издать книгу за границей, в Праге. Тютчев живо сочувствовал этому изданию, одно время надеялся, что кончина Филарета «должна необходимо многое изменить в понимании вопроса» [6, с. 426]. Но после смерти Филарета понимание вопроса не изменилось, и в 1868 г. пражское издание богословских трудов Хомякова было запрещено для продажи в России. Тютчев как председатель Комитета иностранной цензуры был вынужден обратиться по поводу «подобного скандала» [6, с. 471] к обер-прокурору Синода гр. Д. А. Толстому [6, с. 471]. Словом, если бы Хомяков не решился опубликовать богословские рассуждения за границей, он вообще не смог бы увидеть в печати свои работы, ставшие, по выражению П. И. Бартенева, «целым событием в истории русского просвещения» [5, с. 33].

Был ли у Хомякова иной путь преодоления цензурных ограничений? Быть может, он имел возможность убедить власти в необходимости публикации своих патриотических сочинений? Обратимся к аналогичным литературным ситуациям.

В январе 1846 г. Ф. В. Булгарин пытался убедить Дубельта в целесообразности открыть в Петербурге польско-язычной газеты и использовал мотив защиты российского престижа. «Надобно плакать и смеяться, – сообщал в Булгарин, – когда слышишь, что поляки говорят и что они за границую пишут о России <...>. Непостижимо, что опровержение заблуждений насчет России столь же строго запрещено у нас, как и самая ложь!» [3, с. 316]. Поскольку Дубельт отнесся к мыслям Булгарина благосклонно, тот в уже феврале 1846 г. пишет новую «Записку», где снова затрагивает проблему борьбы с иноземными мнениями о России. «Когда я хотел напечатать исторический вывод, в опровержение чужеземных клевет на государя и Россию, – жаловался журналист, – мне сказано, что не нужно входить с ними в разногласия, а между тем, в то же самое время напечатали в «Journal de St.-Petersbourg» одну из самых жестоких выходок противу действий правительства» [3, с. 320]. А в апреле Булгарин отправил в III Отделение новую «Записку», где оседлал все того же конька: «Для чести и славы России, для успокоения общего мнения, для уничтожения справедливых, в этом отношении, насмешек иностранцев и русских, – надобно <...>, позволить писателям, как говорится, *перевести дух*, и писать обо всем свободно <...>» [3, с. 330]. Чего же смог добиться преданный власти журналист? Его поблагодарили за откровенность, но польскую газету так и не открыли, а цензурные требования так и не ослабили.

В 1861 г. по тому же пути пошел Погодин. Опасаясь, что цензура не пропустит его статью о Спиранском, Погодин снабдил ее предисловием, где пояснял, насколько важно доверить русским литераторам трактовку российской истории. «Русские только могут доставить иностранцам материалы для их соображений и умозаключений, для Науки, – настаивает Погодин. – Без русских в этом случае иностранцы шагу ступить не могут, обреченные на вранье, которое мы беспрестанно и слышим, когда речь пойдет о России и ее отношениях. Чем же мы можем остановить их вранье? Доставлением им верных сведений» [1, кн. 18, с. 404]. Весьма убедительный пассаж. Тем не менее... Статья Погодина о Спиранском смогла проникнуть в печать лишь через 10 лет после написания.

В 1857 г. Тютчев направил кн. М. Д. Горчакову письмо «О цензуре в России». Он сравнивал российскую цензуру с «истинным общественным бедствием» [7, с. 331], убеждал, что заграничным выступлениям русской оппозиции можно противопоставить лишь отечественный орган, имеющий широкую свободу тематики и суждений. Но вот со следующего 1858 г. Тютчев сам становится чиновником от цензуры и, кажется, перестает верить в возможность скорого изменения цензурных правил. Во всяком случае, когда в 1869 г. начальник Главного управления по делам печати М. Н. Похвистнев пообещал монаршую милость чиновникам иностранной цензуры, Тютчев разочарованно спрашивал: «Не удостоится ли если не милостей, так помилования и русская печать, которая в сложности не худо, право, служит русскому делу?» [6, с. 536] А когда в 1873 г. в «Русском архиве» появилось в русском переводе письмо «О цензуре в России»,

Тютчев отметил, что его мысли 15-летней давности нисколько не утратили актуальности [8, с. 359].

Таким образом, ясно, что все попытки Хомякова опубликовать свои работы в защиту православия легальным путем в России были бы обречены если не на провал, то на проволочки, которые могли длиться десятилетиями. У Хомякова в запасе этих десятилетий не было.

Защита православия, средоточием и воплощением которого в XIX в. воспринималась Россия, конечно, была тесно связана с проблемой отражения нападков европейской печати на российское государство в целом. Можно предполагать, что Хомяков не решился выступить за границей с опровержением иностранных «сказаний» о других сферах российской жизни по двум причинам: с одной стороны, он мог опасаться, что его труд будет воспринят как сочиненный «по заказу» правительства, с другой, – само правительство могло расценить подобную публикацию как попытку несанкционированного толкования действий официальной власти и событий российской истории, что было чревато последствиями.

При этом важно помнить, что до начала непреодолимых цензурных притеснений Хомяков не боялся высказываться в отечественной прессе в защиту зарубежного имиджа России. В 1845 г. в 4 номере «Москвитянина» появилась статья А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России». В зарубежных суждениях о российской жизни автор обнаруживает «путаницу в понятиях и даже в словах», «бесстыдную ложь», «наглую злобу» и задается вопросом: «На чем основана такая злость, чем мы ее заслужили?» [9, с. 83] Ответ, по мнению Хомякова, кроется в двух причинах: «различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы» и «досада» Европы перед «самостоятельной силою» России [9, с. 83]. Хомяков констатирует, что при таком положении вещей Россия, конечно, не может ожидать от Запада «полной любви и братства», но она имеет все основания «ожидать уважения». Однако в современных «сказаниях» иностранцев о России Хомяков не обнаруживает и следа этого уважения. «<...> Собственное признание в нашем духовном и умственном бессилии, – заключает он, – лишает нас уважения: вот объяснение всех отзывов Запада о нас» [9, с. 87]. Как выход из сложившегося положения публицист предлагает русскому обществу вернуться к собственным духовным истокам, не профанировать их перед иностранцами.

Заметим, что основная часть статьи посвящена не анализу конкретных высказываний и оценок иностранцев о России, а описанию своеобразного рецепта борьбы с западной недоброжелательностью. По мысли Хомякова, российское общество должно осознать, что Россия обладает оригинальным духовным потенциалом и обнаружить этот потенциал перед Западом. Хомяков развивает эту идею в следующей статье с характерным заглавием «Мнение русских об иностранцах» («Московский сборник», 1846).

Статья имеет сходную с предыдущей композицию. В начале Хомяков называет исключениями любые доброжелательные суждения иностранцев о России, и заявляет, что «мнение Запада о России <...> выражается в огромном успехе всех тех книг, которых единственное содержание – ругательство над Россию, а единственное достоинство – ясно высказанная ненависть к ней» [9, с. 104]. А затем

он снова приходит к тому, что причина кроется в неуважении русского общества ко всему отечественному, доказывает пагубность «эклектического» подражания «шаткому и бесплодному духовному миру Запада» [9, с. 134] и необходимость развивать самобытное русское миропонимание.

Обе статьи Хомякова являлись частью задуманного им «публицистического трактата», посвященного поиску путей возвращения русского общества к национальной почве [2, с. 312–325]. Он рассматривает эту проблему то в связи со строительством железной дороги в России («Письмо из Петербурга», 1845), то в связи с размышлениями о перспективах русского искусства («О возможности русской художественной школы», 1847). Поэтому и обращение Хомякова к мнению иностранцев о России можно было бы расценить как формальный повод создать одну из «многочисленных вариаций» [2, с. 316] своей мысли. Отчасти это объяснение было бы верным, но, кажется, – односторонним. Так, например, оно не давало бы ответа на вопрос, почему же Хомяков выбрал для демонстрации своих мировоззренческих моделей именно мнение иностранцев о России.

Статьи Хомякова в защиту православия являются логическим продолжением статей «Мнение иностранцев о России» и «Мнение русских об иностранцах». В этих двух работах европейская рецепция России сыграла не только роль случайного внешнего раздражителя, побудившего автора очередной раз изложить славянофильскую позицию. Хомяков почувствовал одну из общих тенденций русской литературы – защитить Россию перед лицом западных мнений, включился в общелитературное обсуждение «ответа» на зарубежные суждения о России и предложил средство решения проблемы – «рецепт», основанный на принципах славянофильской идеологии. По его мысли, русское общество должно было проникнуться уважением к духовным началам отечества и продемонстрировать это уважение перед западным миром. Хомяков сам применил этот «рецепт» на практике, выступив перед западным читателем в защиту русской церкви, с достоинством назвавшись «православным христианином» и проявив при этом ту русскую находчивость, которая издавна импонировала мнениям иностранцев о России.

ВЫВОДЫ

Анализ рассмотренных материалов позволяет сделать следующие выводы. Русские литераторы XIX в. стремились воздействовать европейский имидж России посредством публикации своих произведений за рубежом. В условиях цензуры такие попытки приобретали статус нелегальной или полунелегальной деятельности, что вынуждало даже вполне лояльных авторов искать пути к преодолению государственных запретов. Следствием этого «патриотического демарша» было, с одной стороны, расширение европейских представлений о России, с другой – приобретение русской литературой опыта легальных и нелегальных публикаций в Европе.

Список литературы

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. – СПб., 1900–1904. – Кн.14, 18.
2. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях / В. А. Кошелев. – М., 2000.
3. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. / М. К. Лемке. – СПб, 1908.
4. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов / Р. Лэйн // Литературное наследство. – 1988. – Т. 97. – Кн. 1. – С. 231-252.
5. Тютчев Ф. И. Папство и римский вопрос с русской точки зрения / Ф. И. Тютчев // Русский архив. – 1886. – Кн. 2. – Вып. 5. – С. 33-51.
6. Тютчев Ф. И. Письма / Ф. И. Тютчев // Литературное наследство – 1988. – Т. 97. – Кн. 1. – С. 255-567.
7. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений / Тютчев Ф. И. – СПб, 1913.
8. Тютчев Ф.И. Сочинения. В 2-х т. / Ф. И. Тютчев. – М., 1984. – Т. 2.
9. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки / А. С. Хомяков. – М., 1988.
10. Хомяков А. С. Сочинения. В 2-х т. / А. С. Хомяков. – М., 1994. – Т. 2.

**PUBLICATIONS A. S. KHOMYAKOV IN THE CONTEXT OF LITERARY
STRUGGLE FOR NATIONAL IMAGE**

Orekhov V.

In the article the Russian-French literary dialogue about the European image of Russia, examines the impact of the Russian censorship on Russian-European relations literature of the XIX century, analyzes the specifics of individual creative tactics of Russian writers who have controversy of imagology between national literatures.

Key words: image, censorship, dialogue of national literatures, imagology, reception.

УДК 82.02 : 821.161.1"181"

**ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Д. М. КНЯЖЕВИЧА
(ПО ПУБЛИКАЦИЯМ В «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ВЕСТНИКЕ»
1812 ГОДА)**

Орехова Л. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: la.orehova@gmail.com*

В статье впервые рассматриваются ранние произведения Д. М. Княжевича, представленные в журналах «Цветник» и «Санкт-Петербургский вестник» - изданиях, наиболее наглядно отразивших полемические ситуации в историко-литературных отношениях начала XIX века и сыгравших решающую роль в формировании творческой индивидуальности яркого представителя российского просвещения, литератора, критика, издателя.

Ключевые слова: Д. М. Княжевич, журнал «Цветник», «Санкт-Петербургский вестник», «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», критика, переводческая практика.

ВВЕДЕНИЕ

Дмитрий Максимович Княжевич (1788–1844) – яркая личность российского просвещения, литератор, критик, издатель. С 1811 года входил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», с 1821 – в «Вольное общество любителей российской словесности», причем в 1825 году стал вице-президентом этого Общества; характерно, что А. С. Грибоедова в «Общество любителей российской словесности» рекомендовал именно Д. М. Княжевич – 8 декабря 1824 года [1, с. 291, 336; 6]. Д. М. Княжевич и его младшие братья – Александр, Владислав, Николай – являлись активными членами «Союза друзей просвещения», игравшего значительную роль в литературном быту пушкинской поры [2]. Произведения братьев Княжевичей можно встретить в «Благонамеренном», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Полярной звезде», «Невском альманахе». В 1820 году Д. М. Княжевич выпустил фольклорный сборник «Подарок на святки» (СПб., 1820), затем первое русское «Полное собрание пословиц и поговорок» (СПб., 1822) [7], с братьями издавал «Библиотеку для чтения, составленную из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности» (литературные прибавления к «Сыну Отечества», 1822–1823; 16 частей). При этом Княжевичи были успешными чиновниками. Дмитрий Максимович, в частности, поступив в 1802 году канцеляристом в Экспедицию о Государственных доходах, в 1831 году стал директором департамента Государственного казначейства; в 1824 году являлся гражданским вице-губернатором С.-Петербурга; в 1837 году, в почти пятидесятилетнем возрасте, он резко меняет поприще деятельности и, по рекомендации бывшего «арзамасца» С. С. Уварова (министра просвещения), становится попечителем Одесского учебного округа (сюда входили Таврическая,

Екатеринославская, Херсонская губернии и Бессарабская область). Находясь на новой и последней своей должности 7 лет (до самой смерти 1 октября 1844 года), Д. М. Княжевич многое сделал для народного образования в обширном и сложном по национальному составу округе, начал реорганизацию Ришельевского лицея; издавал «Одесский альманах» (на 1839 и 1840 годы), «Новороссийский календарь», возобновил работу «Общества сельского хозяйства Южной России», основал «Одесское общество истории и древностей» и сам редактировал «Записки Общества» [12].

Деятельное стремление Д. М. Княжевича участвовать в литературном процессе, его многочисленные публикации создают о нем представление как о литераторе, активно участвовавшем в полемических ситуациях 1810-1820 годов. Характерно, что Д. М. Княжевич пользовался литературным авторитетом как в «арзамасском» кругу, так и среди представителей «Беседы любителей русского слова». Именно поэтому его литературные ориентиры вызывают сегодня существенный исследовательский интерес.

Первые произведения Д. М. Княжевича появляются в журналах «Цветник» и «Санкт-Петербургский вестник». **Цель** нашей статьи – проследить эволюцию литературных взглядов Княжевича, отразившуюся в этих изданиях, для чего необходимо решить следующие **задачи**: определить логику жанровых преобразований в текстах Княжевича; выявить литературные пристрастия автора; историко-философские критерии, положенные в основу его критического творчества.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Дебютировал Дмитрий Княжевич в апрельском выпуске «Цветника» за 1809 год публикацией историй и изречений в переводе с немецкого языка. «Счастье подобно некоторым знатым людям, которые обыкновенно гораздо охотнее делают подарки, нежели платят долги» [11, 1809, ч. 2, № 4, с. 123], – утверждает молодой автор совершенно в духе сентиментальных «друзей меланхолии», если воспользоваться словами популярного на то время писателя П. Шаликова. Но безоговорочной приверженности сентиментализму у Княжевича не было. В его характере – смелое действие, и потому он достаточно легко и быстро переходит к жанру памфлета, где в основе сюжета – какая-либо нравственно-этическая ситуация, характерная для современности, а завершается этот прозаический этюд нравоучительным выводом. Так, в памфлете «Алгебромания» [11, 1809, ч. 4, № 12, с. 286–294], в противовес суждениям об абсолюте точных наук, говорится о необходимости знания словесности и «своего природного языка»: «Нравственности учатся не по линиям, и свободные науки никакой связи не имеют с наукой об углах» [11, 1809, ч.4, № 12, с. 293]. Поднимая вопросы воспитания, Княжевич, в сущности, высказывает собственное нравственное кредо, как, скажем, в рассказе «Новейший способ воспитания» [11, 1809, ч. 4, № 8, с. 182–190]: «Предмет воспитания <...> не состоит в том только, чтобы молодым людям набивать голову разными родами

знаний, но также и в том, чтобы приобщать их к трудам и работе» [11, 1809, Ч. 3, № 8, с. 183].

В октябре 1809 года появляется стихотворение Д. Княжевича «Утренняя песнь» (Подражание Геснеру) [11, 1809, ч. 4, № 10, с. 16–19], а самым продуктивным оказывается ноябрь, когда в «Цветнике» публикуются его стихотворение «Мой вкус» (Подражание Лантье) [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 145–148], нравоучительный рассказ «Лиза» [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 148–166], цикл стихотворений в переводе с французского «Ошибки в мифологии» [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 191–193], а также восемь историй и изречений в разделе «Смесь».

Если попытаться оценить уровень художественного мастерства Дмитрия Княжевича, то придется констатировать, что в его поэзии более выучки, нежели поэтического воображения. Нет здесь неожиданных поэтических образов, преобладают традиционные рифмы. Может быть, сознавая это, Княжевич обращается к стихотворному переводу, а чаще – к жанру поэтического подражания. Вот несколько образцов поэтического подражания Княжевича из цикла «Ошибки в мифологии»:

*Седой старик Омир сказал, что будто Время
Съедало всех своих детей...
Омир весь век свой жил в пустыне
И мог ли что-нибудь он знать?
Пускай бы посмотрел, как ныне
Умеют время убивать [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 191–192].*

Или:

*Напрасно в том нас все Поэты уверяют,
Что будто Феб стихов отец:
Амуру их лишь посвящают,
Ему и слава и венец!
От власти одного Амура
Бессмертие зависит дать:
Когда бы не жила Лаура,
Петрарка нам бы не видать [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 193].*

«Подражания», изречения, прозаическая миниатюра оказались весьма органичными для Княжевича, его философски-аналитического ума. Позднее он отставит стихи и будет писать исключительно в прозе, разрабатывая жанры миниатюры, эссе, «путешествия», литературного дневника, мемуаров. А в «Цветнике» он подчас послушно идет за временем, создавая стихи сентиментально-романтического звучания, в которых используются традиционные для поэзии конца XVIII – начала XIX века отвлеченные романтические образы («Аврора золотая», «крылаты сны», «пастушка милая», «зефиры нежные», «лазуревые воды»), изображается грусть одинокого певца-поэта, его безответная любовь к некой абстрактной Людмиле («Утренняя песнь»):

<...>

*Будите милую Людмилу вы от сна.
Увы! она там спит сном кротким, безмятежным.
А я! – со мной тоска одна.*

*Твердите ей, когда жестокая проснется,
Что я уже давно скитаюсь в сих местах,
Что вопль мой по полям, по роцам раздается
И эхо вторит стон в скалах;*

*Что я Природе всей любовь свою вверяю,
Что с ветрами стену, с источником ропщу,
И сострадание во всех я обретаю,
В одной Людмиле не сыщу [11, 1809, ч. 4, № 10, с. 18–19].*

Понятно, что не о какой-то конкретной женщине идет речь. Людмила – абстрактный образ возлюбленной, образ мечты («К Людмиле»):

*Быть может, я с тобой соединюсь навеки,
Быть может, счастье нам назначено судьбой...
[11, 1809, ч. 4, № 12, с. 272].*

При этом сентиментальные поэты начала XIX века испытывают к воображаемой Людмиле не только чувство поклонения, но и глубокое сердечное доверие, дружбу:

*Ах! Успокойся, милый друг!
Чего боишься ты? Что твой смущает дух?
[11, 1809, ч. 4, № 12, с. 272].*

В лирике сентиментального поэта любовь определяет смысл жизни; все иное кажется неважным («К Людмиле, по случаю солнечного затмения»):

*Оставь, прекрасная Людмила,
Оставь небесные светила;
Пусть светят или нет, какая нужда нам?
Что сделают они влюбленным двум сердцам?
[11, 1810, ч. 2, № 6, с. 308].*

Разумеется, приведенные «сентиментальные» стихи не совершенны, но не этими стихами вошел Д. М. Княжевич в историю литературы. В «Цветнике» он прошел «начальную» литературную школу (с опытами удачными и не очень), чтобы уже через год выступить в «Санкт-Петербургском вестнике» с по-настоящему яркими публикациями. В «благородном» литературном труде, как пишет о 1810-х

годах Н. И. Греч, издатель «Сына Отечества», хорошо знавший Д. М. Княжевича и его братьев, Д. Княжевич находил «услаждение, отраду, удовлетворение душевной потребности», «средство к дальнейшему образованию ума и сердца» [3, с. 4]. Потому в числе авторов «Цветника» вступил он в «Общество словесности, наук и художеств», «продолжавшего свою тихую и невидную жизнь под председательством Дмитрия Ивановича Языкова, при непрерывном усердном содействии Александра Христофоровича Востокова» [3, с. 5]. Деятельность общества, продолжает Греч, «оживилась» в 1810 году «преимущественно вступлением в него Дмитрия Васильевича Дашкова, молодого человека с большим умом, дарованиями и образованием»: «В то время усилилась и брала верх школа славянофилов» [3, с. 5]. Вот теперь самое главное: автор воспоминаний подробно останавливается на характеристиках «школы» Шишкова, из чего становится понятной его, Н. И. Греча, концепция видения тех событий: «Партия эта, к которой принадлежали многие знатные лица по связям и дружбе с Шишковым и его приверженцами, усиливалась видимо, но не могла устоять от напора здравого смысла и чистого вкуса. Она господствовала преимущественно в громкой “Беседе Русского Слова”. Противники ее, приверженцы Карамзина, нашли приют в скромном Обществе Русской Словесности, которое <...> вознамерилось действовать решительно. С января 1812 года начало оно издавать в своем направлении журнал *Санкт-Петербургский Вестник*. В этом журнале отличались наблюдательностью и умным изложением синонимы Дм. М. Княжевича, бывшего в числе самых усердных и ревностных сотрудников» [3, с. 6].

Итак, круг «приверженцев Карамзина» – «арзамасский круг» – складывался именно в 1810 годы, и литературные убеждения Княжевича формировались именно в этом кругу. Ведущая роль будущего «арзамасца» Д. В. Дашкова выделена Н. И. Гречем особо. Странно, однако, что Н. И. Греч упомянул среди публикаций Д. М. Княжевича в «Санкт-Петербургском вестнике» лишь «Синонимы», тогда как «арзамасское направление» следует искать в его критических статьях в первой половине 1812 года, написанных под сильным обаянием идей Дашкова.

Характерно, что Княжевич вступил в ВОЛСНХ вскоре после Дашкова – 14 января 1811 года (Д. В. Дашков – 17 декабря 1810 года.), и уже через год (с марта 1812 года) вошел, вместо Н. И. Греча, в состав Комитета для издания трудов членов Общества и рецензирования прочитанных на собраниях Общества произведений. Но в чем конкретно проявилось влияние Дашкова на молодого Княжевича?

Известно, что в конце 1810 года в «Цветнике» (№ 11-12) Д. В. Дашков выступил с нашумевшим критическим материалом «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика», где, по сути дела, стремился продемонстрировать лингвистическую «нечуткость» автора «Перевода...» А. С. Шишкова. Не имея возможности подробно останавливаться на этой статье, отметим лишь, что, наряду со справедливыми упреками в неточности переводов А. С. Шишкова, статья Д. В. Дашкова, на наш взгляд, написана запальчиво и содержит оценки спорные. Но тогда сам факт появления такой статьи (причем против авторитетного лингвиста) произвел эффект разорвавшейся бомбы. Можно предположить, что «вызов» Дашкова всякой литературной и лингвистической недобросовестности был

поддержан Княжевичем. Случайно ли, что «синхронно» с растущей популярностью Д. В. Дашкова появляются критические статьи Д. М. Княжевича.

Так, № 1 «Санкт-Петербургского вестника» открывается статьей Д. В. Дашкова «Нечто о журналах» (с. 1–21). Заметим: статья помещена не в раздел «Критика», а в первый раздел – «Словесность»; таким образом, она «открывает» все издание, обретая значимость программной. По оценке В. Э. Вацура, эта статья обосновывает «просветительский взгляд» на критику «как на способ формирования общественного мнения, очищения нравов и просвещения общества» [9, с. 69]. «Главной целию» любого издания, считал Д. В. Дашков, «должна быть критика»: «Издатель знакомит читателей своих с новейшими произведениями отечественной словесности (а иногда разбирает и старые, когда почтет их достойными особенного внимания), показывает их красоты и недостатки, сравнивает и т. п. Суд его должен всегда быть умерен и беспристрастен. Смело и с удовольствием хвалит он, что есть хорошего в посредственных писателях; смело, но с прискорбием и уважением замечает недостатки в известных. Он никого не оскорбляет язвительными словами или презрением и весьма осторожно употребляет опасное оружие насмешки; но ничто не удержит истинного литератора восставать против злоупотреблений и расколов, вводимых в язык наш» [10, ч. I, № 1, с. 1–2]. Стоит отметить, что, помимо профессиональных, Дашков сформулировал в конце статьи и этические законы для «журналиста»: «Более всего журналист должен остерегаться пристрастия или гнусной зависти к великим дарованиям. Заблуждения и ошибки простительны – они суть неизбежный удел наш, но зависть неотменно влечет за собою всеобщее презрение!» [10, ч. I, № 1, с. 21].

Ровно через месяц, в № 2 «Санкт-Петербургского вестника» в разделе «Критика» помещена статья Д. М. Княжевича «Известие о новом французском романе: Les souterrains de la Roche de Baume, ou le Fantome et les Brigands. 3 vol. in 12. A Paris, chez Lerouge, Pigoreau et Normant». Статья подписана «-чъ» и находится на с. 239–250, т. е. непосредственно после рецензии Д. В. Дашкова на книгу «Анекдоты г. Волтера, часть I и II. Москва, у Решетникова. 1810 и 1809» (с. 233–238). Немаловажно, что прочитаны оба материала на заседании ВОЛСНХ в один день – 15 февраля 1812 года. Княжевич обращается к актуальнейшей для русского просвещения проблеме, демонстрируя бездарность и пустоту огромной массы завезенной в Россию французской беллетристики. Страстная, саркастичная манера письма весьма напоминает манеру Дашкова, особенно при пересказе рецензируемого романа: «Один ревнивый муж закалывает жену свою, потом закалывает кормилицу своей дочери; он бы переколот и многих других, если бы подоспевшая ночь не воспрепятствовала ему и не остановила мужественных его деяний. <...> Среди ея мрака сей несколько грубый муж начинает рассуждать, что несколько строгое наказание, сделанное им жене, может иметь не очень приятные для него следствия. <...> Тrepеша, как лист, он схватывает дочь и убегает в ближний лес. Едва входит в оный, как поднимается нарочно для него буря с ужасным ревом. Мрак умножается...» и т. д. [10, ч. I, № 2, с. 245–246]. Приведя целый ряд подобных «ужасных» сцен, Княжевич поясняет свою тревогу: «Кто-нибудь из тех писателей, которые ревностно снабжают нас переводами таких

бессмертных сочинений, каковы *Полночный колокол*, *Целина*, *Видения в Пиренейском замке* и проч., и проч., доставит нам удовольствие читать и сей роман на русском языке. Без сомнения, наши книгопродавцы, заказав перевести оный, распишут о достоинстве его в «Ведомостях» обеих столиц с величайшею подробностью, а любители *пещер*, *разбойников*, *привидений* и *чертей* увеличат оным свои библиотеки.

Стыдно писать, но еще стыднее переводить такие вздорные книги!» [10, ч. I, № 2, с. 250].

Еще более соответствует пафосу Дашкова большая (с. 207–220) критическая статья Княжевича (подписана «*К.*») в майском номере «Санкт-Петербургского вестника» – «Характеры, или Свойства различного состояния людей нынешняго времени. Сочинение г. Лабрюйера. Перевод с последнего французскаго издания. В двух частях. Москва. В типографии Селивановскаго. 1812». Как и Дашков, Княжевич прибегает к декларациям, формулируя, в частности, обязательные для переводчика «правила»: русскому переводчику надлежит «обратить внимание свое на два предмета: *первое*, чтоб изображать мысли сочинителя сколь возможно точнее, и *второе*, чтобы изображать их так же остроумно, с такою же силою, с таким же красноречием, как они написаны, и выбирать для каждой особливый, приличнейший ей по свойству языка нашего оборот» [10, ч. II, № 5, с. 209]. И далее он, как и Дашков, приводя цитаты («утомительные выписки») из рецензируемого текста, реагируя на всякую лингвистическую неточность, как музыкант на фальшивую ноту, детально, на многих страницах демонстрирует поверхностное знание французского языка и вопиющую лингвистическую беспомощность переводчика, приведшие к нарушению «здравой логики», «бессмыслице», «обезображиванию» оригинала: «Какой слог! И это говорит Лабрюйер, один из красноречивейших французских писателей!..» [10, ч. II, № 5, с. 219]. «Сверх того», замечает Княжевич, переводчик «перепортил почти все собственные имена», неправильно записав их в русской транскрипции. Наконец, резюмирующая оценка перевода: «Переводчик не только не представил нам мыслей автора с надлежащею точностию, но во многих местах обезобразил их; не понимал подлинника; прибавлял собственные свои мысли (а многие места пропускал: сравните главу *о женищинах*, в которой без всякой нужды выпущены целые страницы); поступал против здравого смысла; не знал многих французских слов; не знал хорошо русского языка и, наконец, не знал даже грамматики» [10, ч. II, № 5, с. 219].

Несомненным представляется следующее. По характеру и воспитанию Д. М. Княжевич был человеком чрезвычайно ответственным, основательным, добросовестным, взыскательным к себе. Критические статьи Д. В. Дашкова «указали» ему направление деятельности, способствовали литературной активности и воспитанию критического мастерства. Но главное, что без доли скепсиса уловил Княжевич в статьях Дашкова, – это призыв к совершенствованию – себя, литературы, общества. В то же время полемику со «школой» Шишкова Княжевич, кажется, воспринял не как противостояние, а как научный спор, явление естественное в просвещенной среде.

Может быть, определенным откликом на литературные раздоры стало рассуждение Д. Княжевича «Спорщик», опубликованное в № 7 «Санкт-Петербургского вестника». Главное, пишет он, чтобы полемизирующие стороны любили предмет спора, а не спорили «о подробностях», «не могли опровергнуть целого», – с мыслью «не только победить, но и торжествовать» [10, ч. III, № 7, с. 21]. «Решительный тон, гордое обхождение, явная несправедливость, притворство не понимать <...>, чтоб не быть принужденным отвечать, ложные одобрения слушателей предубежденных или желающих льстить, – вот важные <...> причины, чтоб не уступать, употреблять все средства к поддержанию своего мнения, спорить так же несправедливо, отделяться плоскими шутками, одним словом, поступать сколь можно хуже» [10, ч. III, № 7, с. 21–22], – эти наблюдения над психологическими «спутниками» спора, возможно, есть горестная реакция Княжевича на ряд ситуаций в ВОЛСНХ, особенно когда началась Отечественная война: текст был прочитан на заседании Общества 18 июля 1812 г., когда французы приближались к Смоленску и когда царь подписал манифест о создании народного ополчения.

Не исключено также, что в этом отрывке кроется и ответ на вопрос: почему через несколько лет, 22 мая 1823 г., на публичном собрании «Вольного общества любителей российской словесности» в доме Г. Р. Державина, после острых прений в Обществе, когда, по выражению А. Е. Измайлова, «новая школа вооружилась против старой, партия против партии» [1, с. 293], Д. М. Княжевич читает стихи как бывшего «арзамасца» В. А. Жуковского, так и бывшего «беседника» графа Д. И. Хвостова [8], за обидные шутки над которым 18 марта 1812 года из ВОЛСНХ был исключен Д. В. Дашков.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные нами публикации Д. М. Княжевича в журналах «Цветник» и «Санкт-Петербургский вестник» дают представление о творческих исканиях, приведших молодого автора от подражательных сентиментальных интенций в поэзии к зрелому полемическому анализу, проявившемуся в статьях 1812 года. На наш взгляд, статьи Д. В. Дашкова, даже при их спорности, имели решающее влияние на литературные воззрения, манеру письма и стиль Д. М. Княжевича.

Список литературы

1. Базанов В. Ученая республика / В. Базанов. – М.-Л.: Наука, 1964. – 469 с.
2. Вацуро В. Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры / В. Э. Вацуро. – М.: Книга, 1989. – 415 с.
3. Греч Н. И. Воспоминания о Дмитрие Максимовиче Княжевиче / Н. И. Греч. – СПб., 1860. – 24 с.
4. Дашков Д.В. Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика [Электронный ресурс] / Д. В. Дашков. – Режим доступа : http://az.lib.ru/d/dashkow_d_w/text_0030.shtml.
5. Минаков И. Дмитрий Максимович Княжевич / И. Минаков // Новороссийский календарь на 1860 високосный год. – Одесса: В городской типографии, 1859. – С. 464–469.
6. Орехова Л. А. Грибоедов и Княжевичи / Л. А. Орехова // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. – Смоленск, 1998. – С. 272–282.

7. Орехова Л. А. О собраниях пословиц В. И. Даля, Ф. И. Буслаева и Д. М. Княжевича / Л. А. Орехова // В. И. Даль – писатель и этнограф: Сб. научных трудов, посвященный 200-летию В. И. Даля. – Торжок, 2003. – С. 103–114.
8. Орехова Л. А. Д. М. Княжевич – организатор публичного собрания в доме Г. Р. Державина / Л. А. Орехова // “...Он видит Новгород Великой...” Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура. Великий Новгород, 31 мая – 4 июня 2004 г. – СПб. – Великий Новгород, 2004. – С. 295–307.
9. Поэты 1820–1830-х годов. Т. 1. – Л.: Советский писатель, 1972. – 792 с.
10. Санкт-Петербургский вестник, издаваемый Обществом любителей словесности, наук и художеств. Ч. I–IV. № 1–10. – СПб.: В Морской типографии, 1812.
11. Цветник. – СПб, 1809-1810.
12. Яковлев В. Д. М. Княжевич / В. Д. Яковлев // Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцева. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. – Т. IX. – С. 10–12.

**LITERARY AND CRITICISM VIEWS OF D. KNYAZHEVICH
(BY PUBLICATIONS IN “ST. PETERSBURG GAZETTE”, 1812)**

Orekhova L.

The article analyzes the literary-critical views of Dmitry Knyazhevich, discusses his early works that was presented in the magazine "Flower Garden" and "St. Petersburg Gazette" - editions, most clearly reflected the polemical situation in the historical and literary relations XIX beginning of the century and played a decisive role in the formation of creative individuality bright representative of Russian enlightenment, writer, critic, publisher.

Key words: D. M. Knyazhevich, magazine "Flower", "The Free Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts", "St. Petersburg Gazette", criticism, translations.

УДК [82.09+82.02]: 821.161.1"181"

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ КРЫМА В ТВОРЧЕСТВЕ И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА И К. Н. БАТЮШКОВА

Охременко А. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: alexandra9@mail.ru*

В статье рассматривается литературная реализация крымской темы в творчестве двух писателей – представителей одной эпохи, но разных литературных течений – К. Н. Батюшкова и И. М. Муравьева-Апостола; воспроизводится история их творческих и личных контактов; выдвигается предположение, что адресатом писем из «Путешествия по Тавриде» мог быть К. Н. Батюшков, приводятся аргументы, доказывающие эту точку зрения.

Ключевые слова: К. Н. Батюшков, И. М. Муравьев-Апостол, «Таврида», «Путешествие по Тавриде», путевые заметки, литература о Крыме.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к крымской теме в литературе появился в конце XVIII – начале XIX века. Это было связано с рядом факторов: распад Ханского княжества, присоединение полуострова к Российской империи в 1873 году (как следствие – возможность посетить экзотический южный край), просветительские настроения в обществе. В Крым начали приезжать ученые, писатели, просто путешественники (как российские подданные, так и иностранные). В этот период были созданы наиболее известные образцы литературы о Крыме. К их числу можем отнести работы П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, К. И. Габлица, П. И. Сумарокова, В. В. Измайлова, Шарля Жильбер Ромма, Адама Нарушевича, Станислава Богуша-Сестренцевича и многих других.

Сегодня изучением путевой литературы о Крыме занимаются как историки, так и литературоведы. Весомый вклад в тему внесли А. А. Непомнящий, автор книги «Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма» (последняя треть XVIII – начало XX вв.) (1999 г.); Э. Б. Петрова, переиздавшая травелоги Шарля Жильбер Ромма, Н. Н. Мурзакевича и А. Н. Демидова (2011 г.); В. В. Орехов – переводчик первого путеводителя по Крыму Ш. Монтандона; о впечатлениях польских путешественников о Крыме писал С. В. Громенко, английских – Н. И. Храпунов, Е. Деремедведь, Т. А. Прохорова.

О крымском путешествии И. М. Муравьева-Апостола чаще всего упоминают в связи с А. С. Пушкиным и его поэмой «Бахчисарайский фонтан» (об этом подробно написал В. А. Кошелев в статье «О жизни и творчестве И. М. Муравьева-Апостола» [1]). Однако «Путешествие по Тавриде» интересно не только в таком контексте; оно имеет значение и в развитии жанра литературного путешествия, и в понимании литературного процесса первой половины XIX века.

Цель нашей статьи – рассмотреть литературную реализацию крымской темы в творчестве И. М. Муравьева-Апостола и К. Н. Батюшкова, проследить изменения в

восприятию «полуденного края» в зависимости от литературных течений. Для этого необходимо решить следующие **задачи**: по письмам и дневниковым записям воспроизвести историю взаимоотношений И. М. Муравьева-Апостола и К. Н. Батюшкова; систематизировать представления К. Н. Батюшкова и И. М. Муравьева-Апостола о Крыме; выделить в их текстах характерные жанрово-стилевые черты.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Несмотря на то, что К. Н. Батюшков и И. М. Муравьев-Апостол были представителями разных литературных течений, их объединяли творческие интересы, а также дружеские и семейные связи. Знакомство К. Н. Батюшкова с его троюродным дядей, И. М. Муравьевым-Апостолом, состоялось в 1810 году, о чем Батюшков написал в заметке «О Горации» («Листы из записной книжки», 1809–1810): «И. М. Муравьев-Апостол – любезнейший из людей, человек, который имеет блестящий ум и сердце, способное чувствовать все изящное, – сказал мне, что он не выпускает Горация из рук, что учение сего стихотворца может заменить целый век опытности, что он всякий день более и более открывает в нем не только поэтических красот, но истин, глубоких и утешительных» [2, т. 2, с. 27]. С разговоров о творчестве римского поэта началась их дружба.

Весной 1811 года состоялось первое заседание «Беседы любителей русского слова». Уже на втором заседании, 22 апреля, с «Кратким рассуждением о Горации» и переводом его I Сатиры выступил И. М. Муравьев-Апостол, член второго разряда общества. А через месяц после этого успешного выступления Батюшков пишет Гнедичу письма (6 и 29 мая 1811 г.), в которых просит рассказать о прошедших чтениях. Из этих писем мы узнаем, что он следит за литературной деятельностью своего троюродного дяди: «Муравьев-Апостол читал “Жизнь Горация”? – Я бьюсь об заклад, что это было хорошо» [2, т. 2, с. 167]; «кроме “Горация” Муравьева и Крылова басен, там ничего путного я не видел» [2, т. 2, с. 195].

Тревожный и трудный 1812 год стал временем непосредственного, тесного общения Батюшкова и Муравьева-Апостола. Во время Отечественной войны, в начале сентября 1812 г., Батюшков вместе со своей тетушкой Е. Ф. Муравьевой и ее тремя детьми прибыли в Нижний Новгород, о чем он рассказывает в письме Гнедичу (октябрь 1812 г.): «Мы живем теперь в трех комнатах, мы, то есть Катерина Федоровна с тремя детьми, Иван Матвеевич (Муравьев-Апостол. – А. О.), П. М. Дружинин, англичанин Эванс, которого мы спасли от французов, две иностранки, я, грешный, да шесть собак» [2, т. 2, с. 234]. Вечерние разговоры Батюшкова и Муравьева-Апостола были не только о злодействах французов, но и об античной истории, и это общение, несомненно, повлияло на поэта, на его заинтересованность древней культурой, историей и литературой. Отголоски этих разговоров «не замедлили сказаться» в творчестве К. Н. Батюшкова: «Исследователи неоднократно отмечали близость, почти текстуальную, поэтического послания Батюшкова “К Дашкову” и публицистической прозы Апостола в “Письмах из Москвы в Нижний Новгород”» [4, с. 125].

В июле 1815 г. Батюшков по долгу службы приехал в Каменец-Подольский, где провел полгода. В. А. Кошелев, составитель биографии Батюшкова, пишет: «Предстоящая служба – “пребывание и бесплодная жизнь в Каменце” не радовала поэта, <...> еще не уехав на службу, он уже думает об отставке, хотя и собирается “служить не тужить” и выполнять “рыцарский” долг» [3, с.220]. В этот период Батюшкова «влечет стихия воспоминаний», в первую очередь – воспоминаний о любви. Именно в Каменце была написана элегия «Таврида». Батюшков в Крыму еще не был: представления его были самыми общими, но, видимо, ему рисовался чарующий экзотический край, такой непохожий на места, где он жил. С этим краем он связал романтическую надежду на счастье. Читающийся в элегии мотив побега с возлюбленной, «сокрытия» был навеян несчастной любовью к Аннете Фурман. В Каменец-Подольском у Батюшкова появляются мысли о перемене обстановки, о путешествии на юг – и он начинает подготовку к своей поездке в Одессу, Херсон и Крым.

В начале 1816 года Батюшков приезжает из Каменец-Подольского в Москву и останавливается в доме Муравьева-Апостола на Старой Басманной, его встречают радушно, «ласково и дружелюбно». И вновь в переписке Батюшкова и с Н. И. Гнедичем, и с Е. Ф. Муравьевой, и с Е. Н. Шипиловой (сестрой писателя) мы встречаем теплые отзывы о троюродном дяде: Батюшков признателен ему, благодарен и за прием, и за финансовую поддержку [2, т. 2, с. 384].

1818 год представляет особый интерес для нашей темы. Именно в это время Батюшков, работавший в Императорской Публичной библиотеке, просит у ее директора, А. Н. Оленина, отпуск, чтобы отправиться на «лечения купанием в морской воде и воздухом Тавриды», потому что он «утратил здоровье на службе: три войны и тяжелая рана расстроили его совершенно». Он также «покорнейше просит дать какое-нибудь поручение для отыскания древностей или рукописей на берегах Черного моря, в местах, исполненных воспоминаний исторических» [2, т. 2, с. 482]. К своей поездке он готовится очень тщательно: читает труды Габлица, Нарушевича, Шаликова, Сумарокова, Кёлера. В конце июня Батюшков вместе с сыном И. М. Муравьева-Апостола Сергеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом отправляется в Одессу, где проводит июль и начало августа: посещает развалины древней Ольвии (село Порутино), собирает ряд экспонатов, снимает план и пишет черновой вариант «Замечаний об Ольвии», до нас не дошедший. Батюшков также навещает И. М. Муравьева-Апостола, который в это время был в Одессе вместе с дочкой, Еленой Ивановной.

После этой встречи пути поездок племянника и дяди разошлись: Батюшков отправился за границу, после – в Крым, и здесь болезнь окончательно овладела им; И. М. Муравьев-Апостол в этот период вернулся в родовое имение Хомуец, где начал целенаправленную подготовку к крымскому путешествию, изучая для этого как древних (Страбон, Геродот, Плиний), так и современных ему авторов (Сестренцевич-Богущ, Паллас, Габлиц).

Итак, к 1820 году Батюшковым уже написана элегия «Таврида» (1815 г.), им изучен ряд источников по истории древнего Крыма, проведено исследование побережья Черного моря вблизи Одессы. К этому же времени Муравьев-Апостол

заканчивает свою долгую подготовку к крымскому путешествию (по его признанию, готовился он 2 года, т. е. со времени пребывания в Одессе с Батюшковым).

При рассмотрении этих двух «крымских текстов» считаем важным отметить совпадение в названиях произведений. Таврида – одно из исторических названий древнего и средневекового Крыма, следовательно, использование топонима «Таврида» авторами настраивает читателей на восприятие образа Крымского полуострова как античного края.

Вместе с тем, общая для двух произведений античная тема реализуется в текстах различными способами. Романтик Батюшков изображает Тавриду как место, где можно укрыться от злого рока, найти приют от житейских невзгод и проблем:

*Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места [2, т. 1, с. 187].*

Вслед за Ю. С. Сергеевой-Клятис, которая в статье «Таврида» К. Н. Батюшкова: романтизм или ампиризм?» подробно разбирает элегию, выделим черты, характерные для романтической традиции:

- борьба лирического героя с жестоким роком;
- обоюдные несчастья полностью возмещаются любовью, которая может свободно проявиться только в прекрасном, удалённом от суеты света месте;
- антитеза «Таврида – Пальмира Севера» – дань горацианской традиции, согласно которой службе на «поприще фортуны» предпочитается спокойная жизнь в уединении;
- идеалистичное изображение пейзажа [5].

«Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, в отличие от «Тавриды» К. Н. Батюшкова, можно назвать «научным комментарием», научно-художественным описанием как истории, так и современности полуострова первой трети XIX века – настолько глубоко Муравьев-Апостол вникает в тему, изучает большое количество текстов о Крыме, в рамках своего повествования вступает в споры с некоторыми авторами. Чаще всего он не признает мнение «новейших» исследователей авторитетным (за исключением Сестренцевича-Богуща, автора «Истории Таврии», 1800 г.), а некоторые научные изыскания опровергает, выдвигая свои аргументы. Так, Муравьев-Апостол во многом не был согласен с взглядами на античную историю П. С. Палласа – ученого-естествоиспытателя, который в своих трудах также опирался и на личные наблюдения, и на «Географию» Страбона, и на труды других античных авторов. Спорит он и с французом Пейсонелем, часто отзываясь о нем снисходительно. Как показывает время, не все замечания Муравьева-Апостола были справедливыми, но они, несомненно, акцентировали внимание на пробелах в научной, а не мифологической истории Крыма, привлекали новых ученых и путешественников на полуостров.

Вопрос о местоположении Храма Девы в Крыму – один из самых загадочных и обсуждаемых, в разное время учеными предлагались разные версии его решения. Исследователи древнейшей истории называют, по крайней мере, три места, где мог стоять храм Девы. Это, во-первых, Партенит – поселение у Аю-Дага. Во-вторых, на Фиоленте близ Георгиевского монастыря. И, наконец, таким местом мог быть Херсонес – крупный экономический, культурный и политический центр Северного Причерноморья в античные времена.

Не обходят этот вопрос стороной К. Н. Батюшков и И. М. Муравьев-Апостол. В 1818 году, когда Батюшков собирался посетить Крым, он изучал разные источники. Помимо ученых исследований, в списке интересующих его книг встречаем трагедию Еврипида «Ифигения в Тавриде». Батюшкова влекло неведомое, таинственное. В его план посещения Крыма даже входят «купания в Черном море в виду *храма Ифигении* (выделено мною. – А. О.)», о чем он пишет в письме А. И. Тургеневу (май 1818 г.) [2, т. 2, с. 387]. Вспоминая Еврипида, Батюшков говорит, что «море лечит все болезни, но вылечит ли меня, сомневаюсь» [2, т. 2, с. 484]. Поясним. Еще с античных времен существует представление о целебных свойствах морской воды; об этом не раз писали греческие и римские мудрецы, об этом говорят и герои Еврипида:

Ифигения
Я ранее должна омыть нечистых.
Фоант
Проточною или морской водой?
Ифигения
Грехи с людей смывает только море [6, 540].

Видимо, эти строки вспоминались Батюшкову.

А вот что об этом месте пишет И. М. Муравьев-Апостол в своем «Путешествии...»: «В городе сем (Херсонесе – А. О.) находится храм Девы, некоему божееству посвященный» [7, с. 67]. Но, в отличие от Батюшкова, его интересует не мифолого-поэтическая сторона вопроса, а фактическая – точное местонахождение «капища». Именно поэтому в «Путешествии...» он опирается на «Географию» Страбона с описаниями Ираклийского полуострова (древнее название юго-западной части Крыма, между Севастопольской бухтой и Балаклавой) и приходит к выводу, что капище располагалось в городе «Херронисе, во ста стадиях от мыса Партенион (мыса Девы)» [7, с. 68]. Иными словами, Муравьев-Апостол опровергает тот факт, что Храм Ифигении располагался на мысе Партенион (Фиолент).

Через год после выхода «Путешествия...» А. С. Пушкин написал стихотворение «Чаадаеву (К чему холодные сомненья?..)». Пушкина-романтика, как и Батюшкова, влечет поэтическая сторона легенды, возникающий за знаменитой легендой эмоционально-поэтический ряд. В «Отрывке из письма к Д.» (конец 1824 – начало 1825 гг.) Пушкин написал: «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических» [8, с. 251].

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели представления о Крымском полуострове двух авторов – представителей одной эпохи, но разных литературных школ. К. Н. Батюшков, и И. М. Муравьев-Апостол ассоциировали Крым с античной историей, но способы выражения их взглядов были во многом продиктованы принципами тех литературных обществ, к которым они относились. Для Муравьева-Апостола, члена «Беседы любителей русского слова», был важен исторический контекст; он очень скрупулезно отбирал информацию для своей книги, выверяя и сравнивая источники. У Батюшкова же мы видим романтическое, в духе «Арзамаса» изображение экзотического южного края; до посещения полуострова на первый план у него выходят личные переживания, переданные посредством мифологических образов.

В завершение выделим еще один объединяющий авторов фактор: мы можем предполагать, что именно К. Н. Батюшков стал адресатом крымских писем И. М. Муравьева-Апостола. В. А. Кошелев в приложении к переизданию «Писем из Москвы в Нижний Новгород» Муравьева-Апостола указал, что адресатом этих писем был К. Н. Батюшков и что «Путешествие по Тавриде» «повторяет тот тип повествования, который был найден Иваном Матвеевичем еще в “Письмах” 1813–1815 годов» [1]. Совместное посещение Одессы и древней Ольвии в 1818 году, беседы об античной культуре и истории, обращения Муравьева-Апостола к читателю в «Путешествии...» (например, в первом одесском письме (11 сентября 1820 года) он пишет: «Вступление мое к путешествию я тебе, друг мой, посвящаю: ты на то имеешь право неоспоримое; ибо я отправляюсь в тот край, где некогда в Храме дружества курился фимиам в честь Ореста и Пилада» [7, с. 5]) – думается, что упомянутые детали хронологически и логически указывают на большую вероятность нашего предположения.

Список литературы

1. Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб.: «Наука», 2002. – 270 с.
2. Батюшков К. Н. Сочинения: в 2-х т. / К. Н. Батюшков. – М.: Худож. лит, 1989. – Т. 1., 511 с.; Т. 2, 719 с.
3. Кошелев В. А. Константин Батюшков: Странствия и страсти / В. А. Кошелев. – М.: Современник, 1987. – 351 с.
4. Кошелев В. А. К. Н. Батюшков и Муравьевы: К проблеме формирования «декабристского» сознания / В. А. Кошелев // Новые безделки : Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. – М. : Новое литературное обозрение, 1995–1996. – С. 117–137.
5. Сергеева-Клятис А. Ю. «Таврида» Батюшкова: романтизм или ампир? / А. Ю. Сергеева-Клятис // Первое сентября. Литература, 2002. 8–15 апр. (№ 14).
6. Еврипид. Трагедии: В 2 т. / Еврипид. – М.: Наука, Ладомир, 1999. – Т. 1, 650 с.
7. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб : Печ. в тип., состоящей при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. – 337 с.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 13, 651 с.

LITERARY IMAGE OF THE CRIMEA IN THE WORKS OF
K. N. BATUSHKOV AND I. M. MURAVIEV-APOSTOL

Okhremenko A.

The article discusses the implementation of the Crimean literary themes in the works of two writers – representatives of an era, but of different literary trends – K. N. Batushkov and I. M. Muraviev-Apostol; played the story of their creative and personal contacts; suggests that the recipient of letters from “Travelling across Tavrida in 1820” could be K. N. Batushkov, argues that prove this point.

K. N. Batushkov and I. M. Muraviev-Apostol associate Crimea with ancient history, but the means of expressing their views were largely dictated by the principles of the literary societies to which they belonged. For Muraviev-Apostol, a member of the “Lovers of the Russian Word Society” was important historical context; he very carefully selected the information for his book, verifying and comparing sources. In “Tavrida” of Batushkov we see a romantic, in the spirit of “The Arzamas Society”.

Keywords: K. N. Batushkov, I. M. Muraviev-Apostol, “Tavrida”, “Travelling across Tavrida in 1820”, travel notes, literature about the Crimea.

УДК 070.11:94(477.75) «1853/1856»

ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ Н. В. БЕРГА В ЖУРНАЛЕ «МОСКВИТЯНИН» (1855 г.)

Первых Д. К., Первых В. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: dianavasileva@yandex.ru*

Статья посвящена анализу публицистических материалов (писем с полей Крымской войны) военного корреспондента журнала «Москвитянин» штабного офицера Н. В. Берга. Письма рассматриваются с точки зрения их жанрового своеобразия; анализируются приемы, языковые особенности и творческие решения военного журналиста, принципы, которыми он руководствовался при отборе материалов. Изучение публицистики Н. В. Берга позволяет сделать вывод о новаторских приемах редакторской работы издателя журнала «Москвитянин» М. П. Погодина.

Ключевые слова: военная корреспонденция, Крымская война, журнал «Москвитянин», Н. В. Берг.

ВВЕДЕНИЕ

История зарождения жанра «военной корреспонденции» в годы Крымской войны, его развитие в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Гражданской войны не становились предметом специального исследования историков журналистики. Однако многие приемы, характерные для более ранней журналистики, активно применялись и усовершенствовались в художественно-документальной «литературе очевидца» в период и после Великой Отечественной войны, многие из них используются и сегодня. Возникновение жанра «военной корреспонденции» оставляет широкое поле для современного научного осмысления.

Предметом анализа нашей статьи выбраны письма участника Крымской войны штабного офицера Н. В. Берга к редактору журнала «Москвитянин», историку М. П. Погодину. Опубликованные в 1855 г. письма представляют собой новую в то время форму журналистского творчества, соединившую в себе несколько жанров: репортаж, заметку, зарисовку, бюллетень, дневник, отчет и путевой очерк, но при этом объединенных формой личной переписки автора и издателя.

Таким образом, **целью** статьи является анализ эпистолярной публицистики Н. В. Берга. В задачи исследования входит определение использованных Н. В. Бергом методов и приемов, изучение жанровых, языковых и стилевых характеристик его публицистики, созданной во время обороны Севастополя.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Николай Васильевич Берг известен как автор «Записок об осаде Севастополя» (М., 1858), переводчик «Песен разных народов» (СПб., 1854) и художник батальных сцен, представленных в «Севастопольском альбоме» (М., 1858). В начале Крымской войны Н. В. Берг служил переводчиком в штабе южной армии на Дунае, затем перебрался в осажденный Севастополь. Славянофил по убеждениям, Н. В. Берг сотрудничал с журналом «Москвитянин», но после его закрытия перешел в «Современник», где в 1856 г. опубликовал путевой очерк «Из крымских заметок», посвященный, однако, уже не событиям войны, а описаниям послевоенной крымской ситуации.

Письма Берга в «Москвитянин» являются примером новаторства и апробации жанра военной профессиональной корреспонденции, где каждое письмо представляет законченную композицию. Можно предположить, что такую форму публикации предложил Бергу редактор «Москвитянина», опытный издатель М. П. Погодин: форма письма позволяла сократить время подготовки материала и не требовала литературного осмысления. «Жанровое осмысление» своих публикаций предпринимает сам Н. В. Берг, по-разному их называя: «письма», «тетрадь воспоминаний», «заметки», «статьи», и в одном из писем поясняет: «Писал я свои заметки для вашего (М. П. Погодина – Д. П.) кабинета и для друзей. Тут все. Что можно, выберите для печати» [2, т. 85, с. 42].

«Выберите для печати» – это, безусловно, журналистский прием, поскольку Берг хорошо понимал, что письма его будут публиковаться со строгой периодичностью из номера в номер и станут программными материалами, востребованными читателем. М. П. Погодин же публиковал письма практически без сокращений и без редактирования, но неизменно оставляя в начале каждой публикации отточие, тем самым имитируя сокращение. На самом деле, сокращено лишь личное приветствие. Такая подача материалов вносит элемент непосредственности и подлинности, а, значит, предоставляется читателю вполне достоверным.

«Москвитянин» – не первое издание, обратившееся к подобному жанру в период Крымской войны. В июне 1855 г. журнал «Современник» в разделе «Внутренние известия» опубликовал письма из Крыма очевидцев Крымской кампании и сестер милосердия Крестовоздвиженской общины [3, т. 52, с. 126–154]. Однако эти материалы не были объединены единым авторским сознанием и воспринимались как разрозненные факты, разными путями дошедшие до редакции.

Такой жанр «письма в редакцию» (на самом деле, это письма, переданные в редакцию родственниками, друзьями написавших) в качестве журналистской тактики использовала и западная пресса. Вера Сергеевна Аксакова, дочь русского писателя С. Т. Аксакова, записала в дневнике: «Английские и французские газеты широко публиковали частные письма из Севастополя, но сторонники войны восставали против этого, взывая к *patriotism de discretion*» («патриотической сдержанности» – с фр. яз) [1, с. 88].

«Письмо в редакцию» имеет свое преимущество, поскольку воспринимается как несомненно подлинное и «адресованное» непосредственно читателю. В этом

плане авторская публицистика предполагает «опосредованное» читательское восприятие: все события видятся читателю «сквозь призму» авторского сознания и чувств. Чтобы не утратился характерный для «письма в редакцию» эффект подлинности, следовало, очевидно, соединить возможности авторской публицистики и «письма в редакцию». Так, на наш взгляд, формулировалась идея «эпистолярных корреспонденций» Н. В. Берга, и на это «работали» все приемы, талантливо примененные автором и издателем.

Письма объединены в циклы, каждый из которых имеет свое название: «Севастопольские письма», «Письма из Севастополя и Бахчисарая», «Крымские письма». Это объемные материалы, подробно рассказывающие о положении русской армии и армии противника в Севастополе, сражениях, военном быте и обогащенные, между тем, этнографическими записками о Крыме, его жителях, их обычаях, нравах. Долговременное пребывание Берга в армии и на поле боя придает его корреспонденциям ценность документальных свидетельств об исторических лицах, с которыми автор встречался, о реальных участниках военных событий – от маршала до рядового.

Письма Берга написаны от первого лица, сам автор сознательно делает себя героем своего рассказа. Такая позиция публициста закономерна еще для двух жанров журналистики – «репортажа» и «путешествия», где автор выполняет не «вспомогательную» роль (видел, наблюдал, комментировал), а является участником происходящего. То и дело встречаем у Берга: «я бываю там», «я явился», «я слышал», «я выскочил», «я бросился на ковер», «мы поехали по горе», «я спросил», «я стал глядеть» и т. д. Берг в каждом эпизоде неоспоримо подтверждает свое присутствие, в деталях передавая свои эмоции, переживания, как бы нарочно акцентируя на себе читательское внимание. Автору следовало бы, наверное, учитывать особенность военной ситуации, когда авторская доминанта диссонирует с трагизмом исторического момента. Однако не стоит предъявлять к публицистике Берга традиционных требований жанра, учитывая сроки написания и помня, что «изобретать» жанр ему приходилось «на ходу». Между тем, утверждать, что публикации Берга являются репортажем в чистом виде, было бы неверно. В них практически отсутствует повествование в настоящем времени – признак классического репортажа. В то же время, задача репортера состоит, прежде всего, в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца (репортера), т. е. создать «эффект присутствия», передать динамику событий. С другими жанрами (особенно художественно-публицистическими) репортаж роднит использование метода наглядного изображения действительности. Однако в репортаже наглядность несет информативную задачу, функцию сообщения, а, скажем, в очерке наглядное отображение перерастает в обобщение и типизацию. Жанр «путешествия» в таком случае, несомненно, оставляет для автора гораздо больше «допусков», но специфика военной корреспонденции не должна отодвигать факты на второй план. Берг попытался объединить элементы информационных жанров с художественно-публицистическими, включая в текст зарисовки (например, о перемирии и братаниях неприятелей во время сбора раненых [2, т. 86, с. 25]) и даже поэзию:

*«Не сбылись предсказания
Перебежчиков-плутов:
Нет еще брендирования
С неприятельских валов <...>» [2, т. 86, с. 71–72].*

«Вот вам рифмы, и довольно курьезные. Они пришли ко мне сегодня на заре, когда я собирался в лагерь; в лагере я их записал. И так у нас тихо, т. е. перестрелка обыкновенная», – пишет Берг, явно осознавая ценность первых стихотворных строк на тему развернувшейся войны [2, т. 86, с. 72].

Письма сюжетно сложны, но не подчинены единой композиции, и это вполне оправдано, если помнить, что Берг записывает непосредственно после события или во время него, поэтому невозможно продумать и запланировать композицию. Такая непосредственность не только не в ущерб читательскому вниманию, но создает дополнительно эффект «присутствия». Стремительное течение и смена событий и обстоятельств «формируют» объем перерабатываемого материала, а значит и объем писем Берга. Объем писем не постоянный, количество страниц варьируется от одной до десяти и зависит от значимости и масштаба описываемого.

При этом письмо может включать в себя не только отображение различных военных ситуаций, но и пейзажные зарисовки, описания встреч, портретов, бесед и т. д., т. е. «внутри» эпистолярно-публицистического жанра используются композиционно-стилистические формы различных журнально-публицистических жанров. Достаточно проследить за жанрово-стилевыми «подвижками» в одном лишь письме – от 28 октября 1855 г. Открывается оно зарисовкой: «В Чуфут-Кале я был еще два раза <...>. Эти подземелья были, кажется, тюрьмами у первых обитателей Чуфут-Кале <...>. Одиннадцать ступеней ведут в первую, почти квадратную комнату, имеющую 9 шагов в длину и 7 в ширину. Посредине оставлен столб из того же камня и на нем, внизу, видны четыре ушка, также каменные, к которым, надо полагать, привязывали преступников...» [2, т. 88, с. 111].

Продолжается письмо «репортажем с места событий»: «Государь приехал сегодня во втором часу. Замечательное обстоятельство: тотчас после того, как Он из церкви прошел в дом, назначенный для Его помещения, – над этим домом явилось 22 орла, которые кружили долго и потом полетели по направлению к Евпатории. <...> Государь ездил на Качу и вечером воротился в Бахчисарай. В городе была иллюминация из разноцветных фонарей и плашек. <...> По городу носятся каски, веют солданы и блещут эполеты, давно нами не виданные» [2, т. 88, с. 118–119].

А последний абзац письма и по содержанию, и по стилю напоминает бытовое письмо: «Бесят меня цены на фрукты, возвышающиеся с каждым днем. Груши дошли до 25 коп. сер. фунт – это всего три или четыре груши. Виноград дошел до 12 коп. ф., виноград, который провозится возами и которым запружены подмости фруктовых лавок. Но это предсмертные цены – увы! <...>» [2, т. 88, с. 119].

Синтез жанров удобен автору, не требуя придерживаться строгости определенного стиля и существенно расширяя художественные возможности. В то же время эти разные по жанру отрывки можно выделить в независимые публикации

и, более того, опубликовать отдельно от основного текста. Например, в письме от 26 мая 1855 г. из Севастополя находим абзац, который мог бы существовать как полноценный репортаж с места событий: «Сейчас (я пишу на фрегате) выходил смотреть на ракеты, которыя стали подыматься из трех точек вдруг, на город. Пущено уже до сорока. <...> Смотри на ракеты, я не мог не полюбоваться на действие нашего 10 номера, который громит Херсонес. У них устроена батарея в печке, где прежде обжигали известь. <...> Наши подбили у них все орудия – осталось только одно. 10-му номеру помогает также Константиновская (батарея – Д. П.), стреляющая через бухту (1300 сажен) и также очень удачно. Вообще артиллерия у нас опередила все» [2, т. 85, с. 53].

В июне из Севастополя в Москву Берг отправил очень короткое письмо, по форме и содержанию напоминающее статистический отчет или бюллетень с точными сухими данными и большим количеством цифр. Приведем отрывок:

«Потери у неприятеля в дни штурма 6 и 7 (июня 1855 г. – Д. П.) считают до 12 тысяч. Одних офицеров у французов до 200 слишком и 3 генерала, а у англичан 36 офицеров и 2 генерала.

Англичане строят нам куры. Очень заметно, что французы их прижали, и господство их англичанам не по сердцу. К нам пришли 3 дивизии (48 тыс.), еще ждем 2 дивизии и 26 тыс. ополчения. Это оживило. Еще подвезли снарядов: ядер и бомб. – Тихо; почти не стреляют. В день бомб 500 – 1000.

Тотлебену лучше. Шварцу тоже. Он ранен в ухо камнем. Говорят, он должен ехать в отпуск. Этот человек до сих пор был решительно заговоренный с его редутотом от пуль и бомб. Все удивлялись постоянно, как он и редут его уцелели <...>» [2, т. 85, с. 63].

Информационный отчет оживляют просторечные стилистические находки, и читатель легко увидит разницу с официальными отчетами, публиковавшимися «Морским сборником», специальным военным изданием: «англичане строят нам куры», «французы их прижали», «решительно заговоренный с его редутотом».

Между тем, у читателя корреспонденций Берга складывается устойчивое впечатление, будто не автор является участником происходящего, а, напротив, события «вращаются» вокруг него. Происходит это, по-видимому, потому, что, поэт и художник по натуре, Берг не сразу сумел оторваться от традиции «путешествия» или «путевого очерка».

Приведем пример, когда во фрегат «Коварна», где жил Берг, попала бомба, разыгрался «невиданный пожар». Гибель корабля в условиях войны – потеря для армии огромная, для моряков – трагедия почти личная. Однако чувства Н. В. Берга в этот момент несколько обескураживают: «В две минуты загорелся фрегат весь, кругом. Вышедши на берег, я не мог смотреть на гибель моего гнезда, в котором столько прожил и которое сделалось мне совершенно родным. <...> **Все** (выделено нами – Д. П.) **сбежались ко мне**, кто предлагал белье, кто теплое платье, кто звал ночевать. Но что меня особенно обрадовало – первый вопрос **всех** был: уцелели ли мои записки? – Один офицер остановил меня на дороге **ночью**, в совершенных потьмах, и спросил: «**Это, кажется, вы, Б.? Целы ли ваши записки?**» – Но, увы, я должен был отвечать отрицательно. Все сгорело: рисунки, записки» [2, т. 87, с. 133–

134]. После этой цитаты добавим, что штабной офицер Берг не остановился более на описании битвы, зато предпочел во всех подробностях передать личные переживания и подчеркнуть, что все, находящиеся в Севастополе, знают его как писателя, сочувствуют, заботятся о судьбе его литературных трудов.

Мы остановились сейчас на некоторых «просчетах» Н. В. Берга, чтобы констатировать неперемное требование к военной публицистике: фактологическая доминанта. В сущности, фактологическая база у Берга велика, но расширяется она за счет общего объема его писем. Включая в свой авторский материал солдатские рассказы, Берг создавал конструкцию «рассказ в рассказе». Этот журналистский прием придает публикации панорамность и существенно расширяет фактологическую наполняемость публикации. В письме от 28 июля находим восемь таких рассказов, каждый из которых может быть напечатан отдельной заметкой. Для убедительности приведем один из них:

«Вот еще происшествие на том же 6-м бастионе. Солдатам и матросам, работающими за валом, строго запрещено возвращаться на бастион через амбразуры, но они все-таки это делают. Однажды ночью солдат, работавший во рву, вздумал воротиться на бастион этим сокращенным способом. Часовой, стоявший в амбразуре, окликнул: «кто идет»? И после троекратного оклика, не получая ответа, махнул штыком; к счастью, тот увернулся, и штык только оцарапал ему ребро. «Сенька, что ты делаешь! Это я! Мы с тобой одной роты!» – закричал раненый. – Что ж ты не отзываешься! – отвечал часовой Сенька: ты, по крайности, отзовись! – «Да я тебя узнал; думал, что и ты меня узнал, что я свой!» – Дал бы я тебе своего! – отвечал Сенька, и тем дело кончилось» [2, т. 86, с. 7].

Жанровое разнообразие публикации Берга, как видим, отразилось и на языковом стиле автора. Чтобы письма были доступны всякому читателю и убедительны для всякого читателя, журналист нередко избирает разговорную манеру, чем и облегчает восприятие порою сложного исторического материала. Для этого Берг использует, по большей части, простые предложения, избегая сложноподчиненных конструкций. При этом колорит солдатского просторечья Берг не сохраняет. В письмах редко встречается намеренное употребление автором двух существительных, оставленных в первоначальном, «солдатском» варианте: «бонба» и «бондировка».

Особенность и информационная ценность публикаций Берга – сиюминутность описания, когда читатель наблюдает войну в динамике событий: бои, перемирия, отдых, прогулки, знакомства и т. д. Большую убедительность придают реальные «действующие» лица его корреспонденций: исторические (генералы Хрулев, Семякин, адмирал Нахимов, Лидерс, Остен-Сакен, вице-адмирал Новосильский, генерал-адъютант Тотлебен), рядовые солдаты (матросы Зелинский, Рылеев, Бадюк, рядовой Матвей Щелкунов, Тимофей Пищенко), медсестра Прасковья Ивановна Графова, старшина базара на Северной стороне Севастополя, бывший содержатель Одесской гостиницы Александр Иванович Алаторцев, архимандрит Геронтий, священники (Иоанникий, отец Анастасий) и др. Их портреты не выдуманные, «с натуры», и это придает публикации особую изюминку.

Например, описывая медсестру Прасковью Ивановну Графову, Берг сознательно уходит от поэтизации, как и Л. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах», утверждавший, что война – тяжелый, грязный труд. Потому героическое не приукрашено; Берг «видит» медсестру так, как в действительности видят ее солдаты. «Правда жизни» торжествует над искусственной поэтизацией, но от этого гораздо выпуклее видится подлинная героика:

«Толстая, здоровая баба, лет сорока, неглупая, но имевшая обыкновение прикидываться душой и душой несносной. <...> В приступ с 5 на 6 (июля. – Д. П.) она перевязала собственными своими руками 183 человека, на Пересыпке, под неприятельскими выстрелами. И постоянно всякой день бывала под огнем, ходя смело по батареям и ободряя солдат и матросов. Ея поговорка была: будь весел! – Когда ранили Нахимова, она перевязала и его. Во время похорон его шла под руку, с двумя из наших генералов, говоря им *ты*. <...> Третьяго дни убило Прасковью Ивановну бомбой. Бомба упала между ею и матросом. Матрос успел прилечь и кричал ей: «ложись!», но она оторопела, а может и не слишком спешила по странному своему характеру – как вдруг бомба разрешилась и оторвала у ней голову, ногу и руку. Главнокомандующий приказал написать об ней статью» [2, т. 86, с. 8–9].

Для редактора Погодина сотрудничество с Бергом было чрезвычайно выгодным. Офицер Берг был лично знаком с командным составом, вхож в их семьи и мог описать эти встречи, что, например, не удалось бы обычному корреспонденту. Бытовая сценичность его корреспонденций, относящаяся не только к солдатской жизни, но и к жизни известных всей России офицеров, несомненно, повышала интерес самой разнородной читающей публики. Журналисту всегда следовало учитывать социальный состав читателя и разнообразие социальных интересов. Так, Берг описывает празднование Пасхи:

«Светлый праздник я встречал торжественно: у командующаго Южною армиею (Лидерса). Он после обедни принимал всех чиновников штаба и других, даже частных лиц. Лидерс – барин, любит все это делать на широкую руку, и притом в воздухе носится к нему любовь и расположение. <...> Судите же, сколько к нему наскakало, и все это в блестящих мундирах; одних генералов – ползалы битком. Были без траура. И тут же разгавливались; он с дочерью (семнадцатилетней красавицей) угощал всех как хозяин <...>» [2, т. 85, с. 43–44].

Берг очень точно уловил потребности читательской аудитории: знать о войне не только по сухим сводкам, а из личных историй участников войны. «Людам интересно читать о людях», – этому правилу следуют и современные журналисты. Показательна история 10-тилетнего Николая Пищенко, отец которого, матрос 37-го экипажа, погиб, и мальчик остался на батарее. Однажды он забежал на Шварцов редут и был впечатлен мортирами: «Явясь к командиру Шварцовой батареи, <...> просил у него позволения стрелять из маленьких мортир. Командир батареи дал ему выстрелить из одной мортиры, и потом, найдя, что он очень ловок и расторопен, отдал в его распоряжение все 9 мортир под надзором старого матроса. Матрос был убит 9 июля, и тех пор доныне мальчик управляет один этими мортирами. <...> Я снял с него портрет во весь рост, и в следующий раз пришлю вам. Как жаль, что все

это пропадает так, что у нас нет иллюстраций». И далее: «Мне сказали, что «на 2-м N (номере. – Д. П.) есть также мальчик, уже награжденный медалью за храбрость. Я постараюсь разузнать и об нем» [2, т. 86, с. 73]. Как видим, Берг планировал публикации, согласовывая их с издателем, и следил за выходом других изданий. «Французы помещают всякий вздор, всякую безделицу. Художественный листок наш теперь печатает Силистрийские виды!» – с осуждением констатировал корреспондент Н. В. Берг. Несомненно, и Берг, и издатель Погодина отлично понимали преимущество документальной информации, потому М. П. Погодина, не редактируя, публиковал письма Берга.

В то же время в одном из писем нам встретился любопытный редакторский прием. Берг, якобы невзначай упрекнул Погодина, что тот не отредактировал его письма и опубликовал «слишком личную» историю: «В письмах моих есть совершенно лишние неудобные вещи, которых не желал бы видеть в печати, мало ли что я к вам пишу». На что Погодина, повторюсь, будучи опытным издателем, ответил в сноске: «Я оставлял их с намерением, чтоб читатели удостоверились еще более, посредством их, в искренности, безыскусственности писем и отсутствии всяких задних мыслей: авторское самолюбие, верно, согласится принести в жертву мой любезной корреспондент для такой цели. – Севастополь так нам дорог, что всякая малейшая черта о нем драгоценна. Я получил множество благодарностей за сообщение писем, – а для строгих литературных судей повторяю здесь объяснение, почему печатаю письма без всяких изменений и исключений. М. П.» [2, т. 88, с. 115]. Нет сомнений, «диалог» автора и издателя появился вовсе не случайно, это был очередной журналистский прием.

ВЫВОДЫ

Избранный Н. В. Бергом эпистолярно-публицистический жанр соединил в себе опыт существовавших ранее литературных жанров (пейзажный этюд, путевой очерк, зарисовку) и новаторство в разработке собственно журналистских информационных и художественно-публицистических жанров: репортаж, статистический отчет, бюллетень, «письмо в редакцию» и др. Это была авторская апробация форм публицистики, которые в дальнейшем развились в устойчивые жанры, используемые профессиональной журналистикой, в том числе и военной. Методы и приемы работы военного корреспондента Н. В. Берга, принцип отбора материала, логика подачи военных текстов позволяют говорить о нем как о родоначальнике военной публицистики и основоположнике новых форм журналистики.

Публикации Н. В. Берга дают нам возможность оценивать редакторскую работу издателя «Москвитянина» М. П. Погодина, сделавшему акцент на документальности военной публицистики, в основу которой легли частные случаи из жизни защитников Севастополя. При этом следует помнить, что Н. В. Берг – поэт, писатель и художник. Поэтому задача художественного «опосредования» в его материалах нередко доминирует над задачей фактографической точности описания.

Традиционный для литературы жанр путевого очерка у Н. В. Берга соединяет или даже преобладает над другими собственно журналистскими жанрами. Впоследствии синтез информационных жанров с художественно-публицистическими помог Н. В. Бергу в создании путевого очерка «Крымские заметки», посвященного событиям в послевоенном Крыму («Современник», 1856 г. [3, т. 58, с. 131–202]), а после и отдельной книги «Записки об осаде Севастополя» (М., 1858).

Список литературы

1. Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой / В. С. Аксакова. – СПб. : Огни, 1913. – 174 с.
2. Москвитянин // Москвитянин. Учено-литературный журнал. – М. : Университетская типография, 1855. – Т. 85–88.
3. Современник // Современник. Литературно-политический журнал / И. Панаев, Н. Некрасов // – СПб. : 1856. – Т. 52, 58.

MILITARY CORRESPONDENCE N. V. BERG IN THE JOURNAL "MOSKVITYANIN" (1855)

Pervykh D. K., Pervykh V.V.

The article is devoted to the analysis of journalistic materials (letters from the fields of the Crimean war) war correspondent of the journal "Moskvityanin" staff officer N. V. Berg. The letters are considered from the point of view of their genre identity, examines the techniques, language features and creative solutions military journalist, the principles by which he was guided in the selection of materials. The study of journalism N. V. Berg allows to make a conclusion about the level of editorial work and the professionalism of the publisher of the journal "Moskvityanin" M. P. Pogodin.

Keywords: military correspondence, the Crimean War, the magazine «Moskvityanin», N. V. Berg.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 371.022

ALTERNATIVE METHODOLOGIES IN LANGUAGE TEACHING

Posokhova E., Diakonova K.

*Институт филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, МБОУ СОШ №13, Симферополь
E-mail: katerinaposohova@gmail.com, karyna808@gmail.com*

The present paper focuses on the problem of alternative methodologies in language teaching. It embraces three approaches: Total Physical Response, the Audio-lingual method and the Silent Way. The strengths and weaknesses of each are analyzed. The sphere of implication of the methodologies under study is described. It is proved that the elements of the analyzed methods can be quite effective in reaching specific desired learning outcomes.

Key words: Alternative Methodologies, Language Teaching, Total Physical Response, the Audio-lingual method, the Silent Way.

INTRODUCTION

The field of Language Teaching is constantly developing in order to address the range and level of language proficiency required for participation in today's global community. Now the field of teaching English as a Second or Foreign Language has become a dynamic community itself. Its members, who are language teaching professionals, address the key issues that shape the design and delivery of language teaching. Thus, new approaches are sought and older ones are re-examined. This article argues that language teaching would benefit by not neglecting alternative methodologies though being aware of their limited sphere of implication. Its aim is to consider possible benefits of incorporating their elements into language teaching. The paper focuses on three approaches, once quite popular but then subjected to criticism and set aside: Total Physical Response, the Audio-lingual method and the Silent Way.

The chosen approaches and methods have been described by numerous authors. A number of books have been considered including Scott Thornbury's *How to teach grammar* (2000) where the approaches and methods are basically arranged chronologically; *The EFL Textbook and Ideology* (1992) by Bessie Dendrinos who uses a different way of arranging the approaches and methods to language teaching taking into consideration the educational value systems such as Classical Humanism (Grammar-Translation Method and the Cognitive Approach), Reconstructionism (Audio-Lingual and Communicative Approaches) and Progressivism (Task-Based Approach, the Process and Procedural Syllabus); *Approaches and Methods in Language Teaching* (2014) by Richards

and Rodgers that focuses on major trends in twentieth-century language teaching, alternative approaches and methods and current communicative approaches.

The organization of the present paper is as follows. First the general background to each of the alternative methodologies is provided. Then the criticism that they were subjected to is examined and their drawbacks analyzed. Finally the potential of alternative methodologies implication in language teaching is discussed and some benefits highlighted.

The first focus of the article is Total Physical Response (TPR). Originally developed by James Asher, an American professor of psychology, in the 1960s, Total Physical Response (TPR) is based on the theory that the memory is enhanced through association with physical movement. It is closely connected with the theories of mother tongue language acquisition in young children. The assumption is that a second language can be learned in the same way as the first – through the same natural processes. So, TPR tries to mimic these processes by requiring students to respond to commands, which in turn require physical movements. Thus, TPR as an approach to teaching a second language is based, first and foremost, on listening and this is linked to physical actions which are designed to reinforce comprehension of particular basic items. [1].

An example of typical TPR instructions might be "Stand up", "Open the door", "Sit down" and "Give Alex your dictionary". The students follow the instructions by physically performing the activities. Given a supportive classroom environment, it is very likely that with even a fairly limited amount of repetition basic instructions such as these could be assimilated by the learners easily.

The above examples, however, also illustrate some of the potential weaknesses inherent in the approach. Firstly, from a purely practical point of view, the activity might become repetitious for the learners fast enough, although the use of situational role-play could provide a range of contexts for practicing a wider range of lexis. Secondly, it is fairly difficult to give instructions without using imperatives, so the language input is basically restricted to this single form. Thirdly the relevance of some of the language used in TPR activities to real-world learner needs is questionable. Finally, moving from the listening and responding stage to oral production might be workable in a small group of learners but it would appear to be problematic when applied to a class of 30 students [1].

Nevertheless, the advantages of integrating the approach into language teaching are plentiful. First and foremost TPR is essential for kinesthetic learners. Moreover, TPR activities are very motivating and fun, especially for young learners. It is also one of the easiest ways to acquire definite vocabulary items. There are many lists of words that can be learned with TPR. Although it is widely accepted that such lists naturally are limited. The examples of the categories in such lists are parts of the body (eyes, hair, forehead, lips, nose, mouth, etc), numbers (by using pens, for example), colours (blue, red, black, white, pink, etc), general body movements (stand up, sit down, walk, stop, turn left, jump, etc), general verbs you can use with objects (pick up, put down, touch, throw, show me, catch, etc), drinks (water, milk, juice, coffee, tea, etc), fruits/vegetables (apple, banana, plum, grapes, orange, tomato, cucumber, etc), words that have to do with a book (author, chapter, page, title, open, close, etc), prepositions (on, in, under, above, behind, etc), clothing (coat, shirt, shoes, belt, hat, dress, watch, etc).

Also in defense of the approach, it should be emphasized that a course designed around TPR principles would not be expected to follow a TPR syllabus exclusively, and Asher himself suggested that TPR should be used in association with other methods and techniques.

The second part of the paper focuses on Audio-lingualism (1960s) where the emphasis is on learning grammatical and phonological structure, especially for speaking and listening. This approach has its roots in the USA during World War II, when there was a pressing need to train key personnel quickly and effectively in foreign language skills. Therefore American universities were to develop an effective language approach for teaching military personnel. The results of the Army Specialized Training Program are generally regarded to have been very successful, with the caveat that the learners were in small groups and were highly motivated, which undoubtedly contributed to the success of the approach based on oral drilling [6, p. 50].

The approach was theoretically underpinned by structural linguistics, a movement in linguistics that focused on the phonemic, morphological and syntactic systems underlying the grammar of a given language, rather than according to traditional categories of Latin grammar. As such, it was held that learning a language involved mastering the building blocks of the language and learning the rules by which these basic elements are combined from the level of sound to the level of sentence. The audio-lingual approach was also based on the behaviourist theory of learning, which held that language, like other aspects of human activity, is a form of behaviour. Hence it was to be learnt through the formation of correct speech habits [7, p. 27].

In the behaviourist view, language is elicited by a stimulus and that stimulus then triggers a response. Spoken language comes before written language. Dialogues and drill are central to the approach. Accurate pronunciation and control of structure are paramount [2].

Notably the weakness of the approach is transferring learnt patterns to real communication. It does not take into consideration the cognitive views of language learning and communicative accounts of language itself. In addition students are not given adequate information on the structure or rules of the language hence they cannot manipulate them. It is also believed that the approach can be demotivating since students do not have an opportunity to personalize, and therefore retain, language.

Yet any kind of drilling used in the classroom has its basis in the audio-lingual approach. Drills are generally categorized as mechanical, meaningful and communicative. A mechanical drill is one where there is complete control over the student's response, and where comprehension is not required in order to produce a correct response. A meaningful drill is one in which there is still control over the response, but understanding is required in order for the student to produce a correct response. A communicative drill is one in which the type of response is controlled but the student provides his or her own content or information. Richards and Rodgers as well as Dendrinos talk about various kinds of drills: repetition drills, completion drills, substitution drills etc [6, p. 60-62; 4, p. 114-115]

Dialogues are the basic form of instructional materials in the Audio-lingual method that are productively used in the classroom. The dialogue serves three main functions: it

illustrates the target structure, the situation the structure may be used and provides cultural information for language use wherever possible.

The third part of the present article is dedicated to the Silent Way. It was developed in 1970s after the Chomskyan criticism of the behaviourism upon which the audio-lingual method was found. Caleb Gattegno, the founder of the method, devoted his thinking to the importance of problem solving approach in education and. The origin of the Silent Way highlighted the cognitive domain in language learning. The method itself turned to be constructivist and lead the learners to develop their own conceptual models of all the aspects of the language. It is generally believed that the best way of achieving this is to help students to be experimental learners. Thus, The Silent Way is characterized by its focus on problem solving, discovery and creativity. Richards and Rodgers summarized the method into three major features [5, p. 99].

1. Learning is facilitated if the learner discovers or creates.
2. Learning is facilitated by accompanying (mediating) physical objects.
3. Learning is facilitated by problem solving involving the material to be learned.

The consensus view is that a good silent way learner is a good problem solver. The teacher's role resides only in giving minimum repetitions and correction, remaining silent most of the times, leaving the learner struggling to solve problems about the language and get a grasp of its mechanism.

The structural patterns of the target language are presented by the teacher and the grammar "rules" of the language are learnt inductively by the learners. Cuisenaire rods (small coloured blocks of varying sizes originally intended for the teaching of mathematics) are often used to illustrate meaning (the physical objects mentioned above). New items are added sparingly by the teacher and learners take these as far as they can in their communication until the need for the next new item becomes apparent. The teacher then provides this new item by modeling it very clearly just once. The learners are then left to use the new item and to incorporate it into their existing stock of language, again taking it as far as they can until the next item is needed and so on [3].

Some critics point out the minimalist role of the teacher as a drawback since the lack of help on the part of the teacher may jeopardize the learning itself. The isolation of the students and the apparent lack of real communication in the Silent Way has also been criticized, with some arguing that it is difficult to take the method beyond the very basics of the language, with only highly motivated learners being able to generate real communication from the rigid structures illustrated by the rods. The fact that, for logistical reasons, it is limited to relatively small groups of learners is also seen as a weakness.

CONCLUSION

Nevertheless, Cuisenaire rods can be used extremely creatively for various purposes from teaching pronunciation to story-telling. Furthermore the Silent Way certainly deals with a problem of excessive teacher talking time which is something to be discouraged in modern Language Teaching. It is also student centered since the indirect role of the teacher highlights the importance and the centrality of the learner who is responsible in

figuring out and testing the hypotheses about how language works. Lastly, a great advantage of Silent Way is its problem-solving feature which also may well prove to be its most enduring legacy as it has led indirectly both to the idea of Task-based Learning and to the widespread use of problem-solving activities in language.

To sum up it is necessary to underline that although the analyzed approaches in their purest form possess many weaknesses, to dismiss them as an outmoded methods is to ignore the reality of current classroom practice. As with other methods and approaches the aspects of the Silent Way, Total Physical Response and the Audio-lingual method can be observed in many lessons in the modern classroom. Hence it is worth reflecting on actual classroom practice and noticing that the elements of the analyzed methods can be quite effective in reaching specific desired learning outcomes. They can be adapted and implemented becoming a valuable source of classroom techniques.

References

1. Bowen T. A., Discussion of the Total Physical Response Approach to Language Teaching (2015).
2. Bowen T. Teaching Approaches: What is Audiolingualism? (2015).
3. Bowen T., Teaching Approaches: What is the Silent Way? (2015).
4. Dendrinos, B., The EFL Textbook and Ideology / – Athens : Grivas Publications, 1992. – 256 p.
5. Richards, J., Approaches and Methods in Language Teaching : A Description and Analysis / – 2nd edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 278 p.
6. Richards, J., Approaches and Methods in Language Teaching / – 3rd edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 419 p.
7. Thornbury, S., How to Teach Grammar / – Harlow : Longman, 2000. – 192 p.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕТОДОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА

Посохова Е. В., Дьяконова К. Ю.

Настоящая статья рассматривает проблему альтернативных методологий в преподавании языка. Она охватывает дискуссионные вопросы трех подходов: Полного Физического Реагирования, аудио-лингвального и невербального. Проанализированы преимущества и недостатки каждого из них. Выявлена сфера применения рассматриваемых методологий. Доказана эффективность интегративного подхода в преподавании с инкорпорированием элементов альтернативных методологий в учебный процесс.

Ключевые слова: альтернативные методологии, преподавание языка, метод Полного Физического Реагирования, аудио-лингвальный метод, невербальные методы.

УДК 811.111'282

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ АНГЛОГОВОРЯЩИХ СТРАН

Бридко Т. В., Митина Е. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Институт иностранной филологии, Симферополь
E-mail: tanyusha23@mail.ru*

Данная статья посвящена исследованию основных языковых проблем межкультурной коммуникации, возникающих на территории англоговорящих стран. Исследование показало, что языковая ситуация в этих регионах и, соответственно, вариативность языка напрямую зависят от ряда внутренних системно-структурных факторов и внешних (связанных с ассимиляцией населения, взаимодействием с различными языковыми группами и др.), способствующих возникновению вариантов, оказывающих прямое или опосредованное воздействие на структуру языка. Обнаружены фонетические и лексические единицы, характерные для одних регионов, и вызывающие трудности на понятийном уровне в других. Кроме того, на лексическом уровне наблюдается сужение значения; лексические единицы для выражения одного и того же понятия различны.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; межличностная коммуникация; языковая среда; социолингвистический аспект; вариант языка.

ВВЕДЕНИЕ

На данном этапе развития общества социолингвистический аспект изучения языка является широко исследуемым вопросом. Язык преобразуется и видоизменяется под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Из многообразия существующих языков в мире, английский язык удерживает лидирующую позицию, являясь основным языком межкультурного общения, лингва-франка. Данное исследование направлено на выявление и анализ основных языковых проблем межкультурной коммуникации на территории нескольких англоговорящих стран (Канада, Великобритания, США). Актуальность работы обусловлена повышенным интересом лингвистов к проблемам, возникающим на стыке языков и культур, в связи с процессами миграции населения, охватывающими весь земной шар. В цели исследования входило выявление и анализ фонетических и лексических единиц английского языка, характерных для одних англоязычных регионов и вызывающих затруднения на понятийном уровне у представителей других англоязычных территорий.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Изучение особенностей языка вне языковой среды при отсутствии источников существующей фонографической и лексико-грамматической базы (семантического поля) затруднительно. Язык под влиянием местных диалектов подвергается изменениям, пополняется заимствованиями из языков прилегающих территорий.

Подобное явление наблюдается при использовании испанского языка на территории США и французского в Канаде. Благодаря постоянной миграции, носители языка вынуждены взаимодействовать друг с другом. На изучаемых территориях английский язык является родным для подавляющего процента населения, тем не менее, известно, что жители используют разные его варианты, имеющие свои характерные особенности, а также значительное разнообразие диалектов и социолектов. Как правило, среди вариантов английского языка доминирующее положение занимают британский и американский английский. Между ними промежуточное положение занимает канадский вариант английского языка. Ориентируясь, за редкими исключениями, на британские нормы правописания, лексически и грамматически он ближе к американской норме [1]. Употребление того или иного языкового варианта зависит от влияния на него определенных экстралингвистических факторов. Между представителями внутри одного языкового коллектива могут возникать разногласия и непонимания ввиду принадлежности к разным социальным, этническим и культурным группам.

Как отмечает Фоули У. [2], культурные ограничения могут вызывать языковые проблемы при коммуникации. При вербальном взаимодействии самые большие трудности возникают во время речевых актов, выражающих приказ или просьбу. Здесь образуются проблемы на высшем – понятийном уровне языка.

Участники коммуникаций не только получают или передают информацию, но и одновременно с этим, позиционируют себя, осуществляют межкультурное и межличностное взаимодействие.

Носитель языка конкретной территории – говорящий – находится в выигрышной позиции. Коммуниканты, владеющие разными вариантами английского языка, могут испытывать трудности в восприятии, понимании, распознавании и анализе речи друг друга. Соответственно затрудняясь в реакции и ответе.

Под воздействием соседних этносов и различных культур меняется язык внутри страны. Так, носители одного варианта языка, проживающие на различных территориях (Канада, Великобритания, США) имеют свои акценты, диалекты и социолекты, свои лексические единицы и устойчивые выражения, что обуславливает различие языковых ситуаций на данных территориях.

В лингвистике языковая ситуация рассматривается как «характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования» [3, с. 26-27]. Так, языковая ситуация в Соединенных Штатах характеризуется сочетанием как экзогlossных, так и эндогlossных отношений между формирующими эту ситуацию языковыми системами и подсистемами. Швейцер А. Д. рассматривал языковую ситуацию в Соединенных Штатах с точки зрения тех отношений, которые существуют между английским языком и другими языками, функционирующими в этой стране. Он полагал, что ситуацию в исследуемом регионе можно причислить к разряду явно несбалансированных, поскольку сосуществующие в ее рамках языковые системы никак нельзя считать функционально равнозначными [4, с. 103-110].

Файнеган Э. в своих работах, посвященных изучению английского языка, отмечает, что наряду с социальными факторами и культурными особенностями, язык является основополагающим критерием в определении национальной принадлежности, гражданства [5]. Так, этнические французы в Квебеке предпочитают общаться на французском языке, который, в свою очередь, оказывает влияние на английский язык Канады. Канадцы чаще используют британские варианты правописания и произношения, что отражает их тесную историческую ассоциацию с Великобританией.

В подтверждение вышеизложенного, в качестве практического материала для данного исследования были отобраны видеофрагменты из интернет-ресурсов, находящихся в открытом доступе. Информанты – носители британского, американского и канадского вариантов английского языка. Основные различия были выявлены на фонетическом и лексическом уровнях.

Проведенный анализ первого видеоматериала показал отличия американского английского от канадского на фонетическом уровне. Так, для канадского варианта английского языка характерна замена монофтонга /æ/ на дифтонг /ei/. Еще одним ярким образцом различия на фонетическом уровне является произношение буквы /z/. В британском варианте она произносится как [zed], в то время как в американском английском – [zee]. Таким образом, человек, не знающий о наличии таких вариантов, может столкнуться с проблемой непонимания или недопонимания собеседника на сегментном уровне.

Во втором видеофрагменте представлен эксперимент, состоящий из нескольких этапов.

На первом этапе студентка из Англии и студент из Америки зачитывают ряд предложенных им слов, чтобы показать изменения на фонетическом уровне. Необходимо отметить, что студент США использует General American accent (GA), студентка из Англии владеет характерным для своей местности британским произношением Received Pronunciation. В качестве примера можно привести качественное изменение фонемы /t/, которая озвончается в GA и реализуется как /d/. Соответственно, студент из США произносит слово “water” (вода) как ['wɔ:ɾə;], студентка из Англии – ['wɔ:tə;].

Следующим этапом стало прочтение одного и того же отрывка носителями английского языка, проживающими в разных американских штатах. Как известно, местные диалекты в США в основном отражают особенности родных языков большинства иммигрантов, проживающих в отдельно взятом районе. Проведенный анализ выявил вариативность английской речи на сегментном и супraseгментном уровнях.

В ходе интервью обнаружены фонетические и лексические единицы, характерные для одних регионов, и вызывающие трудности на понятийном уровне в других. Так, на фонетическом уровне отмечены следующие особенности:

1. Качественные изменения фонемы [æ] в закрытом слоге согласно стандарту английского произношения. В качестве примера можно привести следующие слова: cash [kæʃ], как [keɪʃ], trash [træʃ] как [treɪʃ].
2. Отсутствие назализации в словах с -ing суффиксом: [speakin], [usin], [bein].

3. Одновременно появление дополнительной фонемы [ɹ] в некоторых словах:

- wash - [wɔ:ʃ],
- tired - [ta:ɹred] (монофтонгизация дифтонга [ai] монофтонгом [a:]).

4. Реализация определенного артикля [the] как [ða]. Выявленное фонетическое явление сами жители Огайо отмечают как своеобразный феномен данного региона – языковое отличие от устоявшегося варианта General American pronunciation.

5. Фонетическая замена [z] на [d] в позиции перед сонантом /n/ в речи жителей штатов Миссисипи и Южная Каролина. На примере wasn't – ['wɔ:dnt].

На лексическом уровне в речи информантов наблюдается сужение значения. Так, отличны следующие лексические единицы:

1. Для передачи слова «коктейль» в Нью-Йорке используют лексическую единицу 'milkshake', а на Род-Айленде – 'cabinet'.
2. На Гавайях использует термин о завершении рабочего дня 'pau hana' – work is finished (работа закончена), не характерный для других штатов, что объясняется влиянием соседних этносов.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Языковые проблемы, возникающие при коммуникации, являются препятствием для понимания жителей не только из разных англоговорящих государств, но и внутри стран. Они служат причиной создания разного рода клише, приводят к проблемам на понятийном уровне, конфликтам и т.д.

1. Между социолектами и вариантами языка на территории США наибольшее отличие обнаруживается на лексическом, понятийном уровне. Процесс лексического варьирования предполагает изменение значения структурной единицы языка. Слова, имеющие общее семантическое ядро, замещаются другими лексическими единицами. Большое влияние оказывают соседние культуры. Благодаря этому лексема быстро приспосабливается к новым потребностям коммуникации, широко используется внутри, определенного штата.

2. Обзор фонетических изменений внутри английского языка показывает, что, несмотря на некоторые различия, стандартная звуковая система, характерная для каждой территории остается неизменной.

ВЫВОД

В будущем будет проведено более тщательное исследование вариативности английского языка на территории Канады, Великобритании и США.

Список литературы

1. Algeo, J. *British or American English?* / John Algeo. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 348 P.
2. Foley W. A. *Anthropological Linguistics: An Introduction* / W. A. Foley. – Oxford: Blackwell, 1997. – 469 P.
3. Беликов В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Крысин Л. П. – М. : РГГУ, 2001. – С. 26-27.
4. Швейцер А. Д. Введение в социоллингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М. : Высшая школа, 1987. – С. 103-110.
5. Finegan E. *Language: Its Structure and Use* / Edward Finegan. – Boston: Thomson Higher Education, 2008. – 573 P.

**PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN
ENGLISH-SPEAKING COUNTRIES**

Bridko T. V., Mitina E. A.

This research is an attempt to explain basic language problems in cross-cultural communication between people from different English-speaking countries. The study showed that language situation as well as language diversity in these regions directly depends on a number of internal and external factors that cause the emergence of variants that have a direct or indirect effect on the structure of the language. There were discovered a number of phonetic and lexical units specific to certain regions that cause difficulties during communication process.

Key words: cross-cultural communication; interpersonal communication; language environment; sociolinguistic aspect; language variant.

THE PROCESS OF TEENAGERS' ETHNIC SOCIALIZATION

Valeeva L. K., Luchinkina I. S.

*Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol
E-mail: lastik50@mail.ru, miss_luchinkina@mail.ru*

Ethnic socialization peculiarities including the ethnic identity factor of the Crimean adolescents from ethnically mixed marriages are under review; also the positive correlation of ethnic identity type with coefficient of an intellectual activity and social flexibility is marked out.

Ethnic socialization, at this stage, is one of the most important problem relating to the Crimean population, since the process of ethnic cultural socialization is the part of total personality socialization, which includes cultural individual formation in the course of ethno-social functions acquisition and interethnic relation culture accepted in multinational society. Both home and western literature consider ethnic identity because of ethnic socialization process. In the course of ethnic cultural identification an individual accepts, reinforces and reproduces both behavior and communication models, pointing to its belonging to a certain ethnic cultural community.

However, children from ethnically mixed marriages appear to be in the situation of making a choice between two cultures or sometimes even more cultures and that influences on their ethnic identity formation. Taking into account the multinational population of the Crimean area, the actuality of the problem of ethnically mixed marriages children, ethnic identification must be highlighted.

Key words: ethnic socialization, ethnic identity, adolescents, intellectual activity, social plasticity, enculturation, ethnic self-consciousness, ethnic socialization.

INTRODUCTION

In the context of ethnic socialization problem the following authors: V.U. Khotinets, H.P. Belinskaya were conducting the research. Russian psychologists conducted numerous studies: V.G. Krisko, V.N. Pavlenko,

L.G. Pochebut, E.A. Sarakuiev, G.U. Soldatova (problems of ethnic socialization and personality identity); S.A. Talgin (methodology of ethnopsychology); V.S. Ageev, T.G. Stefanenko (interethnic mechanisms); A.G. Asmolov, S.N. Yenikolopov, E.I. Shliagina were engaged in the study of an actual ethnopsychological status; A.O. Boronoiev, E.M. Galkina, O.L. Romanova, V.F. Petrenko investigated ethnic identity structure.

Some researchers note the interethnic marriage effect on a child identity, both ethnic and ethnocultural (E.P. Belinskaya, M.N. Rutkevich, I.A. Snezhkova, T.G. Stefanenko). The formation problem of a child ethnic identity is regarded from two points of view: marginality (V.A. Kirsanov, R.E. Park, E. Stonequist); biethnicity (G. Berry, E.M. Galkina, A.A. Susokolov). However, the formation problem of the child ethnic identity from mixed marriage families in a multicultural society has been studied insufficiently so far. As a fact, the personality peculiarities of children from mixed marriage families are still beyond the focus of studying.

The objective of the study. Ethnic identity peculiarities as an ethnic socialization factor of adolescents from ethnically mixed marriages.

The main context of the study. The analysis of the main scientific sources on the problem of ethnic socialization formation, which includes enculturation process, and adoption of cultural experience by the adolescents facilitated the conclusion that ethnic socialization is one of the main parts of total socialization. Also, along with ethnic socialization such types of socialization as religious, professional, political, etc. can be investigated [1].

Thus, according to M.D. Kherscovits, enculturation and socialization processes proceed simultaneously but their functions are different. The author considers that socialization is the process of entering social life by a personality, perceiving and accepting the regulations of that social organism [9]. M.D. Kherskovits stresses that enculturation process includes the following aspects: language acquisition, cultures, traditions, ethnocultural customs of the society to which an individual belongs to [9].

Ethnic socialization has been taking place in the whole course of a human life as it has its dynamics, being different at different stages of human development, but the period of adolescence is considered to be one of the most important one (criticism manifestation, interpersonal relations formation, capability to perceive ethnic norms). Some home researchers point out 2 types of ethnic socialization monoethnic without implying external factors influencing on ethnic conflict formation in a child and multiethnic one [1]. Ethnic socialization of adolescents promotes the ethnicity formation which nowadays both at personality and group levels continues to fulfill a number of functions: (existing in social environment according to the norms and regulations), informative (studying history, traditions, culture of the own ethnos), psychological (correlation to a certain ethnic environment, perceiving themselves as members of a certain ethnocultural group), instrumental (interaction capability), motivating (development of the positive qualities by integrating into social life).

Ethnicity as one of the targeted result of ethnic socialization has the following scheme [4]:

- 1) shared ideas about common territorial and historical origin, common national language, common typical peculiarities of material and spiritual culture;
- 2) the formation and acceptance of general facts about nation;
- 3) the feeling of being different that is the awareness of belonging to a certain group.

In our study we suggest that ethnicity is the correlation of ethnic group members with each other through the following common norms, regulations and traditions. According to V.U. Khotinets, ethnic socialization is a process of cultural, social personality integration into social environment. The author considers that the result of ethnic socialization is adolescent ethnic self-consciousness formation [10].

G. U. Soldatova, T. G. Stefanenko in their works mark out 3 aspects of ethnic self-consciousness: conceptual (ethnic identity), emotional (values and essence experienced by the adolescents being the part of the ethnocultural society) and behavioral (value orientations) [7; 8].

Thus, taking into consideration that a conceptual aspect of the ethnic self – consciousness is *ethnic identity*, it is possible to conclude that *ethnocultural identification of adolescents is one of the targeted stages of ethnic socialization formation.*

Our idea is that ethnicity is identifying oneself to this or that ethnic group and consequently, finding out both ethnic differentiating and similar characteristics with own ethnic group- a result of ethnic socialization.

To understand the process of personality ethnic identity formation it is necessary to find out what determines the process of ethnic identification. In social-psychological literature, the following determinants are marked out:

1) sociological determinants, namely: parents' ethnic belongings, place of birth, language, culture; 2) social-psychological determinants: cognitive (ethnic awareness, knowledge, reflection); cognitive (need-motivational state of mind - willingness, intentions, preferences, interests); emotive (experiences, evaluations, feelings). Self-awareness as the subject of ethnic relations is becoming a central component of ethnic consciousness of an individual. Researchers in the structure of ethnic identity mark out three main components - cognitive (knowledge, understanding of the peculiarities of their own group and self-awareness of its members on the basis of ethnodifferentiating signs), affective (evaluation of the quality of the own group, the attitude towards membership, the significance of the membership), the behavioral component - understanding it as a real mechanism not only awareness, but also manifestation of oneself as a member of a certain group, "building a system of relations and actions in different ethno-social situations [4] [7].

According to G. U. Soldatova, S. V. Rizhova, there are following types of ethnic identity: ethnonihilism (departure from the own ethnic group); ethnic indifference (the blurring of ethnic identity) norm (combination of positive attitude towards the own nation with positive one to other ones); (tension and irritation in the process of communication with the representatives of other ethnic groups); ethnic isolation (belief in superiority of the own nation); ethnofanatizm (recognition of the priority of ethnic rights of nation over the rights of an individual) [7].

Scientific analysis showed the following:

- ethnic socialization - a process of cultural and social integration of an individual in society, identification with the selected ethnocultural group; development of culture, language, history and traditions of a certain ethnic group / ethnic groups.

- the following processes are the results of the ethnic socialization: ethnicity (adhering oneself to each member and with the whole ethnic group), ethnic consciousness (awareness of culture, the relationship itself with the culture, the integration of his personality to the culture), which includes ethnic identity;

- ethnic identity is a final process of ethnic socialization and considered to be a cognitive-emotive formation:

a) submission of the group and its members, as well as the fact that it allows a person to be considered a member of this group - its ethnodifferentiating and ethnic integration features expressed in stereotypes, and in fact, that is an image;

b) Perceiving oneself as a member of a definite group, that is as corresponding completely or not to the image typical of this group; and exactly an identity type (according to any typology) depends on the character of experiences.

CONCLUSION

1. Ethnic socialization-is the process of personality formation as a representative of a definite ethnic organism by accepting of the cultural and social values and relations being basic for social ethnos; perceiving values, experiences of the ethnic society, transforming that experience into personal value. Ethnic socialization includes ethnicity and ethnic self-consciousness.
2. Ethnic identity as the result of adolescent ethnic socialization in ethnopsychological findings is the result of cognitive-emotional process of self-awareness of oneself as a representative of a certain ethnic organism, a definite level of identifying oneself with it and at the same time separating from others.

References

1. Belinskaya E. P. Ethnic socialization of adolescents / E. P. Belinskaya. –Voronezh: NPO "MODEK", 2000. – 208 p.
2. Brunova-Kalisetskaya I.V. Cross-cultural adaptation in tenth-form pupils of ARC involved in the testing of special course "Neighbourhood". Psychological monitoring. Stage 1. / I. N. Brunova-Kalisetskaya // Proc. research instruments and materials. U Ed. M.A. Aradzhyni. – Simferopol: Sonata, 2005. – P. 164-167.
3. Duhnich O. E. Fate of traditional identities in the Crimea // Interethnic and interfaith relations in the Crimea and the problem of tolerance formation. Collection of scientific papers and reports / Ed. M. A. Aradzhyni. – Kiev: Golden Gate, 2009. – P. 20-27.
4. Lebedeva N. M. Methods of ethnic and cross-cultural psychology / N. M. Lebedeva. – St. Petersburg: HSE, 2011. – 239 p.
5. Mischenko N. I. Ethnic specificity of family education in different ethnic groups / N. I. Mischenko // News of Kharkiv National university named after V.N Karazina, «Psychology», № 902. – 2010. – P. 203 – 207.
6. Naumenko L. I. Ethnic identity. Problems of transformation in the post-Soviet period / L. I. Naumenko // Ethnic Psychology and Society / Ed. N.M. Lebedeva. – M.: Old Garden, 1997. – P. 77-88.
7. Soldatova G. U. Psychology of ethnic tensions / G. U. Soldatova. – St. Petersburg: Smisl, 2003. – 389 p.
8. Stefanenko T. G. Etnopsychology / T. G. Stefanenko. – M.: Aspect Press, 2004. – 368 p.
9. Kherskovits M. D. Personality. The Culture. The Community /M. D. Kherskovits. – Chicago: American Journal of Sociology, 1923. – P. 188-199.
10. Khotinets V.Y. Ethnic identity / V. Y. Khotinets. – St.Petersburg: Aletheia, 2000. – 240 p.

ПРОЦЕСС ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

Валеева Л. К., Лучинкина И. С.

В статье анализируются особенности этнической социализации, включающие в себя фактор этнической идентичности крымских подростков из этнически смешанных семей, указывается положительная корреляция типа этнической идентичности с коэффициентами интеллектуальной активности и социальной пластичности. Этническая социализация на данном этапе – одна из ведущих проблем населения Крыма, так как процесс этнокультурной социализации является частью общей социализации личности, включающей в себя культурное становления индивида в ходе усвоения этносоциальных ролей, культуры межэтнических отношений, принятых в многонациональном обществе.

Ключевые слова: этническая социализация, этническая идентичность, подростки, интеллектуальная активность, социальная пластичность, инкультурация, этническое самосознание.

УДК 811.161

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ФОРМУЛ И СТАТУСНЫХ ОБРАЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Коновалова Е. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: lkon55@list.ru*

Социальный статус человека является востребованным показателем в обществе. Сегодня можно говорить о том, что формируется новая система статусных обращений. Результаты исследования показывают: в языке настоящего времени употребляются в составе наименований общие титулы и официально-почтительные обращения XVIII – начала XX вв. Дореволюционные официальные обращения, строго регламентированные «Табелью о рангах», сохранились только в церковной иерархии. Система статусных обращений, распространенные с XVIII до начала XX века в русском языке, в официальной речи потеряла свои позиции. На смену им приходят обращения по имени-отчеству.

Ключевые слова: речевой этикет, статусные обращения.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема эффективного и целесообразного обращения является актуальной. Одна из важных сфер речевого этикета – статусные обращения. Статусные обращения, выражающие социальный статус личности, указывает на стратификационную вариативность [1]. На сегодняшний день при формировании новой системы статусных обращений используют как общеупотребительную, так и устаревшую лексику.

Причины возрождения устаревшей лексики проанализированы Какориной Е. В. По мнению автора, этому способствует, во-первых, установка социума на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории. Во-вторых, определённое значение имеет такой социокультурный и концептуальный фактор, как переосмысление исторического пути развития России и ситуация выбора дальнейшего пути развития страны. Отсутствие чёткой социальной ориентации заставляет обращаться к прецедентам в истории, вводит в публицистический узус «историческую тему». В-третьих, снятие идеологически обусловленных оценок дореволюционной российской действительности также способствует привлечению в узус лексических ресурсов, подвергшихся архаизации [2, с. 67].

Цель работы – исследовать трансформацию статусных отношений в современном русском языке.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Образцом речи часто служат речь первых лиц. Поэтому о том, какие обращения актуальны в современном языке, мы проследим по текстам выступлений правительства Российской Федерации. Материалом послужили стенограммы выступлений президента, совещаний, опубликованные на сайте <http://www.kremlin.ru>. Нами было проанализировано 149 стенограмм за 2012 -2013 гг.

Президент РФ выбирает форму обращения в зависимости от адресата сообщения.

Самая распространенная форма *«Уважаемые друзья! Уважаемые коллеги!»*.

1. При обращении к молодежи, во время встреч с трудовыми коллективами, со спортсменами, при вручении наград, во время новогоднего обращения к гражданам России: *«Уважаемые друзья»* или *«Дорогие друзья!»*.

«Уважаемые граждане России!» — послание Президента Федеральному Собранию, Военный парад в честь 68-й годовщины Великой Победы.

При открытии Новой сцены Мариинского театра (СПб) использовано обращение *«Уважаемые дамы и господа! Дорогие друзья!»*

2. При обращении к армии, службам безопасности (Министерства обороны и Совета Безопасности, Федеральная служба безопасности, Генпрокуратура, МВД) используют обращение *«Уважаемые товарищи», «Товарищи!», «Товарищи офицеры и матросы!», «Товарищи офицеры!»*. *«Уважаемые товарищи! Дорогие друзья!»* — концерт по случаю Дня защитника Отечества.

3. На официальных встречах с лидерами других стран, которые проводятся на территории РФ, употребляет обращение с использованием название должности:

«Уважаемый господин Генеральный секретарь!» — встреча с Генеральным секретарём Совета Европы Турбьёрном Ягландом; встреча с Генеральным секретарём ООН Пан Ги Муну; встреча с руководством Международного бюро выставок; встреча с генеральным секретарём ОЭСР Анхелем Гурриа.

«Уважаемый господин Премьер-министр! Дорогие друзья!» — встреча с Премьер-министром Вьетнама Нгуен Тан Зунгом; начало встречи с Премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху; начало встречи с Премьер-министром Великобритании Дэвидом Кэмероном; начало встречи с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ; встреча с Премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном; заявления для прессы по итогам переговоров с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом; встреча с Премьером Государственного совета КНР Вэнь Цзябао.

«Уважаемый господин Президент! Уважаемые дамы и господа!» —заявления для прессы по итогам российско-египетских переговоров; заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-нидерландских переговоров; встреча с Президентом Йемена Абдраббо Мансуром Хади; визит в ЮАР; встреча с Президентом Ливана Мишелем Слейманом; встреча с Президентом Израиля Шимоном Пересом.

«Ваше Величество» — встреча с Королём Иордании Абдаллой II.

«Уважаемый президент Международного олимпийского комитета господин Рогге! Уважаемые дамы и господа! Дорогие друзья!» — осмотр олимпийских объектов в Сочи.

При обращении президент учитывает гендерный признак:

«Уважаемая госпожа Премьер-министр! Уважаемые дамы и господа! Коллеги!» — заявления для прессы по итогам переговоров с Премьер-министром Бангладеш Шейх Хасиной. «Уважаемая госпожа Президент! Уважаемые дамы и господа» — встреча с Президентом Бразилии Дилмой Роуссефф. «Уважаемая госпожа Федеральный канцлер! Уважаемые дамы и господа!» — пресс-конференция по итогам рабочего визита в Германию.

4. При обращении к главам стран СНГ использует не название должности, а обращается по имени-отчеству. «Уважаемый Ислам Абдуганиевич! Уважаемые коллеги, друзья!» — заявления для прессы по итогам российско-узбекистанских переговоров. «Уважаемый Александр Григорьевич! Уважаемые коллеги!» — заявления для прессы по итогам заседания Высшего Государственного Совета Союзного государства России и Белоруссии. «Уважаемый Серж Азатович!» — встреча с Президентом Армении Сержем Саргсяном. «Уважаемый Виктор Фёдорович, очень рад Вас видеть!» — встреча с Президентом Украины Виктором Януковичем. «Уважаемый Нурсултан Абишевич! Уважаемые коллеги, друзья!» — встреча с Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым.

Исключение Встреча с Николая Саркози 14 ноября 2012 года: «Дорогой Николая, добрый день».

5. К отечественным журналистам обращается «Уважаемые друзья», к зарубежным представителям и журналистам «Уважаемые дамы и господа»:

«Уважаемые дамы и господа!» — выступление на встрече с лидерами африканских государств; заявление для прессы по итогам саммита БРИКС; вручение верительных грамот послами иностранных государств.

Во время выступления перед отечественными и зарубежными представителями СМИ возможно объединение этих формул: «Добрый день, уважаемые дамы и господа, друзья» — вступительное слово на встрече с активом Международной и Всероссийской федераций самбо.

6. При общении со священнослужителями используют традиционные формы, сохранившиеся с прошлых веков: «Ваше Святейшество, Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства!» — встреча с участниками Архиерейского собора. «Ваше Святейшество!» — встреча с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. «Ваше Святейшество» — встреча с Католикосом-Патриархом всея Грузии Ильёй II.

Таким образом, Президент РФ при обращении к соотечественникам использует обращение «уважаемые/ дорогие друзья», очень редко «уважаемые граждане России».

К гражданам других стран использована стандартная форма «Уважаемые дамы и господа».

При поддержании общения с официальными лицами выбирается соответствующее название должности с учетом гендерного признака: «Уважаемый

господин (госпожа) Президент/ Премьер-министр/ Генеральный секретарь/ Федеральный канцлер» или стандартная форма статусного обращения «*Ваше Величество/ Ваше Святейшество*».

При обращении к главам ближнего зарубежья использует имя-отчество без статусного обращения.

При обращении к представителям силовых структур используют форму «*Товарищи*».

К представителям всех других ветвей власти «*Уважаемые коллеги*».

Поэтому мы можем утверждать, что для России обращение «*господин*» не является употребительной, она не практически находит применения в практике общения.

Статусные обращения сохранились в официальном стиле только при обращении к главам зарубежных государств и священнослужителям.

Во время встречи с российскими предпринимателями 23 мая 2013 года в Воронеже Президент РФ с иронией употребил статусного обращение «*ваше сиятельство*» по отношению к Михаилу Орлову, о котором в процессе диалога выяснилось, что он потомок графа Орлова.

Выбор формы обращения к президенту РФ зависит от ситуации общения и от адресанта сообщения.

1. Так главы иностранных государств используют обращение «*господин президент*», «*уважаемый господин президент*».

2. Представители правительства РФ (министры, губернаторы) используют формулы «*уважаемый Владимир Владимирович*».

В.СУРКОВ: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые коллеги! Пожалуйста, Скворцова Вероника Игоревна, Министр здравоохранения. В.СКВОРЦОВА: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемые коллеги! Д.ЛИВАНОВ: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые коллеги! В.МЕДИНСКИЙ: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемый Дмитрий Анатольевич! М.ТОПИЛИН: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые коллеги! И.СЛЮНЯЕВ: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые коллеги! Д.МАНТУРОВ: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемые коллеги! Н.ФЁДОРОВ: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемый Председатель Правительства! Уважаемые коллеги! Д.МЕДВЕДЕВ: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемые коллеги! - совещание о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года Министры 7 мая 2013 года.

3. Представители трудовых коллективов используют обращение по имени-отчеству «*Владимир Владимирович*», статусные обращения не используют. Соотечественники не употребляют статусного обращения «*господин президент*», а используют имя-отчество. Только главы дальнего зарубежья используют статусные обращения.

4. Также статусные обращения используют военные при обращении к президенту: «*А.ХАРЧЕВСКИЙ: Здравия желаю, товарищ Верховный*

Главнокомандующий! П.ЛЫКОВ: Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий В.ПУТИН: Добрый день!» — прямая линия с Владимиром Путиным 25 апреля 2013 года.

«А.НАУМЕЦ: Товарищ Верховный Главнокомандующий, командир 76-й гвардейской десант-штурмовой дивизии гвардии полковник Наумец». — встреча с командирами соединений Воздушно-десантных войск 1 марта 2013 года. «Министр внутренних дел В.КОЛОКОЛЬЦЕВ: Товарищ Верховный Главнокомандующий!» — расширенное заседание коллегии МВД.

«С.ШОЙГУ: Товарищ Верховный Главнокомандующий!» — во время видеосвязи с Министром обороны Сергеем Шойгу по случаю вхождения подводного крейсера «Юрий Долгорукий» в состав ВМФ России.

«В.ГЕРАСИМОВ: Товарищ Верховный Главнокомандующий! А.ПОНОРЕЦ: Товарищ Верховный Главнокомандующий!» — встреча с офицерами, назначенными на высшие командные должности.

5. Представители священнослужителей обращаются к президенту, учитывая устаревшую «Табель о рангах». *ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ: «Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Владимир Владимирович!»* — встреча с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. *КАТОЛИКОС-ПАТРИАРХ ВСЕЯ ГРУЗИИ ИЛИЯ II: «Ваше Превосходительство господин Президент, сердечно приветствую Вас от лица Грузинской православной церкви».* — встреча с Католикосом-Патриархом всея Грузии Ильёй II.

Но чаще обращаются по имени-отчеству: *ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ: «Благодарю Вас сердечно за поздравление, Владимир Владимирович!»*

Итак, статусные обращения («господин президент», «Верховный Главнокомандующий», «Ваше Превосходительство», «Товарищ Верховный Главнокомандующий») по отношению к президенту РФ используют представители дальнего зарубежья и священнослужители.

Представители ближнего зарубежья, официальные лица правительства используют имя-отчество.

При общении с коллегами представители власти используют обращение по имени-отчеству или «уважаемые коллеги».

Кроме президента обращение «друзья», «товарищи» практически никто в официальной речи не использует.

При общении с коллегами используют только имя-отчество в качестве обращения, статусные обращения не употребляют.

Например, «Г.ЗЮГАНОВ: Владимир Владимирович, в последнее время

В.ПУТИН: Геннадий Андреевич, Вы не могли не видеть.» — встреча с руководителями парламентских фракций 15 мая 2013 года.

«В.ПУТИН: Андрей Юрьевич, мы недавно договаривались о том (как недавно – пару лет назад), чтобы существенным образом сократить количество организаций, которые «сидят» на границе, свести к минимуму – две-три организации. Как Вы сами оцениваете, что-то из этого получается или нет?». «А.БЕЛЬЯНИНОВ: Владимир Владимирович, мне кажется, здесь мы не достигли того результата,

который планировали. Изначально была идеология «двое в одном окне», две службы: пограничная служба и таможенная. Нам передали только функции транспортного контроля, транспортной инспекции». — рабочая встреча с руководителем Федеральной таможенной службы (ФТС) Андреем Бельяниновым.

Итак, в статусной речи сохранились такие статусные обращения: «Ваше Высочество», «Ваше Превосходительство», «Ваше Святейшество».

Выполняют стратификационную функцию обращение «уважаемый Владимир Владимирович» при обращении к президенту представителей правительства.

Результаты исследования показывают: в языке настоящего времени употребляются в составе наименований общие титулы и официально-почтительные обращения XVIII- начала XX вв. «господин» и «Ваше Превосходительство», «Ваше Святейшество».

На сегодняшний день можно говорить о том, что формируется новая система статусных обращений. Часто сложно провести черту между статусными и свободными обращениями. Например, обращение к президенту членов правительства исключительно одной формой «*Уважаемый имя-отчество*». По форме это свободное обращение, по употреблению – статусное. Такое положение было характерно для обращений и в 19 веке, обращение могло принадлежать к двум видам: общий вокатив и специальный вокатив. Например, статусное обращение «*государь*» теряло стратификационную функцию, когда становилось свободным обращением с определением «*мой*» или «*милостивый*».

В дореволюционной России официальные обращения, строго регламентированные «Табелью о рангах». Существовало 5 общих титулов, которые употреблялись и в качестве официально-почтительных обращений: *(Ваше) Высокопревосходительство!* (1 и 2 классы), *(Ваше) Превосходительство!* (3 и 4 классы), *(Ваше) Высокородие!* (5 класс), *(Ваше) Высокоблагородие!* (6-8 классы), *(Ваше) Благородие!* (9-14 классы). Подобные типы обращений в современном речевом этикете сохранились только в церковной иерархии.

ВЫВОДЫ

Система статусных обращений, распространенные с XVIII до начала XX века в русском языке, в официальной речи потеряла свои позиции. Только с оттенком иронии употребляют прежние обращения.

Можно говорить, что обращения по имени-отчеству, выступающие в функции обращений, статусно маркированы. Так, обращение президентов ближнего зарубежья друг к другу только по имени-отчеству, в отличие от общения президентов дальнего зарубежья, которые используют официальные статусные обращения.

Список литературы

1. Буравцова Н. Ю. Статусные обращения в русском языке XVIII – XIX вв. как носители национально-культурной информации / Н.Ю. Буравцова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: Материалы Междунар. науч. конф., 16-18 мая 2005 года. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2005. — С. 222 – 227.
2. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) / Е.В. Какорина // Русский язык XX столетия (1985-1995). – М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 67-88.

**FORMAL CLAUSE AND STATUS REFERENCES USAGE PUCULIARITIES IN
MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

Konovalova Ye. A.

The social status of a person is an indicator of demand in the community. Today we can say that the formation of a new system status references. The results show that in the language now used as part of the common names of titles and honorifics officially XVIII-XX. Pre-revolutionary official request, strictly regulated "Table of Ranks", preserved only in the church hierarchy. System status references, spread from the XVIII to the early XX century in the Russian language, in the official speech had lost their positions. In their stead come address by name.

Key words: speech etiquette, address status.

УДК 81'34

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ ДЕТЕЙ И РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ИНПУТА

Петренко А. Д., Петренко Д. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: aldpetrenko@mail.ru, danpetrenko@mail.ru*

Различные гипотезы о путях развития человеческой способности усваивать и употреблять язык с давних пор выдвигались лингвистами и становились предметом научных дискуссий. Изучая феномен детской речи, необходимо помнить, что овладение объективной действительностью в детстве протекает по двум направлениям: ребенок-предметы и ребенок-люди. Речь, как таковая, может возникнуть и развиваться только в процессе общения. Цель данного исследования – проследить, какое влияние на овладение детьми родным языком оказывает внешняя речевая среда, определяющая объем и характер того, что называется инпутом.

Ключевые слова: овладение языком, языковой инпут, мелодика языка, внешняя среда, языковая способность.

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике под инпутом принято понимать речевой поток из окружающей среды, который воспринимает или может воспринимать ребенок. К началу овладения языком – это, преимущественно, вся в совокупности речевая продукция взрослых, либо старших детей, направленная прямо на маленького ребенка.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В 1959 году Н. Хомским в его знаменитой рецензии на книгу Б. Скиннера «Verbal Behavior» была сформулирована теория врожденных знаний. Основная мысль этой теории сводится к тому, что «устройство, обеспечивающее усвоение языка, содержит в качестве врожденной структуры все принципы, установленные внутри теории языка» [1, с. 142]. К ним относятся: лингвистические универсалии, форма фонологического, синтаксического и семантического компонентов лингвистического описания и т. д. Согласно концепции «врожденных знаний», ребенок формулирует гипотезы относительно правил лингвистического описания языка, которому принадлежат слышимые им предложения («первичные лингвистические данные»). Далее на основе этих гипотез он предсказывает лингвистическую структуру будущих предложений, сравнивает эти предсказания с реально появляющимися предложениями, отказывается от гипотез, не оправдавших себя, и развивает те, которые оказались приемлемыми [1, с. 143]. Н. Хомский, утверждал, что дети слышат такую несовершенную речь, что им невозможно

выделить из нее корректные правила грамматики и лишь врожденные знания служат основой для овладения языком.

Действительно, повседневная речь взрослых между собой с грамматической точки зрения полна несовершенств. Она содержит много неграмматических и незаконченных предложений и часто плохо артикулируется. Н. Хомский использует это в качестве аргумента, чтобы укрепить свое положение о специфических врожденных языковых структурах и способностях, которые позволяют ребенку усвоить язык. Однако результаты ряда исследований опровергают аргумент о том, что языковое развитие протекает достаточно независимо от языкового инпута.

Когда заговорил впервые наш предок и почему этой способностью не наделены другие приматы? Могут ли разговаривать роботы? На эти и подобные вопросы с давних пор пытаются ответить палеоантропологи, историки, генетики, специалисты в области нейромедицины, филологи.

В Пятикнижии Моисея в Библии сказано: «На всей земле был один язык и одно наречие...И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; «сойдем же и смешаем там язык их, так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город (и башню). Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле».

О красоте человеческого языка сказано немало прекрасных слов. Но для того, чтобы вдохновить читающую и слушающую публику реалиями синтаксиса и семантики, проще обратиться к средней статистике. Принято считать, что средний говорящий употребляет и свободно комбинирует в своей речи на основе правил грамматики около 10 000 имен существительных и прилагательных, 4 000 глаголов. Из этого языкового резерва может быть создано 6,4 биллиона разнообразных предложений, в состав каждого из которых входит, как минимум, пять слов. Если предположить, что на реализацию каждой подобной комбинации уйдет 5 секунд, то для произнесения всех фраз потребуется не менее одного миллиона лет.

Безграничен и объем информации, способный быть переданным при помощи средств языка. Еще до достижения зрелого возраста человек произносит более 50 миллионов слов. Без слов не смогли бы найти свое выражение множество идей. Со времени появления лука и стрел до создания межпланетных космических станций прошло более 12 000 лет и язык способствовал тому, что человек занял свое господствующее место среди всех существ, населявших когда-либо нашу планету.

Не случаен поэтому и тот интерес, который вызывает у людей проблема овладения языком и развитие речевой способности человека. Для Библии ответ на данный вопрос однозначен: "Im Anfang war das Wort, und das Wort war bei Gott, und Gott war das Wort" ("В НАЧАЛЕ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть"), сказано в Евангелие от Иоанна. С давних пор ученые пытались разгадать истоки столь чудесного дара человека – говорить. А объяснение гениальности этого дара изначально натолкнуло исследователей на решение дилеммы, суть которой четко сформулировал Вильгельм фон Гумбольдт «Der

Mensch ist nur Mensch durch Sprache; um aber Sprache zu erfinden, müsste er schon Mensch sein» («Человек и является человеком благодаря языку; но для того, чтобы познать язык, он должен стать человеком»).

Идеи, рассуждения и дискуссии о путях развития человеческой способности усваивать и употреблять язык множились, что в итоге привело к официальному запрету рассуждений на данную тему, сформулированному в 1866 году в виде устава влиятельного в то время "Société de Linguistique de Paris". Многие последующие годы на данную тему было наложено табу. Частично это объяснялось и отсутствием всякой возможности приведения каких-либо конкретных доказательств в виде фоно- или видеозаписей.

Между тем современная наука раскрывает ряд моментов, способствующих расшифровке первых голосов из каменного века. Так, например, палеонтологи реконструируют по данным археологических находок фрагментов костей человеческого предка эволюцию его произносительного аппарата. Нейрохирурги постигают таинство возникновения речевой способности в недрах нервных клеток. Современные компьютерные технологии настраивают неспособных к вербальной коммуникации роботов демонстрировать первичные речевые признаки. Молекулярная биология сообщает об успехах в направлении исследования генетических основ языка и впервые заявляет о том, что речевая способность человека зародилась впервые около 200 000 лет назад у нашего далекого предка *homo erectus*.

Однако наиболее многообещающим является путь наблюдения за развитием речевой способности младенцев, поскольку каждый из них проходит как бы заново путь эволюции, причем за короткий отрезок времени. При помощи современных технологий в немецкой нейроклинике в Потсдаме учеными медиками изучается процесс речевого производства у младенцев, которые в состоянии произносить лишь отдельные звуки и их простейшие сочетания. Компьютер улавливает малейшие импульсы мозговой активности ребенка, которые представляют собой волновые линии на мониторе. Ребенок воспроизводит некий примитивный звуковой поток, из которого исследователи при помощи аппаратуры вычленивают отдельные слоги, которые могут стать в последствии составляющими будущих различных и значимых слов. Установлено, что каждый язык имеет свои звуковые образы, которые проявляются в слоговом (словесном) ударении. Уже в младенческом возрасте ребенок в состоянии различать на звуковом уровне оттенки в ударении – «Wa» и «Waaa». В немецком языке, например, слова, состоящие из двух слогов, имеют акцент на первом слоге в отличие, скажем, от французского, где немецкое имя «Bernhard» произносится с ударением на второй слог.

Способность понимать и реализовать язык формируется у человека значительно раньше, чем обычно было принято думать. Мелодику языка ребенок усваивает еще в утробе матери, чей голос через околоплодные воды достигает ушей младенца. Чтобы развить и освоить минимальные языковые навыки, то есть на то, что современному новорожденному требуются недели и месяцы, нашему предку потребовались сотни тысяч лет эволюции. Причем последовательность в их приобретении до сегодняшнего дня практически не изменилась. В потсдамской

клинике начат беспрецедентный проект «Deutsche Sprachentwicklungsstudie» («Исследование развитие языковой способности на немецком языке») – один из первых подобных проектов в мире, в рамках которого изучается речевое поведение 250 младенцев и маленьких детей при помощи новейшей нейроаппаратуры. Время создания новой теории возникновения языка еще не пришло, однако уже первые открытия проекта поражают исследователей. Вызывает удивление, как шаг за шагом в мозгу ребенка проявляются первые признаки языковой способности. Даже первые звуки, произносимые ребенком, свидетельствуют о некотором знании и навыках младенца о языке. Аппаратура фиксирует также крики и "мурлыканье" ребенка. Компьютер анализирует силу звуков в децибелах и их продолжительность в миллисекундах, регистрируя характерный ритм родного - немецкого - языка. В ребенке формируется некая языковая аура для будущего общения в среде себе подобных. Сходным образом, вероятно, начинали говорить и наши предки. Звериные рыки перерождались в процессе эволюции наших предков во все более сложные звуки и слова с соответствующей однотипной мелодикой. И также как ребенок формирует отдельные фрагменты и звуки в слова типа "Mama" и "Ball" к исходу первого года жизни, точно также и первобытные люди подбирали для отдельных предметов и явлений окружающей их в те времена действительности соответствующие звуковые символы. Уже в возрасте восьми месяцев ребенок в состоянии понимать около 60 слов, а по достижении 4-5-летнего возраста он усваивает их несколько тысяч. Также, как и наши предки, жившие 50 000 - 100 000 тысяч лет назад, маленький современный человек выстраивает усваиваемые слова в определенной последовательности. Впоследствии он постигнет и элементарные законы грамматики, с помощью правил которой ему удастся из огромного количества усвоенного словарного запаса комбинировать бесчисленное множество фраз. Почему же подобным даром был наделен лишь *homo sapiens*? Почему обезьяны-шимпанзе или другие млекопитающие не начали говорить подобно человеку?

В лингвистической исследовательской лаборатории университета штата Джорджия (США) проводятся опыты над приматом – обезьяной *Wobobo Kanzi*, которая на сегодняшний день усвоила более 250 словесных символов. 21-летнее подобитное животное четко реагирует на множество стимулов и задач. Пользуясь клавиатурой компьютера, нажимает клавиши, соответствующие командам «give me» («дай мне»), «good» («хорошо»), «please» («пожалуйста»). Исследователям университета удалось сделать удивительное открытие. При помощи сложнейшего ядерного томографа в левом полушарии головного мозга человекоподобных обезьян ими был обнаружен участок, напоминающий часть головного мозга человека, регулирующий речевые центры. По их мнению данные участки мозга были изначально как у предков человека, так и у предков шимпанзе.

Как известно, каждый человек наследует с рождения две пары хромосом, содержащие 100 000 генов. Именно они и определяют то, как мы думаем, чувствуем и говорим. Стивен Хьюмен, директор национального института генетики в Вашингтоне (National Institut of Mental Health), полагает, что человечество никогда не разгадает свою генетическую программу [4, 109]. Роберт Пломин, руководитель

центра психиатрии в Лондоне (Social, Genetic and Developmental Psychiatry Research Center), проводивший в течение длительного времени исследования, касающиеся развития языковой способности близнецов, считает, что два фактора - наследственность и социальное окружение играют решающую роль в развитии ребенка. В своей работе, опубликованной в октябре 1997 г. журналом "Discover", Р. Пломин утверждает, что даже кровные близнецы с идентичным набором генов никогда не будут обладать одинаковыми мыслительными и языковыми способностями [5; 6]. По мнению автора, гены управляют реакциями индивидуума на окружающий мир, однако они, как составные части структуры ДНК, не производят эмоций и чувств – они производят белок, необходимый для нормальной жизнедеятельности организма. Задачей же ученого, полагают Д. Скьюз и Б. Хорстхемке [3; 7], является поиск сходных черт и различий во всех областях жизни человека, в том числе и в развитии его языковой способности реагировать на окружающий мир.

Языковые способности и возможности детей с давних пор привлекают к себе внимание лингвистов многих стран. Дети включаются в языковую коммуникацию с произнесения «простых» звуков и их «элементарной» комбинации. Оба слова взяты в кавычки не случайно, поскольку вряд ли кто сможет взять на себя право думать наоборот. Для лингвистов язык детей – источник возможных ответов на множество еще нерешенных вопросов. Главными среди них являются, пожалуй, два – гипотеза о развивающихся языковых изменениях и задача развития равной языковой способности детей в процессе воспитания и обучения в семье и обществе.

ВЫВОДЫ

За прошедшие 100 лет особенностям речи детей посвящено множество научных работ, создано несколько научно-исследовательских центров. Наиболее значительными среди них являются исследования Е. Хилза, Б. Велмана, Е. Пула, М. Темплин, Д. Олмстед, Л. Мена, А. Московича, Н. Ватерсона, Д. Инграма, М. Фея, Д. Бернтала, Х. Венглера, Л. Выготского, Р. Якобсона, Ч. Фергюсона (Hills 1914; Wellman 1931; Poole 1934; Templin 1957; Olmsted 1971; Menn 1971; Moskowitz 1970; Wängler 1983; Ingram 1976; Bernthal 1988; Jakobson 1968; Ferguson 1965; Ferguson 1975 и др.) [2]. Как свидетельствуют результаты исследований, языковой инпут имеет первостепенное значение для усвоения ребенком элементов родного языка, формальных, лексико-семантических и синтаксических связей. Однако многие вопросы, в частности о формальных и функциональных различиях между, скажем, материнским и отцовским языком, требуют дальнейшего детального рассмотрения.

Любое общество давно заботит возможность ликвидации языкового неравенства и устранения всяческих языковых барьеров в образовании. Тем не менее, тезис о «стирании различий», в том числе и языковых, постоянно доказывает свою несостоятельность. Многогранные и обширные социальные процессы, постоянно оказывающие влияние на язык, не устраняют языковые различия, а лишь подчеркивают их все время с новой силой. Обладают ли все дети изначально одинаковыми умственными и физическими возможностями и способностями?

Наследуют ли они их от своих родителей и предков или нет? Ответов на эти вопросы до сих пор нет. Уровень развития науки не позволяет объяснить данные явления, а генетическая информация продолжает оставаться в большинстве своем еще недоступной.

Список литературы

1. Chomsky N. A Review of B. F. Skinner's Verbal Behavior / N. Chomsky // In : Leon A. Jakobovits and Murray S. Miron (eds.), Readings in the Psychology of Language, Prentice-Hall, 1967, pp. 142-143.
2. Hills E. C. The speech of a child two years of age / E. C. Hills // Dialect Notes, 4, 121-146, 1914; Wellman B.; Case E.; Mengert I. & Bradbury D. Speech sounds of young children / B. Wellman; E. Case; I. Mengert & D. Bradbury // University of Iowa Studies in Child Welfare, 5 : 2. – Iowa City : State University of Iowa, 1931; Poole E. Genetic development of articulation of consonant sounds in speech / E. Poole // Elementary English Review. – V. 11., 1934. – P. 159-161; Templin M. Certain language skills in children: their development and interrelationships / M. Templin // – Minneapolis: The University of Minnesota Press (Institute of Child) Welfare Monograph 26, 1957; Olmsted D. Out of the mouth of babes / D. Olmsted // – The Hague : Mouton, 1971; Menn L. Phonotactic rules in beginning speech / L. Menn // – Lingua. – 26. – Pp. 225-251, 1971; Moskowitz A. The two-year-old stage in the acquisition of English phonology / A. Moskowitz // Language. – 48. – Pp. 487-498, 1970; Wängler H.-H. Grundriss einer Phonetik des Deutschen / H.-H. Wängler // – Marburg : N. G. Elwert Verlag (4th ed.), 1983; Ingram D. Phonological disability in children. – New York: Elsevier, 1976; Bernthal J. E., Bankson N. M. Articulation and phonological disorders / J. E. Bernthal, N. M. Bankson // Englewood Cliffs. – N. J.: Prentice – Hall, 1988; Jakobson R. Child language, aphasia and phonological universals / R. Jakobson // – The Hague : Mouton // Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. – Uppsala, 1968; Ferguson C. A. Directions in Sociolinguistics: Report on an Interdisciplinary Seminar / C. A. Ferguson // Social Science Research Council Items 19. – 1-4, 1965; Ferguson C. A., Garnica O. Theories in phonological development / C. A. Ferguson, O. Garnica // Lenneberg E. & Lenneberg E. (Eds.), Foundations of language development : UNESCO, 1975.
3. Horsthemke B. Prägungsfehler im Genom – mütterlich oder väterlich / B. Horsthemke // Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. – FOCUS. – Nr. 3, 1998. – S. 109-115.
4. Hyman S. Eine Ladung DNA über Jugoslawien? / S. Hyman // Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. – FOCUS. – Nr. 3, 1998. – S. 109-115.
5. Plomin R. Identische Zwillinge / R. Plomin // Discover. – 10, 1997.
6. Plomin R. Erbe oder Erziehung / R. Plomin // Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. – FOCUS. – Nr. 3, 1998. – S. 109-115.
7. Szagun G. Sprachentwicklung beim Kind. / G. Szagun // – Basel, 2000.
8. Skuse D. Warum Frauen sozial einfülsamer sind / D. Skuse // Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. – FOCUS. – Nr. 3, 1998. – S. 109-115.

CHILDREN'S LANGUAGE CAPACITY FORMING AND LANGUAGE INPUT ROLE

Petrenko A., Petrenko D.

Linguists have traditionally put forward various hypotheses about the ways of developing human capacity to learn and to use the language. Also they have become the subject of scientific discussions. Analyzing the phenomenon of children's speech, one should remember that learning the objective reality in childhood is carried out in two directions: a child – objects and a child – people. The speech itself can appear and develop only in the process of communication. The aim of the research is to see what influence on children's learning their mother tongue is exerted by external verbal environment defining the object and the character of the phenomenon which is named "input".

Key words: learning a language, language input, language melody, external environment, language capacity.

УДК 811.111:81'42=111

СРЕДСТВА ВВЕДЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ИМПЛИКАТУР В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Рыжикова М. Д., Северина А. Н.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: marinaryzhikova@yandex.ru*

Телевизионная реклама представляется как способ влияния на потребителя. На материале англоязычного сайта headington.org.uk/adverts определяются конструкции для передачи имплицитной информации в современном рекламном дискурсе. Анализируются конструкции-отрицания, сопровождающие оценочные предикаты в сравнительной степени, усеченные конструкции эмотивов в сравнительной степени, метафора и метафорический эпитет, аналогия.

Ключевые слова: реклама, телевизионный дискурс, средства импликации, коммуникативная импликатура, способ языкового воздействия.

ВВЕДЕНИЕ

Современные лингвистические исследования последних десятилетий направлены на изучение языковых, а также неязыковых средств достижения успешной коммуникации. Одной из сфер, которая оказывает влияние не только на человеческое сознание, но и на поведение, является телевизионная реклама. Учитывая значительную роль, которую такая реклама играет в жизни людей, данная область представляет интерес и для лингвистического анализа. На сегодняшний момент существуют разработки структурных и функциональных характеристик рекламных текстов (Е. И. Зелинская, В. В. Зирка, Н. Л. Коваленко, Ю. Б. Корнева), особенностей создания таких текстов (Е. И. Зелинская, Т. М. Лившиц), взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в рекламных сообщениях (Ю. Б. Корнева, И. П. Моисеенко). Так, анализ способов речевого воздействия, применяемых в данной сфере, представляется актуальным.

Цель исследования заключается в выделении и лингвистической характеристике языковых способов передачи коммуникативных импликатур в телевизионном рекламном дискурсе.

Для достижения цели использовались дискурс-анализ и лингвистический дескриптивный метод.

Материалом послужили 115 текстов телевизионной рекламы, отобранных сплошной выборкой из сайта headington.org.uk/adverts за период 2008-2015 гг.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Суть информации, которая заключается в рекламе, часто не ограничивается тем, о чем адресат говорит эксплицитно. Особенностью такой коммуникации является намерение говорящего заставить адресанта задуматься и проанализировать то или иное сообщение. Как правило, за вербальными выражениями имплицитно скрывается истинный смысл и идея рекламируемого товара. Таким образом, рекламный дискурс характеризуется наличием импликатур [6], [8], которые позволяют манипулировать сознанием человека и достигать успешной коммуникации [2, с. 6]. Вслед за П. Г. Грайсом [4], И. В. Арнольд [1], А. А. Масленниковой [7], под импликатурой в настоящем исследовании понимается дополнительный, подразумеваемый смысл или значение вербально выраженного контекста.

Анализ материала, на основе классификации импликатур, предложенной О. С. Иссерс [5] и Ю. К. Пироговой [8], позволили выделить следующие структуры:

1. Конструкции-отрицания, сопровождающие оценочные предикаты в сравнительной степени, например: «*No battery is stronger longer*»/ «*Ни одна батарейка не прослужит дольше*» (*Duracell*), «*There's no better way to fly Lufthansa*»/ «*Нет ничего лучше полетов с авиалиниями Lufthansa*» (*Lufthansa Airways*), «*Tense nervous headache? Nothing acts faster than Anadin!*»/ «*Сильная, раздражающая головная боль? Ничего не действует быстрее, чем Anadin*» (*Anadin*), «*Nothing is more effective without a prescription*»/ «*Нет ничего более эффективного из того, что продается по рецепту*» (*Benylin cough mixture*). В жизни такие фразы воспринимаются, как будто прилагательные представлены не в сравнительной, а в превосходной степени, например, так: «*Duracell – батарейки, которые работают дольше всех*», «*Lufthansa – лучшие авиалинии*» и т.п. Рекламодателям выгодна такая реклама, т.к. они в таком случае не нарушают законы о рекламе. Логический анализ показывает, что такие конструкции не являются утверждениями абсолютного преимущества: несмотря на то, что говорится об отсутствии более эффективного/ лучшего товара/ услуги, это совсем не означает, что нет подобного. Автор вовлекает ошибочное умозаключение, рассчитывая на некритическое восприятие рекламы потребителем. В видеоряде употребление таких конструкций сопровождается изображением символов превосходства (победа на соревновании, вершина горы и т.д.), положительно настроенных персонажей или подчеркивается недейственность товаров/ услуг конкурентов. Такие конструкции в количественном соотношении составили 10% от исследуемого материала.

2. Усеченные конструкции сравнительной степени прилагательного-эмотива (или редуцированное сравнение), в которых нарушается коммуникативный постулат количества: выражение содержит меньше информации, чем требуется, за счет опущения другого члена сравнения [9] (31% от анализируемых рекламных текстов), например: «*With enzymes to digests dirt and stains, tackles the really tough stains that other powders leave behind*»/ «*С энзимами, которые истребляют грязь и пятна, справляется с самими тяжелыми загрязнениями, которые другие порошки не отстирывают*» (*Ariel*), «*There's a softness and a freshness You've never known before*».

That's the loving touch of New Lenor!»/ «Мягкость и свежесть, незнакомая вам до этого. Это прикосновение с любовью от нового Lenor» (Lenor), «*Philips Philishave: A better shave all round*»/ «Бритва Philips: лучшее бритье». Упомянутые примеры свидетельствуют о том, что с помощью таких конструкций объекты рекламы сравниваются с более старыми с технической точки зрения товарами (того же самого или другого бренда), которые в видеоряде представляются как неинтересные, сломанные, недейственные, подлежащие утилизации. Увидев/ услышав такую рекламу, адресант воспринимает рекламируемый товар в более сильном смысле, чем необходимо. Такой прием считается самым распространенным в рекламной деятельности.

3. Метафора и метафорический эпитет, с помощью которого объект характеризуется с выгодной стороны, например: «*Where the rubber meets the road*»/ «Где резина встречается с дорогой» (шины Firestone tyres), «*Hovis is the golden-hearted taste of the wheat*»/ «Hovis – вкус пшеницы, выращенной с золотым сердцем» (хлеб Hovis), «*Don't put a cold in your pocket! — Use Kleenex Tissues*»/ «Не кладите простуду в карман! – Используйте салфетки Kleenex» (салфетки Kleenex). Использование метафор составляет 24% исследуемого материала.

4. 1% рекламного материала представлен аналогией. Например, в рекламе общества *The Partnership for a Drug-Free America*, направленной на борьбу с наркотиками, проводится аналогия между мозгом здорового человека и целым яйцом: мозг под воздействием наркотических средств приравнивается разбитому или пожаренному на сковороде яйцу. Так, реципиент сознательно усваивает, что употребление таких веществ вредит здоровью. При этом текст ролика содержит минимальное количество вербальных средств: «*This is your brain. This is your brain on drugs. Any questions?*»/ «Это – твой мозг. А это – твой мозг под воздействием наркотиков. Вопросы есть?». Такое редкое употребление этого способа можно объяснить следующим предположением: в настоящее время реклама больше воспринимается на слух, ее редко смотрят, предпочитая заняться чем-то важным в перерыве от просмотра интересной программы, в то время как аналогия, напротив, нацелена именно на зрительное восприятие с последующим анализом и умозаключениями.

ВЫВОДЫ

Для передачи скрытого смысла в рекламном телевизионном дискурсе, с помощью которого адресант манипулирует сознанием/ поведением человека, используются импликатуры. Выделяются 4 способа их вербализации: конструкции-отрицания, сопровождающие оценочные предикаты в сравнительной степени, усеченные конструкции сравнительной степени эмотивов, метафора и метафорический эпитет, аналогия. Самым распространённым являются сравнительные структуры, что позволяет назвать их наиболее эффективными при оказании влияния. Наименее действенным способом оказывается аналогия.

Направлением дальнейшего исследования возможно более детальное рассмотрение употребления таких конструкций в социокультурном и лингвокультурном аспектах.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Статус импликации в системе текста / И. В. Арнольд // Интерпретация художественного текста в языковом ВУЗе. Межвуз. сборник науч. Трудов. – Л. : Изд-во ЛГПИ им А.И. Герцена, 1983. – С. 3-14.
2. Борисова Е. Г. Знаковые уровни в политической рекламе / Е. Г. Борисова // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М., 2000. – С. 209-214.
3. Борисова Е. Г., Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация в рекламе и пропаганде / Е. Г. Борисова, Ю. К. Пирогова // ИмPLICITность в языке и речи. – М., 1999. – С. 145-151.
4. Грайс П. Г. Логика и речевое общение / П. Г. Грайс // Новое в зарубеж. лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Оксана Сергеевна Иссерс. – Изд. 5-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
6. Кобозева И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ [Электронный ресурс] / И. М. Кобозева. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/08.htm#з_13 (дата обращения 11.10.2015).
7. Масленникова А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А. А. Масленникова. – СПб, 1999. – 292 с.
8. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация в рекламе / Ю. К. Пирогова // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М., 2000. – С. 95–108.
9. Терпугова Е.А. ИмPLICITная информация как способ воздействия в рекламном тексте [Электронный ресурс]/Е. А. Терпугова. – Режим доступа:http://tpl-islu.ru/publ/teorija_vozdejstvija/mekhanizmy_rechevogo_vozdejstvija/implicitnaja_informacija_kak_sposob_vozdejstvija_v_reklamnom_tekste/42-1-0-111 (дата обращения 11.10.2015).

MEANS OF INTRODUCING IMPLICATURES IN TV ADVERTISING (ON THE DATA OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Ryzhikova M. D., Severina A. N.

Television advertising is viewed as a way of influencing a consumer. On the data of the English Internet site headington.org.uk/adverts the authors investigate modern patterns to communicate implicit information. The following language means and structures are pointed out and analyzed: negation constructions following evaluating predicatives in the comparative degree, reduced models in the emotive comparative degree, metaphor and metaphoric epithet, analogy.

Keywords: advertising, television discourse, means of implication, communicative implicature, means of language influence.

УДК 81'42

**НА ПУТИ К ПОЛИКУЛЬТУРНОМУ МИРУ: МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ
БЕЖЕНЕЦ, МИГРАНТ, ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ
В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИК РОССИИ, КРЫМА И УКРАИНЫ)**

Шилина А. Г.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
angela_shilina@bk.ru*

Статья посвящена интерпретации терминов беженец, мигрант, переселенец в контексте информационно-психологической войны. Медиаконструирование значений терминов реализуется с помощью двух моделей: воздействующей и манипулятивной. Воздействующая модель обеспечивает адекватное толкование терминов. Манипулятивная модель исключает различительные смысловые нюансы, подменяет истинное значение терминов, продуцирует эксплицитное и имплицитное пейоративное терминопотребление в медиатекстах. Доминирование манипулятивной модели ведет к дестабилизации поликультурного мира.

Ключевые слова: термин, беженец, мигрант, переселенец, вынужденный переселенец, поликультурный мир, информационно-психологическая война, медиаконструирование.

ВВЕДЕНИЕ

В 2014–2015 гг. в мировой геополитической системе проблема миграции вошла в новую точку бифуркации: беженцы с юго-востока Украины в России, вынужденные переселенцы с юго-востока Украины в/ на Украине [3], беженцы и мигранты из Северной Африки и Ближнего Востока в Европе. Россия как базовый актор указанной мегасистемы и как самостоятельная поликультурная макросистема оказалась в ситуации, требующей реагирования и решения следующих проблем:

- социально-экономически адаптировать людей, вынужденных покинуть юго-восток Украины в результате военного конфликта, в России в целом, в Республике Крым – в частности. Так, по данным ФМС России, с начала 2014 года по сентябрь 2015 года на территории Российской Федерации находится 1,1 млн. человек с юго-востока Украины [4; 15]; в сентябре 2015 года на территории Республики Крым зарегистрировано 200 тыс. человек с Донбасса [10];
- провести пропедевтические мероприятия, позволяющие спрогнозировать миграционный сценарий перемещения беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока в Россию;
- обеспечить адекватное освещение флуктуационного миграционного процесса в медиа.

В формате настоящей публикации представляется значимым, во-первых, проанализировать, каким образом российские и украинские СМИ освещают события миграционного коллапса 2014–2015 гг.; во-вторых, проинтерпретировать существующие языковые практики, используемые при подаче медиаматериала, и, в-третьих, спрогнозировать последствия выявленной текстуальной политики для граждан в частности и социума в целом.

Для реализации заявленных исследовательских позиций в методологическом плане будем придерживаться описательного метода с привлечением качественного контент-анализа для экспликации базовой идеи медиатекстов и дискурс-анализа для выявления имплицитных смыслов медиатекстов.

Скоординировав цель и задачи с методологическими подходами, считаем логичным обсудить вопрос терминологии.

Рассматриваемые медиатексты оперируют такими терминами, как *беженцы*, *мигранты*, *переселенцы*, которые «дают имя» миграционному (*чуждому* – А. Ш.) опыту, отличному от *немиграционного* (*своего* – А. Ш.). Учитывая тот факт, что значения перечисленных терминов «в большей степени определяются установками и ценностями доминантной культуры» [16, с. 57], в нашем случае – *немиграционной культуры*, предлагаем уточнить дефиниции.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Беженцы. В 1921 году термин *беженец* был введен в дискурс международного права Лигой Наций [12]. Он использовался в отношении русских беженцев, а в 1924 г. и в отношении армянских беженцев. В 1926 году в Женеве состоялась конференция, на которой соглашения о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам (1922, 1924 гг.) были изменены и дополнены определением термина *беженец*: «беженцами признавались лица соответствующего национального или этнического происхождения, не пользующиеся защитой своего государства и не получившие другого гражданства» [1, с. 113].

В 1951 году Конвенция ООН о статусе беженцев наполнила термин новым, углубленным содержанием: *беженец* – лицо, которое «в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года, и в силу вполне обоснованных опасений стало жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [7].

Термин в таком же значении с уточнением гражданства беженца употреблен в Федеральном законе «О беженцах» (закон № 4528-1 принят в 1993 г., изменения и дополнения внесены в 1997–1998, 2000, 2003–2004, 2006, 2008, 2010–2014 гг.): *беженец* – это лицо, «которое *не является гражданином Российской Федерации* (курсив – А.Ш.) и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой

преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [14].

В лингвистическом дискурсе лексема *беженец* зафиксирована в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940 г. и.): *беженец* – человек, покинувший место своего жительства вследствие войны или стихийных бедствий [13]; «**Большом толковом словаре** русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (1998 г.и.): *беженец* – человек, покинувший место своего жительства, спасаясь от бедствия (землетрясения, войны, голода и т. п.) [2].

Мигранты. В соответствии с Декларацией прав человека 1948 года каждый человек имеет право на свободное перемещение как в пределах своего государства, так и за его пределами. В связи с этим в международно-правовом дискурсе закрепляется термин *мигрант* – лицо, «проживающее более года на территории государства, к гражданству которого это лицо не принадлежит (долгосрочный мигрант), или проживающее на территории иностранного государства более трех месяцев, но менее года, за исключением случаев прибытия для проведения отпуска, посещения друзей или родственников, по делам, для лечения или паломничества (краткосрочный мигрант)» [5].

Одной из причин миграции населения является поиск рабочих мест. Данный факт способствовал появлению еще одного термина – *трудоустроенный мигрант* – лицо, «которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является» [8].

Лингвистический дискурс оперирует термином *мигрант* в значении «лицо, совершающее переселение, меняющее местожительство внутри страны или переезжающее из одной страны в другую, чаще всего из-за экономической, политической, национально-правовой нестабильности» [6].

Переселенцы. В правовом дискурсе переселенцем считается лицо, «добровольно покидающее страну своего проживания и переезжающее на постоянное место жительства в другую страну» [1, с. 115]. «Добровольный» переселенец ищет не просто материально благоприятные условия проживания и трудоустройства, а стремится к самоактуализации как в профессиональной, так и социально-политической жизни [11, с. 35–36]. «Вынужденный» переселенец, являясь гражданином страны, покидает место жительства «вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводом для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений

общественного порядка» [1, с. 115–116], и находит другое место проживания в пределах этой же страны, гражданином которой является.

В лингвистическом дискурсе переселенцем называют человека, переселившегося или переселяемого «с постоянного места жительства в новые, обычно необжитые места» [9, с. 508]. Толкование значения сопровождается историческим контекстом: *Переселенцы в окраинные губернии* (в старой России) [9, с. 508].

Таким образом, обобщив опыт правового (энциклопедического) и лингвистического толкования, можем заключить:

беженец – человек, вынужденный покинуть страну своего проживания по причине каких-либо конфликтов (военных, этнических, языковых и т. п.), происходящих в государстве, гражданином которого он является;

мигрант – человек, добровольно оставивший свою страну, гражданином которой он является, в поисках лучших экономических условий жизни;

переселенец – человек, который имеет гражданство и перемещается внутри своей страны добровольно (добровольный переселенец) или вынужденно (вынужденный переселенец).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2014–2015 гг. в связи с происходящими мировыми социально-экономическими, геополитическими событиями и развернувшейся на их фоне информационно-психологической войны в российских и русскоязычных украинских интернет-СМИ активизировался процесс использования терминов *беженцы, мигранты, переселенцы*.

Медиамониторинг позволил выделить пять позиций употребления терминов.

1. Апеллирование к названным терминам как лексемам, номинирующим разные категории людей с точки зрения их правового статуса.

1.1. Четкое разграничение значений терминов в медиатексте: *Европе придётся проснуться и начать искать решения, как выйти из кризиса беженцев, а не утверждать, что на границе ждут экономические мигранты. Там ждут люди, которые борются за свои жизни* (<http://www.sbnl.eu>. Дата обращения: 27.08.2015); *Вы знаете, как-то общалась с политологом Виталием Балой, он говорит, что не совсем корректно называть украинцев, которые остались, по сути, без крыши над головой, беженцами. Действительно, беженцы – не совсем корректное слово чтобы применять относительно этих людей. Это временное перемещение лица, это люди, которые временно находятся вне своего проживания* (<http://inpress.ua>. 22.06.2014).

1.2. Значение «мигрант – человек, добровольно выехавший из своей страны в поисках легальной работы» закрепляется с помощью:

1.2.1. составного термина *трудовой мигрант*: *В ближайшее время на полуостров для строительства Керченского моста придет большое количество трудовых мигрантов* (<http://crimea.mk.ru>. Дата обращения: 20.09.15);

1.2.2. контекста: У глухонемых **мигрантов** с 10 июня в пунктах обязательного тестирования иностранцев начнут принимать экзамен по русскому языку, истории и основам права, пишет газета «Известия» (<http://www.gazeta.ru>). Дата обращения: 05.06.2015).

2. Оперирование терминами как синонимами:

2.1. беженец = мигрант: Во вторник Венгрия ужесточила свои законы о защите границы. После этого поток **мигрантов** в эту страну со стороны Сербии резко сократился. Начиная со среды **беженцы** в массовом порядке устремились в Хорватию, за последние три дня в это государство прибыли более 13 тыс. человек (<http://tass.ru>. Дата обращения: 18.09.2015);

2.2. беженец = переселенец: **Беженцы** из Сирии. Примет ли Россия **переселенцев** с Ближнего Востока? (<http://topwar.ru>. Дата обращения: 02.09.2015); Поговорив с обычными отдыхающими и **беженцами** (их здесь примерно поровну), я поняла, что поведением некоторых **переселенцев** недовольны многие люди. Увы, в центральных и западных регионах страны [Украины] люди все чаще стали жаловаться на некорректное поведение **беженцев** (<http://fakty.ua>. Дата обращения: 09.08.2014);

2.3. беженец = вынужденный переселенец: Власти полуострова заявили о закрытии пунктов временного размещения **беженцев**. **Вынужденных переселенцев** массово отправляют на материковую часть России (<http://c-pravda.ru>. Дата обращения: 23.08.2014); В пятницу Управление Верховного комиссара ООН по делам **беженцев** (УВКБ) сообщило, что власти Великобритании согласились принять у себя четыре тысячи **вынужденных переселенцев** из Сирии на фоне крупнейшего со времен Второй мировой войны притока **беженцев** в Европу (<http://ria.ru>. Дата обращения: 06.09.2015);

2.4. мигрант = переселенец: <...> Ангела Меркель нанесла неожиданный визит в отделение Федерального управления по делам миграции и беженцев в берлинском районе Шпандау. **Переселенцы** размещаются в нем в казармах времен Второй мировой войны, но все равно очень рады представившейся возможности остаться в стране. Приезда Ангелы Меркель никто не ожидал, но **мигранты** были ей очень рады (<http://www.dni.ru>. Дата обращения: 10.09.2015);

2.5. переселенец = вынужденный переселенец: На втором, третьем и четвертом местах в рейтинге регионов, принимающих **переселенцев**, – Днепропетровская, Харьковская и Запорожская области. В эти регионах, по данным Розенко, наблюдается максимальная концентрация **вынужденных переселенцев** (<http://www.fdu.org.ua>. Дата обращения: 27.06.2015).

3. Создание термина-плеоназма вынужденные беженцы: 14 августа в республику [Республику Бурятия] прибыл первый борт из Симферополя со 161 **вынужденным беженцем** с Украины (<http://www.newbur.ru>. 15.08.2014);

Вынужденные беженцы, проживающие на Выдубичах, не хотят жить на западе Украины (<http://news.bigmir.net>. Дата обращения: 16.09.2014).

4. «Сопровождение» терминов с помощью конструкции так называемые с последующей контекстуальной конкретизацией:

4.1. для уточнения значения термина: *Николай Топорнин напомнил, что есть еще так называемые легальные беженцы: «Это второй поток, который появился в Европе. Он исходит из стран Балканского региона. Там боевых действий особо не ведется, в некоторых странах хорошая, мирная жизнь <...>»* (<http://www.vestikavkaza.ru>. Дата обращения: 05.09.2015); *По линии МЧС в ближайшие два дня придет первая партия вынужденных переселенцев. Есть и так называемые «неорганизованные беженцы», граждане Украины, которые самостоятельно приехали во Владимирскую область* (<http://zebra-tv.ru>. Дата обращения: 07.08.14); *В отличие от беженцев, которые уехали в Россию, так называемые «внутренние переселенцы» пребывают в бедственном положении <...>. Людям, которые вынуждены были бежать от войны, но остались на своей родине, теперь негде жить и нечем кормить детей* (Россия 24. Дата обращения: 17.09.2014); *На пресс-конференции в ХАКИ волонтеры подчеркнули, что места компактного проживания переселенцев – это временная мера, затем все люди должны жить в нормальных человеческих условиях. В противном случае могут появиться так называемые «профессиональные» переселенцы, которым все дадут, поэтому они не стремятся что-то делать сами. Подсев на такую иглу помощи, потом очень сложно самостоятельно отстраивать свою жизнь* (<http://sprotyv.info>. Дата обращения: 07.08.2015);

4.2. для экспликации неоднозначной, отрицательной оценки происходящим миграционным процессам: *Соцсети позволили увидеть истинное лицо беженцев, поток которых хлынул в Европу. Перед тем, как отправиться в Европу, так называемые беженцы забыли почистить свой Фейсбук от компрометирующих фотографий* (<http://novorossia.pro>. Дата обращения: 03.10.2015); *Переселенцы из Украины вызывают неоднозначное отношение у жителей Польши. По мнению издания [Telepolis], именно Польша стала для украинцев «доступным Западом». «Именно Польшу многие украинцы рассматривают как первую возможность для того, чтобы покинуть охваченную конфликтом и неурядицами отчизну: на территории Польши уже находится около полумиллиона так называемых вынужденных переселенцев. В Польше в настоящее время обучаются 23 тысячи студентов из Украины, что составляет половину всех иностранных студентов страны», – пишет автор статьи* (<http://tvzvezda.ru>. Дата обращения: 03.08.2015).

5. Переопределение терминов с помощью имплицитного смысла «являются ли для правительства и общественности Украины полноправными гражданами люди (граждане Украины), вынужденные покинуть юго-восточную территорию из-за военного конфликта?» с использованием:

5.1. составного термина *внутренние беженцы*: *Но и Украина сегодня впервые в своей истории пытается выстроить некую государственную политику в отношении внутренних беженцев. Получается ли это у государства? Какой*

вообще должна быть эта политика? Каким образом государство и равнодушные украинцы могут позаботиться о тех, кто оказался в беде? (<http://www.unian.net>. Дата обращения: 20.06.2014);

5.2. графического знака («косой черты») (forward slash), размещенного между двумя разными по значению терминами:

Итак, он [Павел Розенко, глава министерства социальной политики Украины] недоволен тяжелой ситуацией с беженцами/ переселенцами. Их оказалось слишком много, но отношение родины к ним совершенно невнятное. Начать с того, что никакой эвакуации из зоны так называемой АТО не было и нет. То есть, если даже согласиться считать галлюцинацию про внешнюю агрессию реальностью, то почему власть не организовала вывоз мирных граждан, а напротив – огородила территорию блокпостами, мимо которых и мышь пробегает с проблемами? (<http://ukraina.ru>. Дата обращения: 14.08.2015).

Для подтверждения соответствия цели и задачам исследования каждой констатированной исследовательской позиции прокомментируем каждую из них.

Во-первых, употребление адресантом в медиатекстах терминов *беженец, мигрант, переселенец (вынужденный переселенец)* в точном и корректном значении, принятом в правовом дискурсе, обеспечивает адекватность и правдивость восприятия информации адресатом.

Во-вторых, синонимизация указанных терминов может свидетельствовать, с одной стороны, о некомпетентности адресанта, с другой – о намеренной подмене значений терминов.

В-третьих, тиражирование терминов-плеоназмов приводит к потере смысловой точности всего высказывания.

В-четвертых, расширенное толкование терминов с помощью конструкции *так называемые* и последующей контекстуальной поддержки может быть формой эксплицирования дополнительной нейтральной или оценочной информации для адресата.

В-пятых, «перереформатирование» значения термина с использованием скрытых смыслов способствует демонстрированию социально-политической ангажированности адресанта.

ВЫВОДЫ

Значения терминов *беженец, мигрант, переселенец (вынужденный переселенец)*, отвечающих главным критериям терминологичности – нейтральность и однозначность, могут подвергаться медиаконструированию, которое имеет «безопасные» и «небезопасные» модели реализации.

«Безопасная» модель *так называемые + термин*, погруженная в уточняющий контекст, разъясняет значения терминов.

Прибегая к «безопасной» модели, адресант воздействует на сознание адресата с просветительской целью.

Среди «небезопасных» моделей выделяются такие, как:

- намеренная синонимическая замена терминов, исключая различительные смысловые нюансы;
- сочетание двух логически избыточных слов, подменяющих истинное значение терминов;
- продуцирование эксплицитных и имплицитных аксиологических контекстов, в пределах которых термины приобретают ненейтральность и пейоративность.

Апеллируя к «небезопасной» модели, адресант манипулирует сознанием и подсознанием адресата.

Доминирование «небезопасных» моделей в медиаконструировании значений терминов *беженец, мигрант, переселенец (вынужденный переселенец)*, являясь следствием глобальной информационно-психологической войны, дестабилизирует поликультурный мир, в котором с каждым днем появляется все больше новых «чужих» среди «своих».

Список литературы

1. Белькова Е. Г. Беженцы и переселенцы: разграничение понятий / Е. Г. Белькова // Известия Иркутской государственной экономической академии [Электронный ресурс]. – 2008. – № 3(59). – С. 113–116. – URL: <http://izvestia.isea.ru> (дата обращения: 19.09.2015).
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – СПб.: Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения: 18.09.2015).
3. Гришина А. В. Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины / А. В. Гришина, С. Л. Лунин // Российский психологический журнал. – 2015. – Т. 12, № 2. – С. 46 – 55.
4. Жолобова М. Исследование РБК: сколько Россия тратит на украинских беженцев [Электронный ресурс] / Мария Жолобова, Максим Солопов. – URL: <http://daily.rbc.ru>. (дата обращения: 22.06.2015).
5. Киселева Е. В. Международно-правовая защита прав мигрантов: документы и механизмы [Электронный ресурс] / Е. В. Киселева. – URL: <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=11&art=2186> (дата обращения: 19.09.2015).
6. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Н. Г. Комлев. – М.: ЭКСМО, 2006. – 672 с. – URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 19.09.2015).
7. Конвенция ООН о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 18.09.2015).
8. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (резолюция 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 года) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 19.09.2015).
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – 22-е издание, стереотип. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
10. По данным ФМС в Крыму находятся порядка 200 тысяч беженцев из Донбасса [Электронный ресурс]. – URL: <http://krumok.ru> (дата обращения: 05.09.2015).
11. Романова О. Б. Понятия «мигрант» и «переселенец»: теоретические особенности и социальная реальность / О. Б. Романова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1. – С. 33–38.
12. Сарашевский Ю. Роль Лиги наций в формировании права беженцев / Юрий Сарашевский // Белорусский журнал международного права и международных отношений [Электронный

- ресурс]. – 2000. – № 1. – URL: <http://evolutio.info/content/view/339/51> (дата обращения: 30.09.2015).
13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.). – URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 18.09.2015).
 14. Федеральный закон № 4528-1 от 19 февраля 1993 г. «О беженцах» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 18.09.2015).
 15. ФМС: 2,6 миллиона украинцев находятся на территории РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 04.09.2015).
 16. Эрлих С. Критическая лингвистика как феминистская методология / Сьюзан Эрлих // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках: материалы 2-й Международной летней школы по гендерным исследованиям (Форос, 1998) / под ред. И. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 1998. – С. 52–80.

**ON THE WAY TO POLYCULTURAL WORLD: MEDIALINGUSTIC PECULIARITIES
OF THE TERMS REFUGEE, MIGRANT, TRANSMIGRATOR
FUNCTIONING IN THE CONTEXT OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WAR
(ON THE MATERIAL OF INTERNET PRACTICES OF RUSSIA, CRIMEA AND
UKRAINE)**

Shylina A. G.

The article is focused on the interpretation of the terms refugee, migrant, transmigrator in the context of information and psychological war. Media construction of terms meaning has been realized through two models: effective and manipulative. Effective model provides adequate interpretation of the terms. Manipulative model excludes distinctive semantic nuances, substitutes true meaning of the terms, produces explicit and implicit pejorative applicability of the terms. Manipulative model's domination leads to destabilization of polycultural world.

Keywords: term, refugee, migrant, transmigrator, forced transmigrator, polycultural world, information and psychological war, media construction.

УДК 81'373.4

**СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ
«ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА»
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Шиманович А. Н., Алиева А. Д.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

E-mail: panther1401@yandex.ua, asie_alieva@mail.ru

Данное исследование посвящено изучению особенностей фразеологической микросистемы «Положительные эмоции человека» на материале английского и русского языков. В работе рассматриваются характер, причины и частотность употребления той или иной фразеологической единицы, характеризующей положительные эмоции человека, с учетом специфики языков.

Ключевые слова: фразеология, положительные эмоции, фразеологические единицы, фразеологическая микросистема, тематическое поле.

ВВЕДЕНИЕ

Фразеологизм – душа каждой культуры. Фразеологизмы передаются из уст в уста, от поколения к поколению. Знакомство с фразеологией позволяет глубже понять историю народа, его отношение к человеческим достоинствам и недостаткам, специфику мировоззрения.

Принцип «человека в языке» или антропоцентризма, утверждается в отечественном и зарубежном языкознании, достаточно давно, с конца XIX века. Антропоцентрический подход нашёл широкое применение, как в лингвистике, так и во фразеологии в частности. Изучение же национально-культурных особенностей какого-либо языка через фразеологические единицы в сопоставительном аспекте даёт возможность исследования, как межкультурных различий, так и своеобразия менталитета людей. Поэтому проблема сопоставительного анализа фразеологических единиц в настоящее время представляется весьма актуальной.

Фразеология английского и русского языков в сопоставительном аспекте сравнительно недавно стала объектом лингвистических исследований. В связи с этим, ряд фразеологических микросистем остается неисследованным, что обуславливает **научную новизну** данного исследования.

Целью данного исследования является изучение фразеологических единиц со значением «Положительные эмоции человека» в английском и русском языках в сопоставительном аспекте.

Материалом исследования послужили фразеологические словари современного английского и русского языков (Англо-русский, русско-английский словарь фразеологизмов; Русская фразеология: словарь-справочник; Словарь

фразеологических синонимов русского языка и др.) и произведения художественной литературы (Гоголь Н.В. «Мертвые души», Толстой А.Н. «Война и мир», Чехов А.П. «Моя жизнь», Dickens Ch. «The Old Curiosity Shop», Littell E. «The Dial», Stiles T. «The New York coach-maker's magazine» и др.) из которых методом сплошной выборки были отобраны для анализа 250 ФЕ русского языка и 270 английских ФЕ.

При проведении научного исследования использованы такие **методы**:

1) метод сплошной выборки; 2) описательный метод; 3) сопоставительно-типологический метод; 4) компонентный анализ; 5) метод дефинитивного анализа; 6) метод количественных подсчетов.

В данной научной статье в качестве рабочих классификаций были использованы классификации Яранцева Р. И., Козловой Т. В. и Бирих А. К.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Фразеология – сокровищница любого языка. Фразеология – один из основных способов проявления эмоций человека. Человек входит в идеографическое поле «Живое» [2; 4] и является частью живой природы, а так как целью работы является исследование фразеологической микросистемы «Положительные эмоции человека», необходимо детально рассмотреть идеографическую структуру данной микросистемы.

Идеографическое поле «Человек», включает в себя следующие идеографические группы: «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо» и «Человек как общественное существо» [2, 4].

Следует заметить, что интересующая нас микросистема, в силу своей природы, входит в идеографическую группу «Человек как разумное существо», состоящую из следующих микросистем: «Вольные действия», «Невольные действия», «Выражение чувств и эмоций», «Состояние человека» и «Мнение человека», «Представление человека», «Отношение человека к чему-либо» [2].

Согласно классификации Яранцева Р. И. [4], тематическое поле ФЕ «Выражение чувств и эмоций», характеризующее эмоциональное состояние человека, насчитывает 8 тематических групп, позволяющих провести достаточно полный и детальный анализ особенностей функционирования ФЕ на культурно-историческом уровне развития английского и русского языков и осуществить систематизацию исследуемого материала. Интересующее нас тематическое поле включает в себя следующие тематические группы: 1) выражение прямоты, искренности, откровенности; 2) выражение самообладания, бесстрашия, смелости; 3) выражение восхищения, восторга, радости; 4) добрые пожелания, выражения любезности, вежливости; 5) выражение удивления, недоумения, изумления; 6) выражение насмешки, пренебрежения, презрения; 7) выражение огорчения, раздражения, досады; 8) выражение возмущения, негодования, гнева.

В ходе исследования методом сплошной выборки нами отобрано для анализа из фразеологических словарей и произведений художественной литературы английского и русского языков 250 ФЕ русского языка, входящих в тематическое поле «Положительные эмоции человека», и 270 английских ФЕ с тем же значением.

В процессе дальнейшего более подробного изучения ФЕ английского и русского языков весь собранный материал был поделен на две тематические группы, такие как: «Восхищение, восторг, радость» (например, *all ale* – «постоянные развлечения»; *to be in high spirits* – «быть в восхищении»; *петь дифирамбы*) и «Удивление, изумление» (например, *Елки-палки!*, *Мать честная!*, *Вот те раз!* – «очень удивляться» и др) [3,6]. Численность ФЕ английского языка, представляющих фразеологическую тематическую группу «Восхищение, восторг, радость», насчитывает 138 ФЕ, что составляет 51% от общего объема исследуемого материала. Количество ФЕ, относящихся к фразеологической тематической группе «Удивление, изумление», составляет 132 единицы или же 49% от общего объема единиц, отобранных нами для анализа.

Примерами ФЕ тематической группы «Восхищение, восторг, радость» могут служить такие фразеологизмы, как: *cheer to the echo* – «быть в восторге», *to smile from ear to ear* – «улыбаться во весь рот» [3] и др., а представителями тематической группы «Удивление, изумление» являются следующие ФЕ: *What's all the fuss?* – «Вот (эка) невидаль!», *Look what happened!* – «Вот те (и) на!» [3, 6] и др.

Фразеологизмы русского языка, входящие в тематическую группу «Восхищение, восторг, радость», составили 150 единиц, что в процентном соотношении составляет 60% от всего объема исследуемого материала. Примерами, иллюстрирующими эмоции этой тематической группы, могут быть следующие ФЕ: *быть на седьмом небе* (от счастья), *превозносить до небес* [3, с. 6] и др. Из тематической группы «Удивление, изумление» было выделено 100 ФЕ, что составило, соответственно, 40% исследуемого материала. В качестве примеров ФЕ данной группы могут служить следующие фразеологизмы: *не верить своим глазам/ушам* – «быть очень удивленным», *диву даваться*, *делать большие глаза* – «быть крайне удивленным» [3, с. 6] и др.

С точки зрения структуры, все фразеологизмы в языке делятся лингвистами на две большие группы:

- 1) ФЕ, соответствующие предложению и
- 2) фразеологизмы равные словосочетанию.

В свою очередь ФЕ равнозначные словосочетанию подразделяются на:

- 1) Субстантивные ФЕ – главным в словосочетании является имя существительное (например, *без ума от кого-либо*, *без памяти от кого-либо*; *all ale* – «постоянные развлечения»; *to be all over oneself* – «быть очень довольным» и др.) [3, 6].

- 2) Глагольные фразеологизмы выражают объектные или объектно-обстоятельственные отношения. Они могут иметь различную структуру, простейшими образованиями являются сочетания глагола с именем существительным, а также глагола, вспомогательного местоимения и существительного (*кататься со смеху* – «неудержимо смеяться», *петь аллилуйю*; *applaud to the echo* – «восторжено аплодировать»; *to tickled to death* – «умереть со смеху» [3, с. 6] и др.

- 3) Адъективные фразеологические единицы бывают двух типов: компаративные (сравнения) и не компаративные. Компаративные ФЕ имеют только

подчинительную структуру, в предложении они выступают в качестве обособленного определения или предикатива (например, *as cheer as ale, as cheer as possible, as good as rain* – «быть в хорошем настроении, быть веселым», *very well, very good* – «чувствовать себя хорошо» и др.) [3];

4) Адвербиальные фразеологизмы с точки зрения их семантических особенностей делятся на качественные и обстоятельственные. Качественные обозначают признаки процесса, т.е. характеризуют его с качественной стороны. Они подразделяются на ФЕ образа действия и ФЕ меры, степени (например, *with hall a heart, with hall a soul, with hall a spirit* – «от всей души», *up to the sky, on the seven heaven* – «очень счастливый» и др.) [3].

Из проанализированного нами языкового материала английского языка из микросистемы «Положительные эмоции человека» выявлено 95 фразеологических единиц равноправных словосочетанию, что составляет 35%. Среди них: субстантивных ФЕ было выделено 25 единиц или 9,6%; численность глагольных ФЕ составила 24 ФЕ или 9,4%; адъективных ФЕ – 23 единицы или 8% и адвербиальных ФЕ мы выявили 23 единицы или 8%. А ФЕ английского языка, которые соответствуют предложению нами было выделено 175 единиц, что в процентном соотношении составляет 65% от тотального объема исследуемых ФЕ английского языка.

Что же касается ФЕ русского языка, то в результате количественных подсчетов нами было выделено 138 ФЕ, соответствующих предложению, или 55 % от имеющегося в наличии объема ФЕ русского языка исследуемой нами микросистемы. Среди них субстантивных и глагольных ФЕ насчитывается по 35 ФЕ, что составляет по 14% фразеологизмов каждого типа от общего объема; численность адъективных ФЕ составляет 34 ФЕ, или 13,5%, и количество адвербиальных ФЕ составляет также 34 ФЕ, или 13,5%, соответственно.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в ходе проведенного исследования была дана классификация тематического поля ФЕ «Выражение чувств и эмоций», которое насчитывает 8 тематических групп.

Подсчитав частотность употребления тематических групп фразеологических единиц различных сфер человеческих эмоций в английском и русском языках, мы пришли к следующим выводам: в английском языке среди ФЕ, обозначающих положительные эмоции, незначительно превалирует употребление ФЕ тематической группы «Восхищение, восторг, радость» (138 ФЕ, 51%), а тематическая группа «Удивление, изумление» представлена в меньшем количестве (132 ФЕ, 49%). В русском языке частотность употребления тематической группы ФЕ, которые характеризуют такие эмоциональные состояния как восхищение, восторг, радость, выше по сравнению с английским языком (150 ФЕ, 60%), а фразеологические единицы тематической группы «Удивление, изумление» представлены в меньшем количестве (100 ФЕ, 40%), чем в английском языке.

При сопоставлении наблюдается разница в количественном соотношении ФЕ в двух исследуемых языках. Таковую разницу в языках можно объяснить исторически

сложившимися факторами и спецификой культурного наследия народов. Разницу в структуре исследуемых ФЕ, можно объяснить разным способом формирования слов в английском и русском языках. Английский язык аналитический, т.е. слова формируются прибавлением других частей речи к основному слову, при изменении одного слова задействованы несколько других. Русский же язык – синтетический язык, т.е. слово формируется прибавлением к основе слова разных аффиксов, изменения происходят в пределах одного слова.

Список литературы

1. Жукова Л. К. Специфика функционирования знаковых американских реалий в системе языка и речи // Культура народов Причерноморья. / Л. К. Жукова, Н. С. Стрембицкая. – 2002. – №29 – С. 87 – 91.
2. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / [авт.-сост. Козлова Т. В]. – М. : Дело и Сервис, 2001. – 208 с.
3. Англо-русский, русско-английский словарь фразеологизмов / [авт.-сост. Пархамович Т. В.]. – Минск: «Попурри», 2011. – 128 с.
4. Русская фразеология: словарь-справочник / [авт.-сост. Яранцев Р. И.] – М. : Русский язык. – Медиа, 2006. – 896 с.
5. Словарь фразеологических синонимов русского языка / [авт.-сост. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.] – М. : АСТ-Пресс Книга, 2009. – 448 с.
6. Словарь фразеологических синонимов русского языка / [под ред. В. П. Жукова] – М. : Русский язык, 1987. – 448 с.

PECULIARITY OF PHRASEOLOGICAL MICRO-SYSTEM “PERSON’S POSITIVE EMOTIONS” IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES IN CONTRASTING ASPECT (BASED ON THE MATERIALS OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Shimanovich A. N., Alieva A. D.

The article is devoted to the research of the features of phraseological micro-system “Person’s positive emotions” in the English and Russian languages. The peculiar characteristics, reasons and frequency of the use of phraseological units describing positive emotions of a person are analyzed in this research, taking into consideration the specificity of the abovementioned languages.

Key words: phraseology, positive emotions, phraseological units, phraseological micro-system, thematic field.

УДК 811.161.1=811.161.2=162.1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Щербачук Л. Ф.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: Lidiya_shch1@mail.ru*

В статье анализируются фразеологизмы русского, украинского и польского языков, отражающие национальную специфику кодирования морально-этических народных воззрений. Семантика и этимологический фон фразеологических универсалий декодируют коллективное сознание, отражают национальную картину мира и духовные ценности. Универсалия ГРЕХ была и остается одним из важнейших для обыденного сознания человека. Она регламентирует поведение и регулирует отношения индивида и социума, задавая нравственные ориентиры.

Ключевые слова: фразеологизм, нравственность, духовность, кодирование, национальное сознание.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, в XX – XXI вв. происходит переоценка нравственных приоритетов и ценностей, кумулятивные свойства языка сохранили до настоящего времени христианский компонент в лингвокультурном пространстве современных славянских языков. В последние десятилетия повышенное внимание лингвистов направлено на объяснение ментальных и психологических процессов человеческого сознания при помощи языковых средств, на изучение межъязыковых отношений и связанных с ними специфических процессов и явлений. На таком фоне особо выделяются исследования, посвященные глубинным связям между духовной культурой и фразеологией определенного народа. Бесспорно, в образной природе фразеологических единиц (ФЕ) ярко отражается национальная картина мира, мифологические и религиозные представления, в которых проявляются культурно-исторические, духовные ценности. По мнению Ю. Д. Апресяна [2], каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия, концептуализации мира, выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, а «в ФЕ как «особой форме отражения» происходит *кодирование* и *категоризация* знания в знаково-символической форме, которые одновременно обогащают его совокупным социальным опытом, упорядочивают и организуют в тех или иных косвенно-производных устойчивых сочетаниях языковых форм» [1, с. 78–79].

Объектом исследования, которое проводилось на фразеографическом материале русского, украинского и польского языков [6; 8; 11; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 20; 22; 23], является специфика фразеологического кодирования морально-этических народных воззрений. Предметом студий определена универсалия *грех*, как феномен национальной картины мира носителей языка, которая регламентирует

поведение, регулирует отношения индивида и социума, задавая нравственные ориентиры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Анализ светской и богословской литературы показывает, что *грех*, будучи одним из ключевых понятий христианства, определенным маркером нравственности, истолковывается неоднозначно даже служителями церкви, и остаются спорные вопросы, касающиеся его осмысления. Например, не установлены границы понятия *грех* и нет однозначного ответа на вопрос о том, какой из пороков считается для христианина более значимым [10].

Несмотря на то, что в религиозной философии отсутствует общепринятое понимание *греха*, его образ глубоко проник в христианскую культуру. О сущности *греха* размышляли и размышляют писатели, религиозные философы, лингвисты (Е. Бартминьский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, О. В. Ваховская, А. Вежбицкая, В. Вундт, В. И. Даль, Ф. М. Достоевский, В. Гюго, Н. О. Козина, Н. С. Лесков, Ф. Ницше, В. С. Соловьёв, Л. Н. Толстой, П. А. Флоренский и др.). Он аккумулирует базовые ценности в области мифологии, философии, религии, морали, сложившиеся в процессе развития цивилизации. Данное понятие уходит своими корнями вглубь истории. Зародившееся во времена язычества, оно стало одним из центральных понятий всех мировых религий, в том числе христианского вероучения. Для мифологического сознания *грех* есть нарушением табу. В христианстве понятие *грех* есть в основном библейским, вытекает с идеи неразрывной связи с Богом и имеет исключительно моральное содержание. Богословие детально разработало понятие первородного греха, сделало попытку определить номенклатуру, разработать классификацию грехов (Ф. Аквинский, И. Златоуст), количество которых меняется до настоящего времени (Папа Бенедикт XVI).

О важности и необходимости понятия *грех* для христианина писали Ф. Аквинский, И. Дамаскин, К. Александрийский и другие отцы церкви, религиозные писатели. Они стремились осмыслить понятие *грех* в рамках вероучения, довести его до сознания народа, а также расширить границы этого понятия. Так, Тертуллиан (II в.) ввел в терминологический аппарат церкви выражение *смертный грех* (ср. в Библии: *грех к смерти*, Первое послание Иоанна, 5:16). Степан Фиванский (VIII в.), стремясь сделать это понятие социальным, составил список греховных деяний, неприемлемых для монахов. Св. Иоанн Дамаскин (VIII в.) в трактате «Точное изложение православной веры» понятию *грех* отвел особый раздел «О боязни». Понятие *грех* имеет и естественнонаучное осмысление. *Грех* как отклонение от нормального состояния понимали В. И. Вернадский и его последователь Тейяр де Шарден, противопоставляя его *эволюции* (подробнее см.: Ю. С. Степанов [15, с. 910–918], Н. О. Козина [9, с. 293–303]).

Понятие *грех* было и остается одним из важнейших для обыденного сознания человека. Оно регламентирует поведение и регулирует отношения индивида и

социума, задавая нравственные ориентиры. Оно лично и социально, применимо к отдельному этносу и к человечеству в целом. Это понятие выступает одновременно как морально-этическая и социо-оценочная категория, которая осмысливается в разных культурах и имеет вербальное воплощение в разных языках. Подчеркнём, что ФЕ играют особую роль в создании языковой, фразеологической картины мира. Они – зеркальное отражение жизни нации, функционируют в роли культурных знаков и выступают как свёрнутые национально-культурные тексты. Фразеологизмы, как отмечает В. И. Кононенко, выступают яркой иллюстрацией эстетических и социальных ценностей, которые определяет тот или иной этнос [12, с. 34–36]. «Детерминационная зависимость сознания и культуры отражается и в ФЕ с компонентами-культурными символами. Символ как совокупность культурной информации, значение которой общеизвестно в определённой этнолингвокультурной среде, отражает культурно детерминированное этническое мировидение и является сущностью культурно-ментальной» [4, с. 102–106].

М. Л. Ковшова считает, что слово-компонент фразеологизма при этом становится своего рода культурным знаком, так как является именем культурной ситуации, именем ритуала, обряда и т.д. [3, с. 100]. Природа значения фразеологизмов тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. ФЕ приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, оценивают ее, выражают к ней отношение.

Лексикографические источники русского языка *грех* истолковывают как «поступок, противный закону Божию; вина перед Господом» [5, с. 51]. В польской этнокультуре *grzech – przekroczenie konkretnych norm moralnych i religijnych* [21]. В украинской – *грех* квалифицируется как нарушение заповедей Божьих, религиозно-моральных догм, наставлений итп.; также непорядочный поступок итп. [7, с. 157].

Основными репрезентантами понятия *грех* и его пространства во фразеологических системах русского, польского, украинского языков выступают ФЕ с одноименным компонентом *грех*, а также компонентами – производными от лексемы *грех*: *грешный, грешить*.

Следует также сказать относительно пространственных параметров рассматриваемого образа. Они в гуманитарных знаниях в основном указывают не столько на предметность, сколько на способы исследования в отдельных науках. Культурология, психология, социология, лингвистика и смежные науки выявляют историко-культурную и социальную нагрузку понятия *пространство*, ведь человек живет не в геометрическом пространстве. Органическая среда обитания человека не исчерпывается научной картиной мира, а требует описания при помощи языка, который отражает ежедневный опыт человека.

Исследования показали, что кодифицированная русская и украинская фразеология отражает как нравственное Новозаветное осмысление пространства *греха*, в соответствии с которым *грех* связан с духовной деятельностью человека и воспринимается как нарушение нравственных установок, моральных правил (например, укр. *набиратися гріха*. Робити те, що заборонено нормами

християнської моралі), так и старозаветное, где понятие *грех* пребывало в правовой сфере (например, русск. *не без греха*. Разг. 1. Не совсем честно, с нарушением закона, обязанностей, правил; кто-либо не совсем честен. 2. Кое-как, с ошибками; *падёт грех на голову*. Устар. Прост. Кто-либо будет обвинен в чём-то; наказан за что-либо; укр. *не минути гріха*. Вчинити щось недозволене, що має погані наслідки).

Полисемические ФЕ: русск. *брать грех на душу*, укр. *брати гріх на душу*, – отражают нравственную и правовую сферы *греха* (новозаветное и старозаветное).

Примеры свидетельствуют, что в сознании христиан закрепилось представление о том, что нравственные, моральные нормы могут нарушаться субъектом «добровольно»: русск. *есть (был) грех, долго ли до греха*. А также к нарушениям морально-этических норм можно побуждать субъекта, провоцировать: укр. *приводити до гріха кого, наводити на гріх кого і без додатка, підбивати на гріх, доводити/довести до гріха кого і без додатка*; польск. *warta grzechu*. żart. O kobiecie рęknej, росіагајасej.

Не менее важным является тот факт, что *грех* можно предупредить, усилием воли не допустить грехопадения: укр. *відійти від гріха*.

Важной особенностью культурных констант является **образное** их представление посредством их же признаков. ФЕ русского, украинского и польского языков подтверждают, что в христианском сознании сложилось представление о квалификации грехов, и классифицируют их таким образом: 1) **первородный**. Так, во Фразеологическом словаре старославянского языка первородный *грех* именуется *грехом Адама*. В польском языке фразеологизм *grzech pierworodny* обозначает прапричину зла; 2) **обычные**: русск. *вот (экой) грех*; 3) **главные**: польск. *grzechy główne*; 4) **страшные, тяжкие**: русск. *грехи мои (наши) тяжкие*, польск. *grzech ciężki*; 5) **смертные**: русск. *смертельный (смертный) грех*. С точки зрения схоластической догматики в христианской религии – это грех, который нельзя искупить и который влечет за собой после смерти вечную муку в аду. Таких грехов семь: зависть, скупость, блуд, объедение, гордость, уныние, гнев [16, с. 162–163].

Так, **смертный грех** ассоциируется с нарушением заповедей (польск. *grzech śmiertelny* – przekroczenie przykazania w rzeczy ważnej z pełną świadomością i dobrowolnie), соизмеряется с неприятным, пренебрежительным отношением к кому-либо или чему-либо (русск. *как смертный грех дурач, страшен*; польск. *brzydki jak grzech śmiertelny, jak siedem grzechów (głównych)*; укр. *як смертний гріх* зі сл. *поганий, гидкий* і т. ін. *зневажл.*

Грехи также можно характеризовать по возрастному признаку: русск. *грех юности*. Безрассудные ошибки, совершённые по неопытности, незрелости, незнанию; польск. *grzechy młodości*. Czyny wykraczające przeciw przyjętym normom postępowania, popełnione w młodym wieku nie w pełni świadomie, a mające mieć skutki w różniejszym życiu. Следует отметить, что понять всю информацию, заложенную во ФЕ, можно при анализе определённых словарных статей фразеологических тезаурусов славянских языков. Как видим, в семантике польского фразеологизма заложена информация о том, что грехи молодости могут иметь последствия в

дальнейшей жизни... А могут и не иметь?! Ответ находим и во Фразеологическом словаре старославянского языка, и в Энциклопедическом словаре библейских фразеологизмов, где авторы указывают на двойное отношение Библии к грехам молодости: снисходительное, принимающее во внимание недостаток разума, свойственный юности, и неумение управлять своими страстями, или осуждающее безо всякого оправдания и снисхождения. Например, в 24 псалме Давида говорится об обращении его к Богу с просьбой о прощении юношеской связи с Версавией, замужней женщиной, как не сознательное нарушение Божьей заповеди, а бессознательное юношеское увлечение. И Давид не наказан. В Книге Иова описан противоположный случай: Иову Бог вменяет грех юности [6, с. 161]. Именно такой исход отражает польская пословица *grzechy młodości każe Bóg w starości*.

От первородного греха христианин омывается в таинстве крещения, но со временем искушается новым грехом [7, с. 157–158]. ФЕ свидетельствуют, что грешение на обыденном уровне не только привычно, но может быть и неизбежным фактом: польск. *żyć w grzechu*; укр. *не розминутися з гріхом; впадати в гріх, увійти в гріх*. В польских фразеографических источниках *grzech* также квалифицируются как *свои* и *чужие*: *za jakie, za czyje grzechy*. Русская и украинская фразеология отражают закрепленную в христианском вероучении возможность искупления как своих, так и чужих грехов: а) добрыми деяниями: укр. *споконтувати свої гріхи, рятувати грішну душу*; б) чистосердечным признанием вины, ошибок и рассказыванием: русск. *ничего греха таить, что (чего) греха таить*; укр. *нічого гріха таїти*.

Аксиологическое пространство *греха* реализует универсальные оппозиции нравственно-этического порядка *хорошо / плохо*. Категорию *плохо* репрезентируют фразеологизмы: русск. *как на грех*; укр. *як на гріх*. Категорию *хорошо* – русск. *не грех*; укр. *не гріх*.

В ментальном пространстве христиан *грех* метафорически представляется как некая вещная сущность, которой присущи физические характеристики: 1) лица: русск. *грех попутал кого*; 2) предмета. *Грех*, как и любую вещь, можно положить, переложить: русск. *хватить греха на душу*; укр. *покласти гріх на кого; положити гріх на душу*. Польская фразеология фиксирует «присутствие» *греха* и в отсутствии чего-либо: *grzeszyć brakiem czegoś* (отличаться отсутствием какой-то черты, обычно дополнительной) или *nie grzeszyć tołentem, odwagą, punktualnością, urodą*, itp (не иметь таланта, ума, смелости, не отличаться пунктуальностью, красотой итп). *Грех* имеет объем, центр (польск. *jaskinia grzechu*), занимает соответствующее пространство, в которое можно войти (укр. *увійти в гріх*), его можно обойти (укр. *далі від гріха*) или обязательно встретить на своём пути (укр. *не розминутися з гріхом*).

ВЫВОД

Таким образом, образ *греха* имеет широкое семантическое пространство в русском, польском, украинском языках в виде кодифицированных во ФЕ с

компонентом *грех* признаков отношения к морально-нравственным ценностям христиан. Семная структура ФЕ с компонентом *грех* маркирует морально-этические нормы, которые выступают как соответствующие эталоны и лежат в сфере мотивированного поведения христианина.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и свете современных лингвистических парадигм : Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М., 1974. – 367 с.
3. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
4. Гутовская М. С. К вопросу о национальном во фразеологизме // Материалы XXXIX Международной филологической конференции «Фразеология и языковая динамика» / Под ред. Проф. Мокиенко В. М. и доц. Савченко А. В. – Greifswald – Санкт-Петербург, 2011. – С. 102–106.
5. Даль В. И. Большой иллюстрированный словарь русского языка: современное написание. – Москва : Астрель, 2010. – 992 с.
6. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
7. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : Словник-довідник [Текст] / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
8. Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка / Жуков А. В. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 603 с.
9. Козина Н. О. Грех // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Москва : Гнозис, 2007. – 512 с.
10. Козина Н. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц) [Текст] : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. О. Козина. – Иваново, 2003. – 20 с.
11. Коломієць М. П. Словник фразеологічних синонімів / М. П. Коломієць, Є. С. Регушевський; За ред. В. О. Винника. – К.: Винника. – 1988. – 200 с.
12. Кононенко В. І. Українська лінгвокультурологія : Навч. посіб. [Текст] / В. І. Кононенко. – К. : Вища шк., 2008. – 327 с.
13. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. [Текст] / К. М. Гюлюмянц. – Мн. : Экономпресс, 2004. – Т. 1. А–М. – 688 с. – Т. 2. N–Z. – 718 с.
14. Словник фразеологізмів української мови [Текст] / уклад. В. М. Білоноженко, Гнатюк І. С., Дятчук В. В. та ін.; [відпов. ред. В. О. Винник]. – К. : Наукова думка, 2008. – 1104 с.
15. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
16. Фразеологический словарь русского литературного языка : В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. М. : Цитадель, 1997. Т. I. – 391 с., Т. II. – 396 с.
17. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Научно-исследовательская лаборатория МаГУ: отв. ред. С.Г. Шулешкова, члены редколлегии: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 424 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / Под редакцией А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.
19. Bąba S. Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego / S. Bąba, G. Dziamska, J. Liberek. – Warszawa, 1998. – 775 s.
20. Gordyń J. Od Adama i Ewy zaczynać : mały słownik biblizmów języka polskiego / Jan Godyń. – Warszawa, 2006. – 215 s.

21. Grzech. Электронный ресурс. Режим доступа : <http://pl.wikipedia.org/wiki/Grzech> (дата обращения: 10.10.2015).
22. Kłosińska A. Słownik frazeologiczny PWN / Anna Kłosińska. – Warszawa, 2011. – 654 s.
23. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami / Oprac. Anna Kłosińska, Elżbieta Sobol, Anna Stankiewicz. – Warszawa : PWN, 2005. – 594 s.

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF MORAL AND ETHIC MARKERS IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND POLISH LANGUAGES

Shcherbachuk L. F.

The article analyzes the phraseologisms of Russian, Ukrainian and Polish languages, reflecting the national specifics of coding of moral and ethic folk views. Semantics and etymological background of phraseological universals decode the collective consciousness, reflect the national picture of the world and spiritual values. The universal SIN has been and remains one of the most important for the ordinary human consciousness. It orders the behavior and regulates the relations of the individual and society, setting moral guidelines.

Key words: phraseologism, morality, spirituality, coding, national consciousness.

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

УДК 81'373.7: 811.161.1'111'134.2

ЗООНИМЫ «СОБАКА», «DOG», «EL PERRO» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Гладких О. И., Величко М. И.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: sakhnova82@yahoo.com*

В статье представлен комплексный сопоставительный анализ зоонимов собака / dog / el perro в русской, английской и испанской лингвокультурах. Данные зоонимы рассмотрены в функции вторичной номинации на лексическом и фразеологическом уровнях. В результате исследования выявлены сходства и отличия в отражении представлений о человеке и окружающем мире в этническом сознании представителей данных лингвокультур.

Ключевые слова: языковая картина мира, зооним, зоометафора, лингвокультура, фразеологическая единица.

ВВЕДЕНИЕ

Для лингвокультурологии и близкой ей по предмету изучения этнолингвистики принципиально важным является вопрос концептуализации мира в языковом сознании, что и называется языковой картиной мира. «Языковая картина мира – это отраженный средствами языка образ сознания-реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком, который является основой языкового воплощения словесной концептуализации совокупности знаний человека о мире» [6, с. 49].

С точки зрения лингвокультурологии язык является неотъемлемой частью национальной культуры. Невозможно в полной мере осознать и понять культуру нации без глубокого изучения семантики языка, что дает понимание об образе мышления нации, ее мировоззрении и особенностях менталитета. В лексике любого языка особое место занимают зоонимы и зоометафоры как их семантическое переосмысление, так как они отражают различия в культурных представлениях различных наций.

Целью исследования является сопоставление зоонима собака / dog / el perro в русской, английской и испанской лингвокультурах, а также анализ фразеологических единиц (далее – ФЕ) с этим зоонимом. Данная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) проанализировать производные значения зоонимов собака / dog / el perro; 2) описать ФЕ с данными зоонимами; 3) провести сопоставительный анализ этих зоонимов в русской, английской и испанской лингвокультурах.

На основе анализа словарных статей толковых и фразеологических словарей русского, английского и испанского языков [1; 2; 3; 5; 7; 9; 10] были выявлены признаки, формирующие стереотипные образы животного собака в трех лингвокультурах.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Зооним включает ряд коннотативных значений, которые являются результатом метафорического переноса, основанного на сравнении и сопоставлении предметов и явлений, при этом новое значение слова является результатом ассоциативных связей [4, с. 33].

Семантическая структура зоонима, помимо прямого обозначения зверя, включает ряд значений, которые являются результатом метафорического переноса признаков одушевленных существ на человека. Рассмотрим ряд метафорических значений слова *собака* и фразеологизмы с данным зоонимом в русском языке.

Собака: 1. Злой, грубый человек (разг.); 2. Знаток, ловкий в каком-либо деле человек (прост.). В русском языке также существует ряд выражений с данным зоонимом, которые обычно иллюстрируют условия жизни человека, его привычки и поведение в быту: *собаке собачья смерть* (о том, кто прожив недостойную жизнь, не заслужил достойного конца); *собака на сене* (о том, кто, имея что-нибудь, не пользуется этим сам и не даёт пользоваться другим); *как собаке пятая нога нужен* (абсолютно не нужен); *собака лает, ветер носит* (пусть говорят, осуждают, не стоит обращать внимания).

Следует отметить, что ФЕ с компонентом «собака» маркируют отрицательные качества человека, проявления враждебной повседневности. Однако существует и положительная коннотация данного зоонима, которая прослеживается во фразеологизме «*Собака – друг человека*», так как собака одно из первых животных, которое было приручено человеком, которое способно вместе с ним жить и прислуживать ему.

В английском языке зооним *dog* также имеет несколько коннотативных значений. Dog: 1. Собака, подлец, сволочь, скотина, как, например, в словосочетаниях *dirty dog*, *jolly dog*, *lazy dog* (подлец, негодяй; весельчак, дамский угодник; лентяй соответственно); 2. (сленг) тот, кто стоит на стреме. 3. (сленг) стукач, доносчик. В английском сленге также широко распространено обозначение некрасивой девушки или женщины при помощи данного зоонима.

В отличие от русской лингвокультуры в английской, кроме аналогичного русскому выражения *dog's life* (собачья жизнь) есть ряд устойчивых словосочетаний, указывающих на профессиональные привычки человека, например: *attack dog* – свирепый критик, цепной пес; *watch dog* – ведущий наблюдение; лицо или группа лиц, следящие за тем, чтобы компании, фирмы не совершали противозаконных или безответственных действий, а также *top dog* – хозяин положения.

Рассмотрим еще ряд примеров, отображающих негативные качества человека и отрицательные социальные реалии: *to put on the dog* – важничать; держать себя высокомерно; *dog-and-pony show* – цирк; показуха; *the black dog is on one's back*

(*have the black dog on one's back*) – хандрить, находиться в состоянии уныния, меланхолии; *dogs of war* – бедствия, ужасы войны; *sick as a dog* – плохо себя чувствующий; *to go to the dogs* – гибнуть, разоряться; *to throw to the dogs* – выбросить за негодностью; *not even a dog's chance* – ни малейшего шанса; *to let a sleeping dog lie* – не буди лихо пока оно тихо; *dog doesn't eat dog* – свой своего не обидит; *dog in the manger* – собака на сене.

Интересно, что наряду с фразеологизмом *dog doesn't eat dog* (свой своего не обидит) в английском языке функционирует идиома *dog eat dog* (человек человеку волк), которая нередко встречается в сочетании со словом "society": *a dog-eat-dog society* (об обществе, которое характеризуется бесчеловечностью и жесткой конкуренцией).

Хотя такие ФЕ, как *dog's life* (собачья жизнь), *to die a dog's death* (собаке собачья смерть), несут пессимистический настрой, существует распространенное выражение *every dog has his day* (будет и на нашей улице праздник), которое указывает на то, что несмотря на все трудности собачьей жизни, в жизни собаки все же бывают и положительные моменты.

В испанском языке зооним *el perro* (собака) обозначает следующее:

Perro: 1. Бранное обозначение человека без конкретизации признака, положенного в основу номинации; 2. (прил.) плохой, недостойный, злой, раздражительный (о человеке); 3. Гадкий человек; 4. Неверный, вредный человек, который стремится обмануть кого-то; 5. Настойчивый, упорный, непоколебимый в своем мнении человек; 6. (глагол) сильно раздражать.

Рассмотрим идиоматические выражения с зоонимом *el perro* (собака): *vida de perros, vida perra* – собачья жизнь; *frio de perros* – собачий холод; *echar a perros* – разбазаривать, переводить, швырять; *morir como un perro* – умереть как собака; *tratar a uno como a un perro* – обращаться с кем-либо, как с собакой.

В еще большей степени метафорический потенциал зоонима *el perro* (собака) демонстрируют такие ФЕ с этим компонентом, как: *muerto el perro, se acabó la rabia* – умерла собака, закончилась и ярость (что-то плохое заканчивается, когда устраняется причина этого); *Es como el perro del hortelano: ni come, ni deja comer al amo* – он (а) как собака садовника: сам не ест, и хозяину не дает (ни себе ни людям); *Quien con perros se echa, con pulgas se levanta* – кто ложится с собаками, с блохами поднимается (с кем поведешься, от того и наберешься); *Perro ladrador, poco mordedor* – собака лает, да не кусает (несмотря на то, что собака может создать много шума, серьезного вреда не нанесет); *Como los perros en misa* (как собаке пятая нога).

Общность образной словесной сферы языков показывает, что метафора как сегмент национальной лингвокультуры является универсальным орудием мышления и познания мира в различных сферах деятельности человека [8, с. 1493]. Универсальный характер зооморфных метафор в исследуемых языках проявляется в переносных значениях лексем "собака" / "dog" / "el perro", которые указывают на подлого, злого человека. Негативная коннотация данного зоонима уточняется и усиливается в составе ФЕ *собачья жизнь* – *a dog's life* – *vida de perros*; *сдохнуть как собака* – *to die like a dog* – *morrir como un perro*.

В результате сопоставительного анализа ФЕ с зоонимами *собака / dog / el perro* помимо схожих характеристик были выявлены и отличия, обусловленные разными структурными компонентами данных идиом. Таким образом, некоторые ФЕ являются лишь частично эквивалентными. Например: *жить как кошка с собакой – to lead a cat-and-dog life* (букв. вести жизнь, как кошка с собакой) – *ser perros y gatos en su costal*; (букв. быть, как собаки и кошки на коврике); *Как собака на сене – dog in the manger* (букв. собака у яслей, кормушки) – *Es como el perro del hortelano: ni come, ni deja comer al amo*; (букв. как собака садовника: не ест и хозяину не дает).

Сопоставительный анализ зоонимов *собака /dog / el perro* в русской, английской и испанской лингвокультурах является необходимым в рамках комплексного исследования образных единиц для дальнейшего определения общих и отличительных черт соответствующих национальных картин мира.

ВЫВОД

Зоонимы представляют собой сложные языковые единицы, которые обладают значительным информативным потенциалом. Благодаря своей способности служить в качестве вторичного наименования зоонимы выполняют оценочную функцию, характеризуя человека с разных сторон, а именно: со стороны внешнего вида, его интеллектуальных способностей, поведения и поступков. При изучении иностранных языков широко используется сопоставительный анализ зоонимов для выявления культурных особенностей изучаемого языка, а в теоретическом аспекте – для выявления общих и отличительных черт в различных национальных картинах мира.

Список литературы

1. Блог об изучении иностранных языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvaroom.ru/vyrazheniya-so-slovom-sobachij/> (дата обращения: 28.09.15).
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Наука, 1995.– В 4-х т.
3. Ефремова Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
4. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/kassirer-90.htm> (дата обращения: 28.09.15).
5. Кунин А. В. *Англо-русский фразеологический словарь* / А. В. Кунин. – М.: Русский язык, 1984.– 944 с.
6. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К.: Знання, 2004. – 327 с.
7. Нестеренко Н. М. *Смак до життя по-англійськи: навчальний посібник* / Н. М. Нестеренко. – Вінниця: Нова книга, 2005. – 159 с.
8. Самарин А. В. Зоометафоры в русской и английской лингвокультурах / А. В. Самарин // *Фундаментальные исследования*. – Вып. 8. – 2013. – С. 1491–1494.
9. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 23.05.2013).
10. <http://www.classes.ru/all-spanish/dictionary-russian-spanish-essential-term-17866.htm> (дата обращения: 28.09.15).

**ZOONYMS “СОБАКА”, “DOG”, “EL PERRO” IN THE
RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH LINGUOCULTURES**

Gladkikh O. I., Velichko M. I.

The article presents a comprehensive comparative analysis of zoonyms собака / dog / el perro in the Russian, English and Spanish linguocultures. These zoonyms are considered in the function of secondary nomination on the lexical and phraseological levels. The research reveals similarities and differences in the reflection of ideas about the man and the surrounding world in the ethnic consciousness of representatives of these linguocultures.

Key words: linguistic picture of the world, zoonym, zoometaphor, linguoculture, phraseological unit.

УДК 81.38:82.92

К ВОПРОСУ О ТРОПАХ КАК СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В МЕДИАТЕКСТАХ

Малярчук-Прошина У.О.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: maljarchuk.uljana@rambler.ru*

Современный этап развития общества характеризуется особой ролью средств массовой информации, поскольку именно они становятся основной сферой реализации значимой для социума и отдельных индивидов видов коммуникации. Медiateксты в значительной мере влияют на мышление индивида, формируя современную медиакартину мира, в связи с этим исследование проблемы языкового выражения оценочного значения в текстах современных СМИ представляется актуальным. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей реализации оценочности в медiateкстах на лексическом уровне посредством тропов.

Ключевые слова: оценочность, медiateкст, тропы, лексический уровень языка.

ВВЕДЕНИЕ

Для достижения максимального воздействия на целевую аудиторию в текстах СМИ активно используются изобразительные средства языка. Одним из наиболее распространенных средств выражения оценочности в медiateкстах является метафора. Исследователи отмечают, что ассоциативно-образные связи слов, формирующие особую метафорическую двуплановость высказывания и предающие ему экспрессивность, используются для реализации коммуникативно-прагматической ориентации индивида, для передачи собственного эмоционального отношения к явлению действительности, для его оценки. В текстах СМИ метафора в первую очередь выполняет волюнтаривную (способ влияния на адресата) и оценочную функции. В основе оценочной метафоры лежат стереотипы мировосприятия, характерные для представителей конкретной ментальности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Экспрессивно-оценочные метафоры в общественно-политическом дискурсе формируются посредством отдельных сем либо смысловых ассоциаций, позволяющих выразить положительную или отрицательную характеристику предмета, явления или лица с помощью определенной номинации. По мнению Лакоффа Дж. и Джонсона М., всей деятельностью человечества управляют созданные им же метафоры[4]. Следует отметить, что образы, в которых осмысливается окружающая действительность, в подавляющем большинстве, являются стабильными и универсальными в рамках конкретной культуры. Например: Привычка заедать стрессы сладостями постепенно превращается в

зависимость, которая влечет за собой быструю прибавку в весе, потерю стройности и появление целлюлита [1К, №377, 10-16 июня 2011]; Газеты закрываются, множатся почкованием, а порой их просто стирают с лица земли [1К, №380, 1-7 июля 2011]; Не феникс, конечно, но все же мечтает возродиться в новом качестве и государственная телекомпания «Крым» — одна из двух ТРК полуострова с наибольшей зоной покрытия [1К, №380, 1-7 июля 2011]; Каждая новая власть кроит историю по своему любимому размеру, подтверждая мысль, что летописи пишутся не пером, а сапогом победителя [1К, №392, 23-29 сентября 2011]; Вполне возможно, эти обоюдные желания встретились и породили информационные волны, которые с монотонностью морского прибоя ударяются о двери приемной Администрации президента и о самих кандидатов на премьерский пост [1К, №398, 4-10 ноября 2011]; Как оказалось, Дмитрий Кузин (имя и фамилия изменены) был темной лошадкой [1К, №398, 4-10 ноября 2011].

Метафора, способствуя реализации главной функции публицистического стиля – воздействующей – может рассматриваться как одна специфических черт указанного стиля. Динамический характер публицистики способствует тому, что неактуальные метафоры выходят из употребления, в то же время создаются и входят в активный обиход новые, отражающие текущие общественные процессы. Большая часть метафор в медиатекстах воспринимается как словесные формулы, частотность их использования привела к тому, что метафоричность выражения перестала восприниматься носителями языка: И не только в сфере предпринимательской деятельности, но и в повседневных отношениях с чиновниками, правоохранителями, судебной системой, да и вообще – со всеми ветвями власти [ЗН, №01, 15 января 2010]; А позже, уже отчасти спонтанно, получилось, что временные рамки приближаются к ХХ в. [ЗН, №01, 15 января 2010]; Подобные факты там рассматривали как элемент публичного давления на организацию [ЗН, №01, 15 января 2010]. У многих еще не стерлось из памяти, как несколько лет назад тогдашний первый вице-премьер и министр финансов Азаров, комментируя изменения ИПЦ за месяц, с укоризной подчеркнул, что граждане по достоинству не оценили снижение цен на капусту на 37% [ЗН, №34, 23-30 сентября 2011].

Проведенный нами анализ показал, что в медиатекстах метафора выступает как эффективное оценочное средство. Яркие метафорические образы формируют своеобразие текстов СМИ, повышают интерес к ним аудитории, дают возможность более точно передать мысль автора, его чувства и видение мира.

Близким к метафоре тропом является персонификация (метафора олицетворения). Данный троп заключается в перенесении на неживой предмет функций живого лица[1]: При этом, что любопытно, НБУ разрешает продавать в день в одни руки в 2 раза больше валюты, чем дозволялось ранее. Вероятно, хочет поименно знать, у кого в стране есть деньги [1К, № 392, 23 - 29 сентября 2011]; Минагропрод Крыма совместно с Рескомводхозом посчитали, что по состоянию на 1 октября нынешнего года на полуострове осталось только 164,7 тыс. га поливных земель, что составляет 41% некогда орошаемых 397,3 тыс. га, на долю которых приходилось 22% всех угодий [1К, №396, 21-27 октября 2011]; А госбюджет молчит

[1К, №396, 21-27 октября 2011]; Кадровый портал *rabota.ua* в этом году провел опрос относительно того, как расходуют украинцы рабочее время [1К, №397, 28 октября-3 ноября 2011]; В самый канун великого праздника Победы в мае 2005 года Судак всколыхнула шокирующая новость: в центре города было совершено разбойное нападение на отделение одного из крупных украинских банков [1К, №398, 4-10 ноября 2011]; Вполне возможно, эти обоюдные желания встретились и породили информационные волны, которые с монотонностью морского прибоя ударяются о двери приемной Администрации президента и о самих кандидатов на премьерский пост [1К, №398, 4-10 ноября 2011]; Шутки переедут во дворец [1К, №401, 25 ноября-1 декабря 2011]; Крымская филармония решила доказать друзьям и недругам, что она жива, сердешная [1К, №402, 2-8 декабря 2011]; Эксперты, изучившие публикации в крымской прессе, считают, что газеты практически единогласно наводят читателя на мысль о том, что неравенство полов было, есть и будет и не стоит менять традиционные взгляды общества на него [1К, №402, 2-8 декабря 2011].

В текстах СМИ для выражения оценки активно используется синекдоха, т.е. прием – переноса наименования с целого на его часть либо наоборот: А московские артисты радуют выступлениями не только Симферополь [1К, №399, 11-17 ноября 2011]; В нынешнем году по приказу Госземагентства Рескомзем Крыма провел 19 проверок соблюдения лицензионных условий, по результатам которых 6 лицензий были аннулированы [1К, № 398, 4-10 ноября 2011]; Крым и Турция решили заманить в Черное море азиатских туристов [1К, №399, 11-17 ноября 2011].

Данный тип синекдохи проникает в медиатексты из жаргона или создается автором для выражения саркастического отношения к описываемым явлениям или событиям. Еще одной разновидностью этого тропа является синекдоха числа, которая в Словаре лингвистических терминов трактуется как указание на единичный предмет для обозначения множества либо наоборот [1]. Использование такого тропа позволяет повысить стилистический ранг высказывания, так как единичный предмет, который соединяет в себе черты многих подобных предметов, может существовать исключительно как абстракция, некий идеальный конструкт. Соответственно, для описания умозрительного, идеального мира используются тексты высокого стиля. Например: Указ оптимисты оценивают как хороший импульс для ударного труда российского пахаря на весенней борозде [1К, №365, 11-17 марта 2011].

Для материального мира характерно наличие антиподов, противоположностей. Четко очерченные, остро выраженные противоположности в объективной реальности составляют контрасты. Язык, отражая объективную действительность и будучи неотъемлемой частью этой действительности, также содержит контрасты. Чабаненко В. отмечает, что языковой контраст – это «не просто объективная лингвистическая универсалия, но и универсалия лингвостилистическая, порожденная субъективными речеобразующими усилиями говорящего в его поисках экспрессивных средств выражения» [6, с.13-14].

Среди средств экспрессивного контрастирования, используемых в медиатекстах, на наш взгляд, следует особо выделить оксюморон. Оксюмороном

лингвисты называют «намеренное соединение слов с противоположными или просто взаимоисключающими значениями для выражения нового ценностного понятия или отдельного явления, в оригинальной форме привлекая внимание к его противоречивой природе» [5]. Данный троп позволяет сделать высказывание более оригинальным и экспрессивным: Вот только убедить их в этом будет крайне сложно: очевидное несоответствие бодрых официальных цифр летящим вверх ценам в магазинах и на рынках давно стало грустным анекдотом [ЗН, №1, 15 января 2010].

Проведенный нами анализ медиатекстов показывает, что оксюморонные сочетания в них встречаются в небольшом количестве, при этом большая их часть используется как средство образного осмысления и оценки действий индивида, его поступков: верующий безбожник, честный аферист, самолюбивый альтруист, отважный трус и т.д.

Для языка СМИ характерно использование аллегории, проникающей и в медиатексты из устной публичной речи. Под аллегорией принято понимать «способ повествования, при котором буквальный смысл целостного текста служит для того, чтобы указать на переносный смысл, передача которого является подлинной целью повествования» [1]. Например: Ющенко бросает вызов судьбе. А она его вызов не принимала – такая капризная дама, уступала ему без боя. Может, не хотела связываться [ЗН, №35, 30 сентября-7 октября 2011]. Использование аллегории позволяет придать мысли об абстрактных сущностях больше конкретики и образности.

Активно используются в современных СМИ эпитеты: А экстатическое восхищение Колчаком или Деникиным, чьи армии усеяли еврейскими трупами половину Украины?; Более расторопный арендатор, собрав вместе, к примеру, 5 тыс. гектаров пашни, не дожидается окончания десятилетнего срока аренды, а переоформляет документы на другого «пана» [ЗН, №01, 15 января 2010]; На меня вся эта история навеяла грустные раздумья о ментальных чертах постсоветского рядового украинца; И эту массовую идеологию страха и зависти нынешнее украинство и получило в наследство от поколений манкуртизированных «советских человек»; Ведь тебе не хватает, нет, даже не ума или сил, а прежде всего смелости и отваги в условиях украинской беспредельной законодательной, судебной, прокурорско-ментовской, чиновничье-коррупционной действительности вести собственное прибыльное дело [ЗН, №01, 15 января 2010].

Демократизация средств массовой информации привела к формированию нового образа читателя, выступающего в роли независимого наблюдателя, который не принимает прежнюю систему ценностей и готов подвергнуть все получаемые сведения критическому анализу. Это приводит к увеличению роли антифразиса – употребление слова или выражения, несущего в себе оценку, противоположную той, которая явствует из контекста [1]: Конечно, добытых в родном городе денег Евгению хватило ненадолго, поэтому он продолжил свои криминальные подвиги [1К, №401, 25 ноября-1 декабря 2011]; Разомлевшая от рассказов «студента» барменша, не заподозрив ничего плохого, вручила будущему гениальному юристу свой телефон [1К, №401, 25 ноября-1 декабря 2011].

Принято выделять две разновидности антифразиса: иронию (завышение оценки с целью ее понижения) и мейозис (занижение оценки с целью ее повышения) [1]. Например, фраза: Короче, налицо некоторый повод для ликования крестьянства [1К, №216, 14-20 марта 2010] – явно является ироничной, т.к. слово «ликование» относится к высокому стилю и содержит завышенную оценку бытового явления, которое оно называет. Или: И нынешняя рядовая украинская мелкая и средняя буржуазия ведет перманентную и отнюдь не равную борьбу с постсоциалистическим по своей сути государством, которое под благожелательный «одобрямс» люмпена стремится подавить проклятых буржуинов [ЗН, №1, 15 января 2010]; Как-то на одной из помоек наш герой увидел бывшую одноклассницу Машу. После трогательной встречи в столь «романтическом» месте Маша с Сергеем стали жить вместе [1К, №398, 04-10 ноября 2011]. Напротив, в предложении: Мы (Эквадор. – У.М.) чувствуем свою вину за то, что банановая кожура очень часто появляется на московских улицах [1К, №365, 11-17 марта 2011] наблюдаем подчеркнута заниженную самооценку, т.е. используется прием мейозиса.

Авторы медиатекстов прибегают и к использованию сарказма, как наиболее жесткого выражения иронии, например: Затем: новенький кандидат в президенты вышел на улицу пообщаться в капелистый апрельский день с народом, часть которого охраняли спецслужбы, да так бдительно, что улица Шевченко была запружена спецмашинами и людьми в добротных черных пальто [ЗН, №09, 06-09 марта 2010].

Аллюзию в строгом смысле нельзя отнести к тропам и фигурам. Она является особым приемом текстообразования, который заключается в соотношении создаваемого текста с определенным прецедентным фактом – литературным либо историческим. Аллюзия представляет собой намек на известные обстоятельства или тексты [2], что приводит к возникновению у высказывания помимо буквального смысла еще и второго плана, актуализирующего у адресата те или иные воспоминания, ассоциации. Текст в данном случае приобретает второе измерение, «встраивается» в культуру, для описания такого явления был введен термин «вертикальный контекст» [3], например: Механизма не совершенного, бесспорно, имеющего свои недостатки, однако отличающегося по своему уровню от нормативных гарантий защиты прав украинских плательщиков налогов, примерно как Гаагский трибунал от Суда Божьего в Древней Руси [ЗН, №1, 15 января 2010]; Все счастливые жители нашей деревни похожи друг на друга, а несчастные? Каждый по-своему [ЗН, №29, 14-20 августа 2010] (отсылка к роману Толстого Л. Н. «Анна Каренина – «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»); После августа девяносто первого в одно мгновение не стало трех китов, на которых все держалось: рухнула партия, развалилось союзное государство, приказала долго жить социалистическая ориентация. Все смешалось в России [1К, №365, 11-17 марта 2011] (отсылка к роману Толстого Л. Н. «Анна Каренина» – «Все смешалось в доме Облонских»).

ВЫВОДЫ

Медиатексты призваны отражать все актуальные проблемы жизни общества. Для более эффективного воздействия на адресата и достижения поставленных целей в языке СМИ используется широкий спектр лексических средств выражения оценки, в том числе стилистические и изобразительные средства. Выражение оценки в исследуемых текстах осуществляется посредством единиц, возникших вследствие образно-переносного употребления. Использование стилистически окрашенных единиц позволяет придать описываемым явлениям или событиям оценку – положительную или негативную, обозначить определенные эмоции, увеличить экспрессивность.

Список литературы

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010. – 486с.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. — 1308 с.
3. Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст :дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / Т.Я. Кузнецова. – Архангельск, 1995. – 367 с.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон – М. : изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
5. Русский язык :энциклопедия [Текст] / Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук ; гл. ред., [авт. предисл.] Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос.энцикл. : Дрофа, 1997. – 703 с.
6. Чабаненко В. А. Стилїстикаекспресивнихзасобівукраїнськоїмови [Текст] : монографія / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 351 с.

TO THE QUESTION ABOUT TRAILS AS A MEANS OF EXPRESSION OF EVALUATION IN MEDIA TEXTS

Maliarchuk-Proshina U. O.

The modern stage of society development is characterized by the special role of the media, as they become a major area of implementation is significant for the society and separate individuals types of communication. Media texts have a considerable impact on the thinking of the individual, forming medicatino modern world, due study of the problem of linguistic expression of the estimated values in the texts of modern mass media seems relevant. The purpose of this article is consideration of features of the implementation of evaluation in media texts at lexical level by means of tropes.

Key words: assessment, mass media text, trope, figure of speech, lexical level of language.

УДК 81'272

ОТРАЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМ ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Шиманович А. Н., Рейзова Э. М.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: panther1401@yandex.ua, elvinareizova@mail.ru*

Данное исследование посвящено изучению средств отражения явления терроризма на материале англоязычных СМИ. Соответственно, в работе произведён анализ языковых средств современного английского языка, способствующий выявлению восприятия явления «терроризм» современными англоязычными периодическими изданиями, формирующими мнение общественности в отношении данного феномена. Полученные результаты могут быть применены на лекционных и семинарских занятиях по направлениям: «социолингвистика», «политическая лингвистика», «журналистика».

Ключевые слова: феномен, терроризм, языковые средства, анализ, СМИ, конструирование, отношение

ВВЕДЕНИЕ

Следует отметить, что история терроризма насчитывает века. Из этого следует, что терроризм являлся верным спутником развития человеческого общества в течение длительного времени. Но, именно в настоящее время наблюдается явление эскалации терроризма, что не могло не повлечь за собой определённую реакцию и отражение данного феномена масс-медийными средствами информации [5; 7; 4].

Цель исследования состоит в анализе языковых средств, отражающих явление терроризма в современных англоязычных СМИ.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих **задач**:

- Отбор лексико-семантических языковых единиц, связанных с рассматриваемым феноменом
- Контент-анализ и классификация языковых средств, отражающих изменения в восприятии явления терроризма
- анализ тематики отобранных статей.

Методика исследований. В работе использовались следующие методы и подходы: метод кейс-исследования для отбора статей, отражающих террористические события в англоязычных СМИ; метод контент-анализа, способствующий определению настойчиво повторяющихся образов, связанных с концептом терроризма; всеобщий философский диалектический метод, позволяющий рассмотреть явление терроризма с всевозможных точек зрения; метод описания, позволяющий выявить характерные черты явления; когнитивный подход, предполагающий исследование стереотипных и стандартных представлений о

феномене; лексико-семантический или дискурсивный подход, направленный на изучение семантики языковых структур (фонетических, морфологических, синтаксических) и лексем конкретных политических высказываний и текстов.

Материалом исследования послужили тексты средств массовой информации, включающие языковые средства, отображающие явление терроризма и его текущее положение в мире. В данном исследовании было использовано 50 статей таких периодических изданий, как *The New York Times*, *Los Angeles Times*, *The Breakthrough*, *Liberal America*, *Huffington Post*, *The Guardian*, *The New Daily*, *Foreign Affairs*, *The Hill*, *The Telegraph*, и др.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проанализированные нами 50 статей характеризуются экспрессивностью и оценочностью, благодаря которым в нашем сознании формируется образ явления терроризма, а также вырабатывается определённое, продиктованное на подсознательный уровень, субъективное отношение к нему. Во всех, проанализированных нами, статьях присутствовали различные виды эмоциональных языковых фигур. В их числе можно отметить следующие: эпитеты, метафоры и терминологическую лексику. Согласно классификации манипулятивных технологий, используемых в СМИ, наиболее продуктивным из них оказалось использование метафорических моделей [2; 3].

Понятие терроризма описывается рядом специфических метафорических моделей, имеющих преимущественно негативную коннотацию. Но, прежде чем перейти непосредственно к моделям, относящимся к понятию терроризма, следует выделить такие метафорические конструкции, как “the age of terror” и “the grave new world”, которыми авторы англоязычных статей охарактеризовали XXI век. Первая конструкция, являясь довольно смелым заявлением на первый взгляд, представляется наиболее правдоподобной в свете событий последних десятилетий. Терроризм, проявляющийся в глобальном масштабе, стал одним из самых ужасающих явлений современной действительности. Вторая аллюзивная модель сразу же отсылает нас к знаменитому произведению Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (“*Brave New World*”). Как известно, в данном романе описывается в корне отличная от существующей система мироустройства со своими устоявшимися правилами. Вероятно, выражение “the grave new world” также подразумевает наличие некоего нового порядка, порядка опасного, мрачного, о котором говорит прилагательное и эпитет “grave” [9], т.е. такого, который создаётся террором.

Что же касается метафорических единиц, употреблённых в статьях англоязычных СМИ относительно терроризма как такового, можно выделить следующие тематические группы с понятийными сферами.

1. ПОЛИТИКА

Авторы англоязычных статей часто применяют в отношении понятия терроризма такие политические метафоры [8], как *экстремизм* (extremism), *сепаратизм* (separatism) и *революция* (revolution). Все эти понятия несут в своей семантике идею движения и говорят о том, что эти движения не удовлетворяют нынешнее положение вещей в политическом плане. Из этого следует, что целью терроризма являются изменения. Какого рода изменения подразумеваются можно понять из того факта, что названные концептуальные метафоры имеют негативную коннотацию.

Кроме того, нередко терроризм связывают также со следующими метафорами: *идеология* (ideology), *пропаганда* (propaganda), *индоктринация* (indoctrination), которые отчасти являются метафорами религиозной понятийной сферы. Как и любое политическое или религиозное направление, терроризм имеет свою систему взглядов на мир или идеологию, которая активно пропагандируется среди масс, в результате чего происходит индоктринация или внушение идей целевой аудитории.

2. РЕЛИГИЯ

Религия, апеллируя, главным образом, к духовной и подсознательной структурам человека, зачастую является самым оптимальным ресурсом для манипулирования общественным сознанием. Через призму такой религиозной метафорической конструкции, как *Священная война* (The Holy War) [34], терроризм предстаёт как благородная задача, выполняемая Богом через своих посредников (террористов).

Однако в других источниках были обнаружены крайне негативно коннотированные религиозные метафоры. Среди них стоит отметить следующие: *дьявол* (devil), *демонизация* (demonization), *грех* (sin), *зло* (evil). Отмеченные понятия могут быть объединены на основе присутствия у всех единиц сознания «страх». Таким образом, понятие терроризма, благодаря СМИ, оказывает пугающее воздействие [3].

3. ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Для того, чтобы акцентировать важность приобретения зрителей для терроризма, СМИ неоднократно обращаются к драматургическим метафорам. Согласно статьям, терроризм приравнивается к *театру террора* (theatre of terror), *социальной драме* (social drama), *спектаклю* (spectacle), и *живому зрелищу* (live-action spectacular). Осмысливая эти метафоры, можно вывести имплицитную идею,

в них заложенную: «нет зрителей - нет терроризма». Скорее всего, это и пытаются довести до сознания читателей злободневные статьи.

4. ЖИВОТНЫЕ

Среди великого множества видов животных, населяющих Землю, англоязычные средства массовой информации выбрали следующие зооморфные метафоры для обозначения концепта «терроризм»: *ядовитая змея* (poisonous snake) и *дикий зверь* (wild beast). Оба существа живой природы представляют опасность и угрозу для жизни мирных обитателей планеты. Таким образом, в очередной раз культивируется реакция страха перед этим понятием.

5. РАСТЕНИЕ

Как оказалось, растительная понятийная сфера – одна из не часто обслуживающих англоязычные масс медиа в их работе над конструированием понятия терроризма. В ходе исследования была обнаружена всего одна такая метафора – *сорняки* (the weeds). Наиболее характерные особенности данного растения – его бесполезность и ненужность, которые, по мнению СМИ, составляют суть действий и феномена терроризма.

6. ВОЙНА

Наряду с вышеупомянутыми видами метафор, авторы статей используют также милитаристические метафоры относительно исследуемого явления. Метафора «*терроризм – это война*» (“terrorism is a war”), во-первых, говорит о том, что терроризм провоцирует конфликт между «нашими» и «чужими», во-вторых, что использование военной мощи страны для борьбы с «врагом» неизбежно и, в-третьих, что кому-то придется пострадать. Следовательно, таким образом происходит подготовка общественного сознания к возможно предстоящим военным действиям государства.

7. ИНФЕКЦИЯ

В числе медицинских метафор были выявлены метафоры, связанные с инфекционными заболеваниями: *вирус* (virus), *эпидемия* (epidemic). Общеизвестно, что вирус – инфекция, передающаяся от человека к человеку, а эпидемия – это случай интенсивного распространения вирусной инфекции на большие масштабы

территорий. В связи с этим, можно сделать вывод, что терроризм – это явление, быстро охватывающее большие пространства, а также потенциально излечимое при своевременном распознавании симптомов [6].

8. БОЛЕЗНЬ

Направляя использование медицинской метафоры *рак* (cancer) в одной из проанализированных статей в сторону терроризма, автор пытается внушить читателям, что терроризм – это трудноизлечимая болезнь, которая требует хирургического вмешательства. А любая операция, как известно, сопровождается кровью. Из этого явствует, что кровопролитие – неминуемый спутник борьбы с терроризмом.

9. КАТАКЛИЗМ

Геологическая метафора в выражении «*терроризм - это катастрофа/бедствие*» (terrorism is a disaster) употребляется в СМИ для подчёркивания внезапного характера и непредсказуемости феномена терроризма.

10. НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Ввиду того, что терроризм всегда идёт против политики государства, в котором пускает корни, между ним и такими понятиями, как *убийство* (assasination), *насилие* (violation, violence), *варварство* (barbarism), *буйство* (rampage), *мятеж* (insurgency), *атака* (onslaught), *резня* (slaughter), *штурм* (assault) в англоязычных статьях периодических изданий по всему миру ставится знак равенства. Все вышеперечисленные понятия скрывают в себе идею нападения. По этой причине, сторонники терроризма никак не могут считаться жертвами, напротив исключительно преступниками, которые должны получить по заслугам.

11. ЯД

Существительные и метафоры *токсичность* (toxicity) и *жало* (sting), употреблённую для характеристики терроризма, в данном конкретном случае, перекликаются в одном из своих значений, а именно, «ядовитость». Яд, будучи инородным для любого человеческого организма, является к тому же и вредоносным. Из того, что терроризм приравнивается к яду, следует, что реакция неодобрения в отношении его несомненна.

Среди эпитетов, связанных с понятием терроризма, стоит выделить следующие, наиболее негативно окрашенные: *трусливый* (cowardly), *зловонный* (stinking), *смертоносный* (lethal), *ядовитый* (poisonous), *катастрофический* (catastrophic). Автор именует терроризм трусливым в связи с тем, что он включает в себя разрушительные действия «исподтишка». Прямые операции усиленно избегаются представителями террористических прослоек общества. Касательно выражения *stinking terrorism*, можно разработать несколько теорий, но самой подходящей, скорее всего, окажется та, которая включает идею связи крови и терроризма, т.к. основной задачей террористов является убийство ради достижения своих частных для каждой террористической организации целей. Терроризм таким образом обретает специфический запах крови. Остальные прилагательные подчёркивают смертоносную природу данного явления.

ВЫВОДЫ

Таким образом, отобранные в ходе исследования лексико-семантические языковые единицы, среди которых наибольшее распространение получили метафорические модели языка, были проклассифицированы по тематической линии, что позволило выявить тематическое поле настойчиво повторяющихся образов, употреблённых в отношении терроризма. В числе таковых можно выделить понятийную сферу политики и сферу незаконных действий. При этом, метафоры растительной понятийной сферы получили наименьшее распространение. Преобладающее число метафор имели негативную коннотацию, что характеризует отношение к явлению терроризма соответствующим образом.

Список литературы

1. Алещанова И. В. Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса / И. В. Алещанова // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: [сб. науч. тр.] – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2000. – С. 131 - 139.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 - 32.
3. Володина М. Н. Язык массовой коммуникации основное средство информационного воздействия на общественное сознание / М. Н. Володина // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М.: Акад., 2001. – С. 145 - 156.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – С. 123.
5. Кожушко Е. П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. / Е. П. Кожушко. – М., 2000. – С.372 - 373.
6. Леонтьев А. А. Психология образа / А. А. Леонтьев // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. М., – № 2. - С. 3 - 4.
7. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри / Б. Хоффман. – М., 2003. – С. 120
8. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга. – [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов. - Режим доступа: <http://evartist.narod.ru>
9. Cambridge dictionaries online. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> (2015)

**THE REFLECTION OF THE PHENOMENON OF TERRORISM
BY MEANS OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE
(BASED ON THE MATERIALS OF THE ENGLISH MEDIA)**

Shimanovich A. N., Reyzova E. M.

This study investigates the linguistic means reflecting the phenomenon of terrorism on the basis of the English mass media. Respectively, the linguistic resources, representing the perception of terrorism in the modern English media, forming the public opinion towards the phenomenon were analyzed. The findings can be applied to lectures and seminars in the following professional areas: “sociolinguistics”, “political linguistics”, “journalism”.

Key words: phenomenon, terrorism, linguistic means, analysis, mass media, construction, attitude.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.2'367

НЕПРЯМІ СПОНУКАЛЬНІ ВИСЛОВЛЕННЯ В ДРАМАТИЧНІЙ ПОЕМІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ «ОРГІЯ»

Ачилова В. П.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського, Сімферополь
E-mail: achilovavp@mail.ru*

У статті проаналізовано експліцитні та імпліцитні механізми формування непрямого спонукання. Схарактеризовано моделі структур з експліцитними мовними засобами, якими є формально розповідні конструкції з дієслівними формами дійсного способу, з модальними предикативами, з перформативами; конструкції бажальної модальності та синкретичної семантики; еквіваленти речення. Описано моделі структур з імпліцитним спонуканням, що зумовлені ситуацією спілкування і поінформованістю співрозмовників.

Ключові слова: спонукальність, непряме спонукальне висловлення, експліцитні мовні засоби, імпліцитне спонукання.

ВСТУП

Непрямі спонукальні конструкції, що виражають спонукання поза формами наказового способу, потрапляли в поле зору граматистів у зв'язку з вивченням способових форм дієслова (Л. Булаховський, В. Русанівський, М. Плющ, А. Грищенко, Л. Кадомцева, О. Безпояско, І. Вихованець, К. Городенська та ін.). Їх згадують у вченні про типи речень за метою висловлення (І. Чередниченко, М. Каранська, І. Слинко, Н. Гуйванюк, М. Кобилянська, А. Загнітко та ін.), у працях з лексичної семантики, присвячених модальності спонукання (О. Бондарко, Н. Арутюнова, О. Володін, В. Гак, В. Храковський, Т. Шмельова та ін.). У сучасних лінгвістичних дослідженнях спостерігаємо явний перехід від формально-граматичного вивчення мовних явищ до їхнього функціонально-семантичного і прагматичного аналізу (І. Андреева, Г. Почепцов, С. Мясоєдова, О. Нарушевич-Васильєва та ін.). З огляду на це спонукальність розглядають уже не як граматичну, а як семантичну категорію і вважають, що спонукальне модальне значення виникає в результаті взаємодії різних рівнів мовної системи.

Актуальним є аналіз ефективності використання непрямих спонукальних висловлень у різних ситуаціях спілкування.

Мета статті – схарактеризувати конструкції з непрямою вказівкою на спонукальну семантику в драматичній поемі Лесі Українки «Оргія» [5].

Завдання розвідки: виявити експліцитні та імпліцитні механізми формування непрямого спонування, описати типові моделі структур з експліцитними мовними засобами та з імпліцитним спонуванням.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Як показали спостереження, у драматичній поемі Лесі Українки «Оргія» є широке коло різноманітних за своєю організацією непрямих спонукальних висловлень. Їхнє спонукальне значення виражене або експліцитно (неспеціалізованими формами, для яких функція спонування є вторинною, транспонованою), або імпліцитно (з опорою на пресупозицію, тобто на типові уявлення мовців про дійсність і предмет мовлення). З огляду на це непрямі висловлення поділено на дві групи: експліцитні та імпліцитні.

До конструкцій з експліцитними засобами вираження непрямого спонування належать формально розповідні, які містять транспоновані дієслівні форми дійсного способу:

- майбутнього часу: Н е р і с а ...Прийду й скажу: «Мій чоловік недужий, але, щоб не зневажить Мецената, прислав мене, свою жону, в гостину...» А н т е й Ні, ти не підеш! [с. 291–292];

- минулого часу в сполученні з ірреальною часткою щоб, яка збільшує інтенсивність вияву спонування [4, с. 85]: М е ц е н а т Нехай тим часом тут поскачуть міми, а потім ті єгиптянки безкості... але щоб те тривало все недовго; хвилину-дві щоб кожне зоставалось [с. 294–295].

Виражають спонування конструкції бажальної модальності, синтаксичним центром яких є умовна форма дієслова з часткою якби (ж) [2, с. 112]. Мовець висловлює своє бажання, сподіваючись, що співрозмовник виконає названу дію: Ф е д о н Твоя епіталама пролунала не гірше у просторій римській школі, ніж у твоїй тісній убогій хаті. Якби ж ти сам ще заспівав її у Меценатових гучних палатах [с. 284]. Підкреслити, що саме така дія є доцільною в певній ситуації, допомагає прислівник якісної оцінки краще: М е ц е н а т Я згоджуюсь, хоча було б ще краще, якби в особах ваших поєднались музика і танець в одно подружжя [с. 312]. Варіативним виявом бажальності є проклинання: А н т е й Ти вступиш у хор панегіристів? В тую зграю запродавців, злочинців проти хисту? О, краще б ти навіки зацікавив, позбувся рук, оглух, ніж так упасти! [с. 259].

Щоб передати спонування, Леся Українка використовує і конструкції синкретичної модальності:

- питально-спонукальні, у яких висловлено пропозицію, заохочення до чогось [3, с. 28] чи інше волевиявлення: Н е р і с а А що ж, якби ти й заспівав там трошки? [с. 288]; Е в ф р о з і н а Їй ще час робити. Невже твоє життя таке солодке, що і медовий місяць в ньому зайвий? [с. 264]; Н е р і с а Иди. Та обери ж оте галуззя з своєї голови – невже ж так підеш? [с. 293]; А н т е й Ще не кінець докорам? [с. 260];

- питально-риторичні висловлення, що явно чи приховано орієнтовані на оцінку і спонування: *Е в ф р о з і н а ...В тобі, Антею, уся надія наша. А н т е й* Евфрозіно, як можна всю надію покласти в комусь одному? [с. 265].

Оскільки поле спонукальності має зони перетину з модальними семантичними полями можливості та необхідності, то у відповідному контексті семи можливості й необхідності модальних предикативів можуть бути актуалізовані як семи спонування. Модальні предикативи виражають непряме спонування у поєднанні з інфінитивом.

У двоскладних конструкціях мовець адресує волевиявлення:

- співрозмовникові: *Н е р і с а* Ти не можеш? То мусиш покоритись [с. 292];

- або співрозмовникові, або самому собі (альтернативне волевиявлення): *Н е р і с а* Ти або я повинні вийти в світ [с. 290];

- самому собі: *А н т е й* Повинен би я тямити, як тяжко рабині-танцівниці серце рвалось, коли вона свою єдину доню, що ледве виросла із немовляток, вела на те позорище [с. 272]; *Н е р і с а* Ні-ні, я не повинна забувати, що ти зробив людиною мене, «маленьку мавпочку з Танагри» [с. 274];

- самому собі, однак під впливом співрозмовника: *П р о к у р а т о р ...*Цікавий знати, як би ти, наприклад, збирав податки «ласкою й дарами»? Багато б назбирав! *М е ц е н а т* Ну, тут я мушу зложити зброю [с. 301];

- самому собі як третій особі: *А н т е й* Я не безславний, хоч ти одна мені даєш тріумфи, бо ти для мене Ніке! *Е в ф р о з і н а* Ніке мусить свою роботу знати. [...] Однак Ніке до кухні мусить – допомогти матері, – бо в нас сьогодні оргія правдива [с. 265–266];

- третій особі як узагальненій, що передбачає самого мовця, співрозмовника й усіх інших з певної групи осіб: *Ф е д о н* Чи мав би й я весь вік, як ти, сидіти без хліба і без слави? *А н т е й* Се повинен терпіти еллін, коли хліб і славу здобути може тільки з римських рук. [...] Авжеж, Федоне, відколи безславна сама Еллада – елліни повинні жадобу слави в серці заглушити [с. 281–282];

- співрозмовникові, проте «знеособленому»: *А н т е й* Ти, преславний, надмірну ласку положив на мене, Коринфові ж віддав замало честі. [...] *П р е ф е к т* Любити рідне місто – се годиться... [с. 302].

В односкладних конструкціях мовець адресує своє мовлення теж здебільшого співрозмовникові: *Н е р і с а* Куди ж ти? Треба ж переодягтися! [с. 293]; *А н т е й* Ти прислухалась? То вже було прислухатись, як слід [с. 287].

Значно рідше мовець спонукає до спільного виконання дії (*М е ц е н а т ...* а все ж нам шанувать її [іскру] годиться і поважати батька Прометея [с. 299]) або ж звертається до співрозмовника як до третьої особи (*А н т е й* Вибачай, преславний, мені не хоче муза помагати, либонь, вона сьогодні не голодна, а я без неї – мов безструнна ліра. *П е р ф е к т* Музі, що сьогодні не голодна, слід пам'ятати, що й у богів є завтра лише тоді, коли його заслужать [с. 306].

Вербальним засобом вираження непрямого спонування є так звані перформативи (слова-дії), промовляння яких еквівалентне виконанню дії [2, с. 123] і які поєднані з об'єктом інфінитивом на позначення спонукуваної дії. Різновид спонування (прохання, заборона, порада тощо) експліцитно виражений лексичним

значенням перформативного дієслова, яке стає експресивним центром висловлення. Типовими є перформативи, вжиті у формі 1-ї особи однини теперішнього часу (М е ц е н а т Вибачай, Антею! Тут я господар і не дозволяю своїх гостей нікому проганяти [с. 307]; М е ц е н а т Я прошу в вас вибачення, що вас частую отаким злиденством [с. 296]) і в предикативній формі на -но (А н т е й А коли й харіта йому додасть гранату чи троянду, він буде обдарований усім, чого дозволено бажати смертним [с. 266]). Формою умовного способу мовець чемно, ненав'язливо дає пораду [1, с. 263]: Ф е д о н По щирості я радив би піти [с. 283]. У творі перформативні дієслова, а також похідний іменник використано й тоді, коли мовець передає волю іншої особи: Ф е д о н Ми з Меценатом надійшли на тебе, я розказав йому, хто автор співу, і зараз же він доручив мені тебе просить на оргію до нього [с. 279]; А т р і є н з і й Преславний пане, там якась грекinya прийшла й дозволу просить уступити, щоб тут постояти коло порогу, поки співець Антей співати буде [с. 306–307]; Ф е д о н Се ж я прийшов тобі переказати запросини [с. 278].

Замісниками імперативних форм також є еквіваленти речення:

- спонукальні вигуківі слова-речення: А н т е й Ну, годі, люба... [с. 269]; Н е р і с а Як так, то я піду. (Встає). А н т е й Ні-ні, кохана! [с. 276];

- вокативне речення-звертання, що містить застереження – спробу мовця спонукати слухача відмовитися від свого наміру і тим самим уберегти його від поганих наслідків, до яких може призвести його дія: Н е р і с а Але й рабині часом утікають. Ти не впевняйся на замки. А н т е й Нерісо!! [с. 292].

В імпліцитних висловленнях немає ані граматичних, ані лексичних показників спонукальності. Зрозуміти зміст таких конструкцій допомагає ситуація, у якій проходить спілкування, а також поінформованість співрозмовників.

У драматичній поемі «Оргія» є такі моделі імпліцитних висловлень:

- з констатацією несприятливого стану справ у співрозмовника, встановлення зв'язку між цим станом і тими діями, які, на думку мовця, співрозмовникові слід було б зробити: А н т е й Та я волів би і зовсім не брати від тебе грошей, як тобі так трудно... Х і л о н Учителю, та ти ж не богатир [с.255]; Н е р і с а (до Мецената, озиваючись від порога) Мій чоловік недавно встав з недуги. (До Антея дбайливо і ніжно) Антею, ти зовсім не розважаєш своєї сили. Краще вже дозволяй мені за тебе доказати вдячність преславному [с. 312];

- з констатацією своєчасності здійснення бажаної для мовця дії: М е ц е н а т Людською мовою ми наситились. Час обізватись мовою богів тобі, Антею [с. 306];

- з констатацією різко негативного ставлення мовця до слів співрозмовника: Н е р і с а Я собі гадаю, що скільки ще ся хата поховає в собі укритих скарбів, мов гробниця... А н т е й Я не люблю таких речей у тебе [с. 276];

- з порадою, яку мовець дає співрозмовникові, підкреслюючи, що сам у подібній ситуації вчинив би саме так: Н е р і с а Чи думаєш ти Рим перемогти могильною незрушністю такою? Тобою будши, я б його сліпила всім блиском генія свого й Еллади... [с. 289];

- з порадою співрозмовникам вчинити так, як це зробить зараз сам мовець: А н т е й Товариші, даю вам добрий приклад (задавлюється струною і падає мертвий край Неріси) [с. 316];

- з різким осудом дій чи намірів співрозмовника: А н т е й Нерісочко! от се вже справді сором, – підслухати, а потім ще й корити [с. 268]; А н т е й Так прошено мене, так обіцяв я, а твій танець, Нерісо, не для оргій [с. 313];

- з констатацією неприйнятної для мовця поведінки співрозмовника: Н е р і с а Як буде тут камінна Терпсіхора, То я мовчання перейму від неї. А н т е й Нерісо, ти сьогодні вередлива [с. 276]; Ф е д о н (встає ображений) Такого ти не смієш говорити! А н т е й Тобі не до лица така вражливість, бо ти продав туди свій твір найкращий, де зневажають все, що нам святе [с. 280]; Н е р і с а ...Я справді не вдалася до того, щоб весь день в ярмі ходити так, як твоя сестра. А н т е й Ти ж і не ходиш. Н е р і с а А думаєш, мені від того легше? А н т е й Якби не легше, ти б сама робила. Н е р і с а В людей на те рабині є... [с. 268–269];

- висловлення, у якому мовець констатує імперативну поведінку співрозмовника щодо себе: А н т е й За гроші чи за славу – ти продався укупі з твором рук твоїх. Ф е д о н Антею, ти хочеш довести мене до того, щоб я пішов і викупив назад ту статую[с. 281];

- фразеологізоване висловлення, що є підкресленим твердженням доцільності дії (Ф е д о н Рабам на оргії немає честі, але хто має гостем бути на ній, як я і ти...[с. 283]) або ж нарочитим запереченням, що його слід розуміти як прохання сприйняти й оцінити сказане (М е ц е н а т Ви не повірите, як я працюю, щоб якимось подолати свою дикість і недовірливість [с. 295]).

ВИСНОВКИ

Отже, висловлення з непрямою вказівкою на волевиявлення становлять периферію спонукальності, оскільки сформовані неспеціалізованими формами, для яких функція спонукування є вторинною, транспонованою. Аналіз цих конструкцій у драматичній поемі «Оргія» показав, що вони є ефективними структурами для вираження спонукування і посилюють експресивність мовлення. Різноманітність непрямих спонукальних висловлень не тільки забезпечує доцільне спілкування, а й надає мовленню естетичної цінності.

Список літератури

1. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови : Академ. граматики укр. мови / І. Вихованець, К. Городенська : за ред. І. Вихованця. – К. : Унів. вид-во «Пульсари», 2004. – 400 с.
2. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови : Синтаксис : [монографія] / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонДУ, 2001. – 662 с.
3. Каранська М. У. Синтаксис сучасної української літературної мови : [навч. пос.] / М. У. Каранська. – К. : НМК ВО, 1992. – 400 с.
4. Мясоєдова С. В. Граматична й лексико-семантична організація непрямих спонукальних висловлень з дієсловами дійсного способу / Мясоєдова С. В. // Дослідження з лексикології і граматики української мови : [зб. наук. пр.] – Д. : Видавець Біла К. О., 2012. – Вип. 11. – С. 78–89.
5. Українка, Леся. Поезія. Драматичні твори / Леся Українка. – К. : Наук. думка, 2004. – 384 с.

НЕПРЯМЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ ЛЕСИ УКРАИНКИ «ОРГИЯ»

Ачилова В. П.

В статье проанализированы эксплицитные и имплицитные механизмы формирования косвенного побуждения. Охарактеризованы модели структур с эксплицитными языковыми средствами, которыми являются формально повествовательные конструкции с глагольными формами изъявительного наклонения, с модальными предикативами, с перформативами; конструкции оптативной модальности и синкретической семантики; эквиваленты предложения. Описаны модели структур с имплицитным побуждением, обусловленные ситуацией общения и информированностью собеседников.

Ключевые слова: побудительность, косвенное побудительное высказывание, эксплицитные языковые средства, имплицитное побуждение.

INDIRECT MOTIVE STATEMENT IN THE DRAMATIC POEM LESYA UKRAINCA «ORGY»

Achilova V. P.

The article analyzes the explicit and implicit mechanisms of indirect motivation. Models of structures with explicit language resources, which are formal narrative structure with verbal forms of the indicative mood, modal predicatives with performatives; constructions of optative modality and syncretic semantics, equivalents to proposals are characterized. The models of structures with implicit motivation due to the situation of communication and awareness of the interlocutors are described.

Key words: motivation, indirect motive statements, explicit linguistic resources, implicit motivation.

УДК 811.111'373.2

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНОМИНАЦИЙ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ИММИГРАНТОВ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ)

Гладких О. И., Демидец О. Н.

*Институт иностранной филологии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
E-mail: sakhnova82@yahoo.com*

В статье рассмотрены особенности этнономинаций в американском варианте английского языка на основе тематической классификации этнонимов, используемых для обозначения выходцев из Латинской Америки. Подчеркивается негативная эмоциональная оценка данных этнономинаций, манифестирующая стереотипы массовой культуры Соединенных Штатов.

Ключевые слова: ономазиология, этнономинация, этноним, стереотип, Латинская Америка.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследуемой темы заключается в непрерывном росте числа иммигрантов из Латинской Америки и, соответственно, появлении большого количества этнономинаций в американском варианте английского языка, обозначающих выходцев из данного региона. Вследствие этого актуальной является и проблема систематизации и классификации данных языковых единиц в разных вариантах английского языка.

Проблеме изучения этнонимов посвящены такие работы, как: «Лингвистический аспект изучения этностереотипов» Л. П. Крысина [2]; «Этноним в межкультурной коммуникации» С. М. Кулаевой [3]; «Этнонимия Англии в сравнительно-историческом освещении» М. М. Маковского [4]; «Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming» E. Andrews [6] и др.

Объектом исследования являются этнономинации в американском варианте английского языка.

Предметом выступают этнонимы американского английского, номинирующие выходцев из Латинской Америки.

Цель работы заключается в изучении особенностей этнономинаций, дающих представление о стереотипных образах латиноамериканцев в США.

Для достижения поставленной цели следует выполнить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть и дать определение понятию «этноним»;
2. Проанализировать причины возникновения этнономинаций;
3. Провести классификацию этнонимов, номинирующих латиноамериканцев в американском варианте английского языка.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Этнониму как виду номинации отводится особая роль в ономазиологических исследованиях благодаря его способности охарактеризовать не конкретного человека, а целую этническую группу со всеми её характеристиками. «Ономазиология – это раздел семантики, изучающий способы обозначения, названия предметов и явлений» [1, с. 521]. Изучение вопросов данного раздела языкознания даёт возможность проследить динамику и историю заселения людьми нашей планеты, отношения между племенами, нациями, проследить пути этнических миграций, определить особенности восприятия представителями этнических общностей себя и соседей, что также отражается в этнономинациях.

Этноним попадает под пристальное внимание исследователей в 70-е годы XX века, когда выходит в свет первый в мировой науке сборник научных статей, коллективный труд под руководством В. А. Никонова «Этнонимы». В этой работе, которая до сих пор не утратила своей актуальности, дано следующее определение этнонимов: «этнонимы – названия народов, племён, родов и т.п.» [5, с. 2]. Далее автор отмечает, что «в именах народов, даже далеко живущих друг от друга, обнаруживаются типологические закономерности, связанные с их образом жизни и направлением хозяйственности» [5, с. 2].

Следует отметить, что латиноамериканцы как разнородная по этническому составу общность исторически проживала на территории современных США. Однако в результате американо-мексиканской войны (1846–1848) Мексика потеряла почти половину своей территории. Аннексированные территории населяли примерно 1000 мексиканских семей в Калифорнии и 7000 семей в Нью-Мехико. Некоторые вернулись обратно в Мексику, а подавляющее большинство осталось и стало гражданами США. Жители, которые предпочли остаться на территории США, стали подвергаться дискриминации.

Проанализировав группу этнонимов количеством 28 единиц, можно провести её тематическую классификацию, которая позволит создать стереотипный портрет выходцев из Латинской Америки. Но прежде считаем необходимым ввести понятие «стереотип». Термин «стереотип» впервые использовал американский журналист Уолтер Липпман (Walter Lippmann), который в 1922 году опубликовал книгу «Общественное Мнение» (Public Opinion). Этнический стереотип является определённым групповым представлением одной культуры о другой.

Анализ материала показал, что для обозначения испаноговорящих этносов употребляются:

1. Этнонимы, в основе которых лежит ассоциация между животным и представителем данного этноса, например: *Parakeet* [8] (разновидность попугая, обитающего в Пуэрто-Рико), имеет негативную коннотацию и указывает на неуважение к пуэрториканцу.
2. Этнонимы, базирующиеся на представлениях о любимых блюдах и традиционной кухне испаноговорящих этносов. Так, *Pepperbelly* (“перечный живот”), *chili* (“чили”) [9] создают образ мексиканца-любителя острой пищи. Помимо острой пищи латиноамериканцы предпочитают жирную пищу, в связи с чем появились такие негативные этнонимы, как *greaser* (“смазчик”),

- oiler* (“маслоед”), *greaseball* (“масляный мяч”), *greasebag* (“масляная сумка”), *greasegut* (“масляные потроха”) [9]. Названия популярных блюд мексиканской кухни *buritto* (“буритто”), *burritohead* (“буритто-голова”), *taco* (“тако”), *taco-bender* (“тако-алкоголик”), *tacohead* (“тако-голова”) [9] также используются для обозначения представителей данной культуры.
3. Этнонимы, обозначающие всех испаноговорящих людей. Данная группа этнономинаций берет начало от личных имён, которые распространены в испанском языке, например: *Pancho*, *Pedro*, *Dago*.
 4. Этнонимы, образовавшиеся в ходе мексиканской иммиграции. *Wetback* (“мокрая спина”), *river-crosser* (“пересекающий реку”) [6] (мокрая спина нелегала из Мексики после переправы через реку Рио Грандэ или мокрая спина рабочего-мексиканца); *scratch-back* (“поцарапанная спина”) [6] (поцарапанная спина нелегала, который не умеет плавать и вынужден ползти под колючей проволокой).
 5. Этнонимы, отражающие специфику речи испаноговорящих этносов, представителям которых свойственен специфический акцент в английском языке. Примерами такой этнономинации служат *spic*, *spik*, *spick*, *spig*, *spiggoty* (этнонимы, образованные от глагола “to speak”) [9].
 6. Этнонимы, которым присуща нейтральная окраска: *Central Americans*, *South Americans*. Тем не менее, ранее нейтральные этнонимы *Hispanics*, *Latinos* в силу частотности своего употребления приобрели негативную окраску.

Следует отметить, что некоторые представители Латинской Америки предпочитают более неформальный вариант при идентификации своей этнической принадлежности и называют себя *Chicanos* (мексиканцы) и *Ricans* (пуэрториканцы). Вместе с тем, часть жителей выбирает нейтральные, официально принятые этнонимы, которые подчёркивают их принадлежность к США: *Mexican Americans* (мексиканские американцы), *Cuban Americans* (кубинские американцы), *Colombian Americans* (колумбийские американцы).

ВЫВОД

В результате семантического анализа этнономинаций латиноамериканцев в американском варианте английского языка можно сделать **ВЫВОД** о том, что они акцентируют проблему иммиграции латиноамериканцев, а также демонстрируют их гастрономические предпочтения. Большинство этнонимов имеют негативную окраску, исторически обусловленную оппозицией «свой – чужой».

Список литературы

1. Ефремова Т. М. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. М. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1210 с.
2. Крысин Л. П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов / Встречи этнических групп в зеркале языка // Л. П. Крысин. – М. : Наука, 2002. – С. 171–175.
3. Кулаева С. М. Этноним в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод / С. М. Кулаева. – М., 2005.
4. Маковский М. М. Этнонимия Англии в сравнительно-историческом освещении // Этнонимы: статьи на исторические темы / М. М. Маковский. – М. : Наука, 1970. – С. 223–241.
5. Никонов В. А. Этнонимы / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1970. – 271 с.
6. Ayto J. The Oxford Dictionary of Modern Slang / J. Ayto, J. Simpson. – Oxford, 1992. – 299 p.
7. Andrews E. Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming / E. Andrews // American Speech. – Durham : Duke University Press, 1996. – Vol. 71. – № 4. – P. 389–404.
8. universal_en_ru.academic.ru (дата обращения: 29.09.2015).
9. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 29.09.2015).

PECULIARITIES OF ETHNONOMINATIONS IN THE AMERICAN VARIETY OF THE ENGLISH LANGUAGE (EXEMPLIFIED BY THE IMMIGRANTS FROM LATIN AMERICA)

Gladkikh O. I., Demidets O. N.

The article deals with peculiarities of ethnonominations in the American variety of the English language based on the thematic classification of ethnonyms used for designation of immigrants from Latin America. The emphasis is on the negative emotional evaluation of these ethnonominations that manifest stereotypes of the United States' mass culture.

Key words: onomasiology, ethnonomination, ethnonym, stereotype, Latin America.

УДК 811.161.2

ЩОДО МОРФОЛОГІЧНОЇ СТРУКТУРИ ОСОБОВИХ ІМЕН-КОМПОЗИТ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Дехтярева Е.В., Супрун А.В.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського, Сімферополь
E-mail: dehtaryova@rambler.ru, aljona-suprun@mail.ru*

У статті розглянуто і проаналізовано структурні типи особових імен-комполітів. На матеріалі українських антропонімічних словників досліджено їх словотвірні моделі. Спираючись на існуючий лінгвістичний досвід, виявлено та обґрунтовано взаємозв'язок семантичного та морфологічного аспектів під час аналізу комполітних антропонімів.

Ключові слова: власні імена, імена-комполіти, антропоніміка, морфологічна структура

ВСТУП

До сучасного стану розвитку українська антропонімія пройшла довгий і складний шлях. Власні імена людей стали об'єктом наукових досліджень десь у другій половині минулого сторіччя. Нині українська антропоніміка переживає період бурхливого розвитку і є одним із динамічних напрямків ономастики. З-поміж основних лінгвістичних проблем антропоніміки дослідженню підлягають морфемна будова, етимологія та лінгвогеографічні особливості особових імен (В. О. Горпинич, С. М. Медвідь-Пахомова, П. П. Чучка), словотвірна специфіка (Л. Л. Гумецька, А. М. Залеський, О. Д. Неділько), аспекти семантичної класифікації (І. Д. Сухомлин, М. Л. Худаш, П. П. Чучка), історичні передумови виникнення антропонімів (А. П. Непокупний, Р. І. Осташ, А. М. Поповський). Власне питання специфіки слов'янських особових імен-комполіт висвітлене у працях Д. Г. Бучко, М. О. Демчук, І. М. Железняк, А. Ф. Литвиної, С. М. Медвідь-Пахомової, А. Ф. Міхіної, Р. І. Осташа, Л. Р. Осташ, Ф. Б. Успенського, П. П. Чучки.

Поруч із дослідженнями видатних лінгвістів у галузі української антропоніміки залишається низка дискусійних і малодосліджених питань, які чекають наукового розв'язання, зокрема питання морфологічної структури особових імен-комполіт (далі ОІК) в українській мові. Незрозумілість етимологічного значення багатьох слов'янських ОІК викликає значні труднощі щодо морфологічної інтерпретації, особливо під час співвіднесення тих чи інших складових компонентів з частинами мови.

Мета – проаналізувати морфологічну структуру українських ОІК, визначити структурні типи, коротко описати способи і засоби деривації українських автохтонних особових імен.

Матеріалом для дослідження стали антропоніми, вписані зі словників Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківської “Власні імена людей” та І. І. Трійняка “Словник українських імен”, які містять найбільш поширені в офіційному вжитку імена, що

функціонували в ХХ ст. або мають місце в сучасному антропоніміконі українців. Картотека нараховує 94 одиниці чоловічих і 57 одиниць жіночих імен.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Складне питання лексичного значення вимагає окремого детального вивчення, однак необхідно зазначити, що автохтонні особові імена, поки не архаїзувалися, несли у собі суттєве змістове навантаження [7, с. 6]. Особливо це стосується ОІК, яким передувало ціле розгорнуте речення або словосполучення, що, як правило, містило побажання людині або характеристику її зовнішності, поведінки і статусу. За словами І. М. Желєзняк, “тут діяв загальний закон максимальної економії формальних ознак слова: найкоротшою формою вираження складної думки-побажання є композит” [2, с. 57].

Для того, щоб відновити первинний зміст ОІК, необхідно розуміти лексичне значення його компонентів і встановити синтаксичний зв'язок між ними. Однак часто саме на цьому етапі дослідження виникають труднощі, пов'язані із визначенням частиномовної приналежності першої і другої основ композита. З цього приводу вірно зазначає І. М. Желєзняк, що в “період виникнення слов'янських антропонімічних композит слова не мали тої граматичної диференціації, яку ми спостерігаємо в історичні часи. Треба гадати, що на певному етапі розвитку індоєвропейських мов корінь (особливо в складі композити) міг мати значення предметності, якості, а також дії” [1, с. 46].

У результаті аналізу досліджуваних одиниць з'ясовано, що в препозиції найбільш поширеними є вербальні, ад'єктивні і субстантивні компоненти.

1. Вербальні компоненти:

Бор- (*бороти* “бороти” [1, с. 47]), **Брон-** (п. *bronī[ć]* “захищати, оберігати” [5, с. 43]), **Бряч-** (*брякати* “брязкати” [4, с. 73]), **Буд-** (“будити” [5, с. 43]), **Вел-** (*велии* “великий” [4, с. 81]), **Влад-/Волод-**(*владати* “володіти” [1, с. 46]), **Гор-** (*горѣти* “горіти” [1, с. 47]), **Град-** (*град* “місто” [4, с. 104]), **Грим-** (“гриміти” [4, с. 105]), **Дзвен-** (“дзвеніти” [5, с. 132]), **Із-** (*изяти* “взяти, брати” [4, с. 147]), **Каз-** (*казити* “псувати, спотворювати” [1, с. 47]; п. *kazić* “нищити, руйнувати” [5, с. 66]), **Квіт-** (“квітнути, квіт” [5, с. 148]), **Мсти-** (*мъстити* “мстити” [1, с. 46]; “помста” [5, с. 80]), **Рад-** (*радѣти* “піклуватися” [5, с. 94]), **Род-** (“родити” [4, с. 241]), **Рост-** (“рости” [5, с. 95]), **Стан-** (*стати* “стати, настати” [1, с. 47]); п. *stanąć* “стати” [5, с. 100]), **Твор-** (“творити” [4, с. 264]).

2. Субстантивні компоненти:

Благ- (цсл. *Благо* “добро” [1, с. 47]), **Бог-** (*богъ* “бог, щастя, доля” [1, с. 47]), **Брат-** (*брат* “брат” [1, с. 47]), **Вір-** (“віра” [5, с. 47]), **Волод -** (**voldъ* “влада” [5, с. 48]), **Гост-** (*гость* “гість” [1, с. 47]), **Злат-** (“злато” [5, с. 141]), **Зор-** (“зоря” [5,

с. 141]), **Люд-** (*люд* “народ” [1, с. 47]), **Меч-** (п. *miecz* “меч” [5, с. 76]), **Мир-** (*мир* “спокій, згода” [1, с. 47]; “мирний, мир” [5, с. 78]), **Рат-** (“ратний, рать” [5, с. 94]), **Слав-** (*слава* “честь, похвала, слава” [1, с. 47]), **Труд-** (“труд” [6]), **Че-** (п. *cześć* “честь” [5, с. 108]).

3. Ад’єктивні компоненти:

Више- (*выше* “високий” [4, с. 92]), **Добр-** (*добрь* “добрий” [1, с. 47]; “добрий, добро” [5, с. 56]), **Драг-** (*драгь* “дорогий, почесний, шанований” [1, с. 47]), **Іст-** (“істина, істинний” [4, с. 154]), **Лад-** (*ладний* “гарний” [4, с. 171]), **Люб-** (*любь* “милий, любимий, приємний” [1, с. 47–48]; “любов” [5, с. 73]), **Мил-** (*миль* “дорогий, милий, любимий” [1, с. 48]), **Остр-** (*острый* “гострий, швидкий” [1, с. 47]), **Рад-** (*радь* “радісний, благородний” [1, с. 48]), **Світ-** (“світлий” [5, с. 97]), **Свят-** (*святъ* “святий, благочестивий” [1, с. 47]), **Тверд-** (“твердий” [4, с. 264]), **Тих-** (“тихий” [4, с. 267]), **Яр-** (*ярь* “лютий, енергійний, сильний” [1, с. 47]; “ярий” [5, с. 113]).

В окрему групи виділено ад’єктивні компаративні форми основ: **Боле-** (*боліе* “більше, краще” [1, с. 48]; *болѣ* “більше” [5, с. 43]), **Вац-** (ч. *vęce* “більше” [5, с. 46]), **В’яче-** (*вяче* “більше” [1, с. 48; 5, с. 50]).

4. Пронімінальні компоненти:

Все- (*весь* [1, с. 48; 5, с. 49]).

За словами І. І. Ковалика, інформація концентрується передусім на початку імені, а кінцеві частини є менш навантаженими інформативною функцією [3, с. 218]. Вірогідно, що цим можна пояснити значно меншу різноманітність основ у постпозиції.

Серед досліджуваних одиниць у постпозиції виявлено субстантивні, вербальні та ад’єктивні компоненти:

Субстантивні: **-гор** (“гора” [5, с. 97]), **-гост** (*гость* “гість” [1, с. 47]), **-дар** (*дарь* “данина, жертва” [1, с. 47]), **-зар/-зір** (рос. “зоря” [5, с. 197]); **-мир** (*мир* “спокій, згода” [1, с. 47]), **-полк** (*пѣлкь* “військо, загін” [1, с. 47]; “військо, похід” [5, с. 113]), **-слав** (*слава* “честь, похвала, слава” [1, с. 47]).

Вербальні: **-вид** (*видѣти* “бачити” [1, с. 47]), **-волод** (*владати* “володіти” [5, с. 49]), **-дан** (“даний” [5, с. 42]), **-мисл** (*мыслити* “мислити, думати” [1, с. 46]; “мислити, мисль” [5, с. 56]).

Ад’єктивні: **-люб** (*любь* “милий, любимий, приємний” [1, с. 47–48]), **-мил** (*миль* “дорогий, милий, любимий” [1, с. 48]), **-мир** (**тѣрь* “великий” [5, с. 43]).

Деякі компоненти вживаються як у препозиції, так і у постпозиції: **Люб-/люб**, **Мир-/мир**, **Слав-/слав**, **Мил-/мил**: *Любомисл* [5, с. 73] – *Мирлюб* [4, с. 199], *Мирслав* [5, с. 78] – *Славомир* [5, с. 99], *Милослав* [5, с. 78] – *Людмила* [5, с. 155].

Окрім семантики компонентів ОІК, у встановленні первинного змісту допомагають морфологічні закономірності їхнього творення, зокрема інтерфікси в структурних типах композит. У якості інтерфіксів в українських ОІК виступають голосні **и, і, о, у, е**. Найбільш уживаними серед них є **е, о** та **и**.

Використання певного голосного в ролі інтерфікса в ОІК мотивується частиномовною приналежністю їх основ. Так, інтерфікс **и, і** поєднують дві основи, перша з яких є дієслівною: *Боримир, Борислав, Ростислав, Творимир, Дзвенимира* та ін. В іменах-композитах, перша частина яких є іменниковою або прикметниковою, сполучними голосними виступають **о, е, у**: *Благослав, Драгомир, Яролюб, Яромир, Любомила; Болеслав, Всеволод, Зоресвіт, Богуславощо*.

Серед українських ОІК зустрічаються й утворені без участі інтерфікса: *Богдан, Вацлав, Войтех, Людмил, Ратмир, Славмир* тощо.

ОІК радянського походження, як правило, не мають у своїй структурі інтерфіксів, тому що утворені не основокладанням, а шляхом скорочення слів: *Вілен* (скор. від *Володимир Ілліч Ленін* [5, с. 47]), *Ревмир* (скор. від рос. *революція мировая* [4, с. 264]).

Аналіз словотворчих типів ОІК дає можливість особливо чітко прослідкувати взаємообумовленість їхніх складників й уточнити їхню семантику.

Українські особові імена-композити не дуже різноманітні за своєю будовою. Серед досліджуваних імен-композит було виділено такі структурні типи: **субстантивно-субстантивні**: *Вірослав* [5, с. 47], *Славомир* [5, с. 99]; **субстантивно-ад'єктивні**: *Боголіп* [6], *Людмила* [5, с. 155]; **субстантивно-вербальні**: *Богдан* [5, с. 42], *Гостомисл* [5, с. 53]; **ад'єктивно-субстантивні**: *Остромир* [5, с. 88], *Святогор* [5, с. 97]; **ад'єктивно-ад'єктивні**: *Добромил* [6]; **ад'єктивно-вербальні**: *Добромисл* [5, с. 56]; **вербально-субстантивні**: *Борислав* [5, с. 43], *Будимир* [5, с. 43]; **проніміально-субстантивні**: *Всемир* [5, с. 49]; **проніміально-ад'єктивні**: *Всемир* [6]; **проніміально-вербальні**: *Всеволод* [5, с. 49].

Найбільш продуктивними серед них є структури типу “іменник + іменник”, “прикметник + іменник”, “дієслово + іменник”.

Враховуючи неоднозначність інтерпретації етимологічного значення ОІК, які своїм корінням сягають праслов'янської доби, наведену класифікацію можна вважати умовною, оскільки, як вже зазначалося, у період виникнення антропонімів цього типу слова мали відмінну від сучасної граматичну диференціацію. Однак, як бачимо, семантика більшості ОІК залишається зрозумілою носіям мови й на сучасному етапі її розвитку. Аналіз словотворчих типів ОІК дає можливість особливо чітко прослідкувати взаємообумовленість їхніх складників й уточнити їхнє етимологічне значення.

ВИСНОВКИ

Отже, українські ОІК, як правило, складаються із субстантивних, ад'єктивних або вербальних компонентів, рідко – з проніміальних, у препозиції; а також субстантивних, рідше – ад'єктивних або вербальних, у постпозиції. Зазвичай частини складного імені поєднуються за допомогою інтерфіксів: **и, і** в іменах з

вербальним компонентом у препозиції та *о, е, у* в іменах з субстантивним або ад'єктивним компонентом у препозиції; рідше основи поєднуються безпосередньо без інтерфіксу. На відміну від дохристиянських ОІК, утворених основоскладанням, багатокомпонентні імена ХХ ст. є результатом скорочення кількох слів. Дослідження структурних та дериваційних особливостей композитних імен, їх генези потребує подальших наукових пошуків.

Список літератури

1. Демчук М. О. Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV-XVII ст. / М. О. Демчук. – К.: Наукова думка, 1988. – 172 с.
2. Железняк І. М. Антропоніми з усіченим другим компонентом композита в сербохорватській мові / І. М. Железняк // Мовознавство, 1971. – №1. – С.57–67.
3. Ковалик І. І. Словотвір особових імен в українській мові (здрібніло-пестливі утворення).– В кн.: Територіальні діалекти і власні назви / І. І. Ковалик. – К.: Наукова думка, 1965. – С. 216–225.
4. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. – 477 с.
5. Скрипник Л. Г. Власні імена людей / Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська. – К.: Наукова думка, 1996. – 335 с.
6. Трійняк І. І. Словник українських імен / І. І. Трійняк. – К.: Довіра, 2005. – 509 с.
7. Чучка П. П. Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник / П. П. Чучка. – Ужгород: Ліра, 2011.

О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН-КОМПОЗИТОВ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Дехтярева Е.В., Супрун А.В.

В статье рассмотрены и проанализированы структурные типы личных имен-композигов. На материале украинских антропонимических словарей исследованы их словообразовательные модели. Опираясь на существующий лингвистический опыт, выявлена и обоснована взаимосвязь семантического и морфологического аспектов во время анализа композитных антропонимов.

Ключевые слова: имена собственные, имена-композигов, антропонимика, морфологическая структура.

CONCERNING THE MORPHOLOGICAL STRUCTURE OF THE COMPOSITE PROPER NAMES IN UKRAINIAN

Dekhtyareva E. V., Suprun A. V.

The article considers the basic questions of morphological structure of the personal composite names. On the material of anthroponymical Ukrainian dictionary its word-formative models was researched. Based on the existing linguistic experience, it was discovered and proved interrelation of semantic and morphological aspects in the analysis of composite anthroponyms.

Key words: proper name, composite proper name, anthroponimics, morphological structure.

УДК 8011: 8017

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЯЗЫКА

Петренко Д. А., Чернышова М. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: danpetrenko@mail.ru, margomarina2003@yahoo.com*

Тема научной статьи находится в русле современных исследований в области социолингвистики и социофонетики. Актуальность исследования обусловлена все возрастающим интересом лингвистов к вопросам социолектологии, языковой ситуации, глобализации, билингвизма, роли немецкого языка в современном мире, межъязыковой интерференции, сфер коммуникации и функциональных стилей, а также источников языковых изменений и динамики развития системы языка.

Ключевые слова: социальный диалект, языковая вариативность, литературный язык, диалект, социальная система.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время исследования в области социолингвистики сосредоточены на всестороннем изучении языковой вариативности, связанной с различными социальными признаками носителей языка, такими как принадлежность к социальной и профессиональной группе, совокупность социальных ролей, характеристика общественного статуса говорящего, проблемы языковой ситуации и двуязычия. Под социальной структурой принято рассматривать строение общества в целом, систему связей между всеми его основными элементами. Элементами социальной структуры, в свою очередь, выступают социальные статусы и роли. Количество, порядок их расположения и степень зависимости друг от друга определяют содержание конкретной структуры данного общества. Социальная структура характеризует различные виды общностей и отношения между ними: социально-классовые, социально-демографические, социально-этнические. В узком смысле под социальной структурой общества понимается стратификация, включающая, наряду с классами, большие и малые социальные группы, слои, прослойки, страты и т. п. в их сложном переплетении друг с другом [8, с. 8-11].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Для современного этапа развития общества характерно нарастание интеграционных процессов при усиливающейся многообразии экономических, политических и идеологических форм. Таким образом, «хотя структура описывает устойчивый, неподвижный момент строения общества, исторически она изменяется» [7, с. 87]. При этом обязательными компонентами социальной

структуры любого общества являются социально-территориальный и профессионально-квалификационный.

Что касается социальной структуры Германии, то здесь нарастание интеграционных процессов проявилось довольно ярко, причем задолго до самого факта объединения ФРГ и ГДР. Таким образом, сегодня можно говорить об однородных составах социальных структур в бывших ГДР и ФРГ. Исходя из этого, можно констатировать, что «стратификационные модели в современных условиях начинают приобретать большее значение, нежели модели, основанные на общественном разделении труда» [1, с. 290]. В современных условиях можно выделить следующие отдельные компоненты социальной структуры Германии:

- управленческие структуры, чиновничество и служащие высшего ранга;
- научно-техническая и гуманитарная интеллигенция (профессора, судьи, адвокаты и пр.);
- инженерно-технические работники и рядовые служащие;
- квалифицированные рабочие государственных и частных предприятий;
- работники аграрного сектора экономики;
- учащиеся и студенты;
- граждане, занимающиеся индивидуально-трудовой деятельностью, частным предпринимательством, неквалифицированные рабочие;
- военнослужащие;
- деклассированные слои – лица без определенного места жительства и группы люмпенизированного населения, маргиналы;
- безработные.

С точки зрения социально обусловленной вариативности языка основным измерением вертикальной стратификации общества становится «социальный диалект». Данный термин не является новым в современном социолингвистике, в последние десятилетия сформировалось даже самостоятельное направление – социолектология [5]. При широком понимании содержания термина «социальный диалект» в эту категорию традиционно включают все или почти все социально обусловленные разновидности языка, независимо от их структурно-языковых и функциональных особенностей. Лингвистами применяется такой подход, однако делается это с некоторыми уточнениями. «Вероятно, в разряд социальных диалектов условно можно включить и территориальные диалекты, которые, обладая территориальными границами, в то же время обслуживают определенные социальные слои. Однако социальные жаргоны отличаются от диалектов прежде всего тем, что последние возникают естественным образом, путем исторического членения языка. Они территориально ограничены и впоследствии закрепились за крестьянством как за социальным слоем. Профессиональные же жаргоны, арго и пр. возникли в итоге профессиональной дифференциации языка и вырабатывались совокупностью усилий определенных представителей данного социально-производственного коллектива или просто объединения» [13, с. 80]. Становится

очевидным, что исследователи проводят четкую границу между понятиями территориального диалекта и социального диалекта. Не верно было бы думать, что истоки этой границы находятся только в прошлом, в периоды возникновения и формирования этих двух форм существования языка. Диалекты и социолекты имеют ряд существенных различий, главное из которых заключается в том, что «со временем территориальные различия во многих языках нивелируются, социальные же сохраняются и даже будут усиливаться» [8, с. 49]. Другим важным различием является тот факт, что «все социальные диалекты, в отличие от территориальных диалектов никогда не бывают первым и единственным способом коммуникации для тех, кто ими пользуется» [3, с. 31-40]. Более узкое понимание термина «социальный диалект» определяет его как форму, близкую к местным крестьянским диалектам; в данном случае под социолектом понимают условный язык. Однако социальный диалект может быть определен и без освещения его отношений с территориальным диалектом. Социальный диалект традиционно классифицируют как «общее обозначение языковых вариантов, которыми пользуются разного рода социальные объединения носителей языка, будь то социальные классы или социально-экономические слои в структурно-функциональной социологии, группы, объединенные по признаку возраста или пола, профессии или общих интересов» [8, с. 45].

Такой подход к определению социального диалекта ориентируется на конкретные группы носителей этой формы существования языка, предполагая следующую процедуру выделения социолекта: «из всех знаков диасистемы, репрезентирующей данный язык... выделяются специфичные для тех или иных социальных групп (под социальной группой понимаются группы людей, находящихся, согласно оценке членов общества, на одной ступени общественной иерархии)» [8, с. 45].

Понятно, что наиболее существенным фактором, обуславливающим возникновение социальных диалектов, является социальная неоднородность общества, распадающегося на различные производственно-профессиональные, а также и возрастные группы. Социальное расслоение, наступившее в связи с развитием общественных отношений, наряду с растущими городами, развитием ремесел начинает усиливать значение профессиональных языков и жаргонов различных социальных групп Германии в XIV-XVII вв. Представители всех без исключения ремесел и цехов, подобно, купечеству, развили в период позднего средневековья свои социальные жаргоны и специальные языки. Так, например, язык печатников первоначально был близок к языку ученых и поэтому воспринял много латинских слов. На языке купечества во все периоды истории сильно сказывается иностранное влияние. Вначале языком купечества была латынь. Позже появляются две разновидности немецкого купеческого языка, соответствующие двум большим районам Германии. В торговых городах Южной Германии возникает купеческий язык на южной основе. В районе же Ганзы складывается нижненемецкий по своему характеру профессиональный язык, который приобретает влияние далеко за пределами немецких языковых областей. Он испытывает также воздействие со

стороны Голландии, Северной Франции и Англии. Вместе с упадком Ганзы этот язык исчезает.

В вопросах выделения критериев классификации социальных диалектов мнения лингвистов не совпадают. Так, например, В. Д. Бондалетов полагает, что «общей чертой всех языковых образований, включаемых в категорию социальных диалектов, является ограниченность их социальной основы: они выступают средством общения, причем, как правило, дополнительным, отдельных социально-сословных, производственно-профессиональных, групповых и возрастных коллективов, а не всего народа и не всего населения региона. Возникая в ответ на различные профессиональные и групповые потребности отдельных коллективов, социальные диалекты всегда сосуществуют с другими формами существования языка, которые всегда выступают как первичные, опорные, основные, а социальный диалект – как дополнение к ним» [4, с. 68]. Э. Г. Туманян, в свою очередь, считает, что «основным признаком социального диалекта является его классовый характер, т. к. он относится не к какой-либо профессии, а к социальной прослойке в целом. Вторым дифференциальным признаком является тот факт, что носители этого диалекта используют его почти во всех условиях коммуникации. Третьим дифференциальным признаком социального диалекта является его тенденция к обособлению от общенародного языка вследствие того, что социальный диалект в лингвистическом плане выражается в нарушении норм, в отклонении от системы общенародного языка» [13, с. 81].

Согласно концепции В. Д. Бондалетова к социальным диалектам относятся:

1. Собственно профессиональные «языки» (лексические системы), например, рыболовов, гончаров и др.;
2. Групповые, или корпоративные, жаргоны, например, учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных коллективов;
3. Условные языки (арго) ремесленников-обходников, торговцев и близких к ним социальных групп;
4. Жаргон (арго) деклассированных [4, с. 68].

По мнению Л. П. Крысина, профессиональные «языки» – это дополнительные к основной форме существования языка лексические системы, свойственные представителям определенного занятия, промысла, а также профессии или отрасли производства. Профессиональные «языки» не являются языками в полном смысле этого слова. Их собственно языковая часть ограничивается специализированной лексикой, частично словообразованием и не распространяется на звуковой и грамматический строй. Использование профессиональных жаргонов зависит от условий общения (ситуации, цели, темы, адресата). В этом отношении профессиональные жаргоны подобны стилям литературного языка. Однако, в отличие от стилей, каждый профессиональный жаргон имеет строго определенную, и притом ограниченную сферу, в которой он используется и за пределами которой он непонятен. Профессиональный «язык», таким образом, совмещает в себе коммуникативные признаки стиля и социальные признаки корпоративного (группового) жаргона. Важным обстоятельством при характеристике

профессионального «языка» выступает тот факт, что «по мере углубления специализации наук и производства происходит дальнейшая дифференциация профессиональных жаргонов» [8, с. 72].

Групповые жаргоны, в свою очередь, порождены не потребностью в названии новых, сверх обычных, «общенародных», профессиональных понятий, а стремлением дать общеизвестным понятиям свое обозначение, отличающееся новизной и экспрессией.

Как считает Э. М. Береговская, лексика жаргона – это параллельный ряд слов и выражений, синонимичных первичному, нежаргонному ряду. Поскольку жаргонизмами обозначают в основном уже известное (предмет, качество, состояние), то здесь речь идет о синонимах не понятийных, а почти исключительно экспрессивно-оценочных, чаще всего стилистически сниженных. Оценивая статус молодежного сленга автор уточняет, что «как все социальные диалекты, он (молодежный сленг) представляет собой только лексикон, который питается соками общенационального языка, живет на его фонетической и грамматической почве» [3, с. 32-40]. При этом, «номинативная функция жаргонных слов и оборотов оказывается вторичной – на первом месте стоит функция эмоционально-экспрессивная. Правда, здесь необходимо сделать одну существенную оговорку: для фактов и понятий, особенно актуальных в молодежном быту и сознании, жаргон вырабатывает обозначения, детализирующие то, что не имеет отдельных обозначений в литературном языке». [8, с. 77].

Понятно, что жаргон порождается социально-психологической общностью его носителей – обычно молодых людей, которым свойственны максимализм, свое представление о жизненных ценностях, норме поведения, свой особый стиль и манеры, чувство солидарности. В связи с этим групповой жаргон – символ принадлежности к данной социальной группе, и показатель ее языкового существования, проявление специфической субкультуры. Находясь на периферии форм существования языка, условные языки или аргю являются лексическими системами, предназначенными для выполнения преимущественно конспиративной функции. Потребность в пользовании тайным, непонятным для непосвященных языком возникает у социальных групп, стремящихся сознательно изолировать себя от «других», от основной части общества. При этом то, что является причиной возникновения данной формы существования языка, сливается с целями, которые преследуются ее носителями. В. А. Аврорин, в свою очередь, полагает, что «...никакой диалект, в том числе и социальный, не преследует цели изоляции. Последняя является причиной возникновения и существования диалекта» [2, с. 36]. Автор усматривает в данном случае видимое отождествление цели изоляции с причиной возникновения и существования; методологически эти понятие разграничиваются, что подтверждается конкретной трактовкой условного языка: «существенное различие между социальными диалектами и «тайными языками» типа аргю состоит в том, что первые для отдельного их носителя универсальны и достаточны, тогда как вторые по самой своей природе не могут считаться ни универсальными, ни достаточными, обслуживая не весь народ, а лишь небольшую

его группу, и не во всех случаях жизни, а лишь при особых ситуациях общения» [2, с. 64].

Как подчеркивает В. Д. Бондалетов, цели засекречивания содержания речи бывают самыми разными - «и сохранение «тайн» своего ремесла (способа производства), и защита в условиях бродячей жизни, и свободная беседа о своих делах в присутствии хозяина дома, и желание показать свое языковое превосходство перед незнающими их «языка», и соображения эвфемистического порядка» [4, 73]. В этом смысле условным языкам близки в функциональном плане «языки» тайных обществ, а также разновидности, обусловленные генерационными и гендерным факторами.

К одному из видов социальных диалектов традиционно относят арго деклассированных. Данный социальный диалект представляет собой совокупность слов и фразеологических оборотов, которые служат для группового общения деклассированных элементов, совмещая в себе три функции – конспиративную, экспрессивно-эмоциональную и экспрессивно-выразительную [3; 74]. По мнению Э. М. Береговской, «изучение и сравнение системы функциональных стилей разных языков приводит к выводу, что арго, как его не называй, – жаргон, сленг или социолект, – это не вредный паразитический нарост на теле языка..., а органическая и в какой-то мере, по-видимому, необходимая часть этой системы... это та лаборатория, в которой все свойственные естественному языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению» [3, 31-40].

ВЫВОДЫ

Таким образом, в современном обществе возникла новая структура социальной дифференциации языка, в которой многие издавна используемые категории (такие, как, например, „диалект“) наполняются новым содержанием [5]. В известной мере, оправданным представляется использование понятия “социолект“, как основной единицы социальной стратификации языка. Несмотря на наличие различных формулировок в определении понятия “социолект“, все их объединяет общий тезис о том, что это языковой вариант, типичный для определенной социальной группы носителей языка.

Список литературы

1. Андрущенко В. П., Горлач Н. И. Социология: наука об обществе: Учебное пособие для студентов вузов / В. П. Андрущенко, Н. И. Горлач // – Харьков, 1997. – 469 с.
2. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин // – Л. : Наука, 1975. – 276 с.
3. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания, 1996. – №3. – с.31-40.
4. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов // – М. : Просвещение, 1987. – 159 с.
5. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко // – Киев, 1998. – 254 с.; Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное

- исследование: автореф. дисс. на соискание уч. степени доктора фил. наук : спец. 10.02.19 – «Теория языка» / Т. И. Ерофеева / – СПб., 1995. – 32 с.
6. Кравченко А.И. Социология / А. И. Кравченко // – Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 384 с.
 7. Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П. Зарубежная социоллингвистика: Германия, Испания / Т. Б. Крючкова, Б. П. Нарумов // – Москва : Наука, 1991. – 157 с.
 8. Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин // – М. : Наука, 1989. – 188 с.
 9. Петренко А. Д., Петренко Д. А., Черныш И. В., Щелкова Е. Е. Понятие социального диалекта. / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, И. В. Черныш, Е. Е. Щелкова // – Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – №3. – с. 232-234.
 10. Петренко А. Д. (ред.) Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко // – Симферополь : Феникс, 2011. – 273 с.
 11. Петренко А. Д. (ред.) Социальные проблемы языковой вариативности / А. Д. Петренко // – Симферополь : Феникс, 2013. – 275 с.
 12. Петренко А. Д. (ред.) Социоллингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры / А. Д. Петренко // – Москва : Перо, 2015. – 490 с.
 13. Туманян Э. Г. Язык как система социоллингвистических систем / Э. Г. Туманян // – Москва : Наука, 1985. – 247 стр.

ПРО ДЕЯКІ ПРОБЛЕМИ СОЦІАЛЬНО-ФУНКЦІОНАЛЬНОЇ СТРАТИФІКАЦІЇ МОВИ

Петренко Д. А., Чернышова М. В.

Тема наукової статті знаходиться в руслі сучасних досліджень в галузі соціолінгвістики і соціофонетіки. Актуальність дослідження обумовлена все зростаючим інтересом лінгвістів до питань соціолектології, мовної ситуації, глобалізації, білінгвізму, ролі німецької мови в сучасному світі, міжмовної інтерференції, сфер комунікації і функціональних стилів, а також джерел мовних змін і динаміки розвитку системи мови.

Ключові слова: соціальний діалект, мовна варіативність, літературну мову, діалект, соціальна система.

CONCERNING SOME PROBLEM OF THE SOCIAL AND FUNCTIONAL STRATIFICATION OF THE LANGUAGE

Petrenko D., Chernyshova M.

The theme of the scientific article lies in the domain of modern researches in the sphere of sociolinguistics and sociophonetics. The actuality of the research is conditioned by constantly increasing linguists' interest in the questions of sociolectology, linguistic situation, globalization, bilingualism, the role of the German language in the modern world, interlingual interference, spheres of communication and functional styles, and in the ones of the sources of the linguistic changes and language system development dynamics as well.

Key words: social dialect, language variability, national language, dialect, social system.

УДК 811.161

НАРЕЧИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Сурган М. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: surik_m@rambler.ru*

В статье наречия рассматриваются как средство выражения оценки в Интернет-коммуникации. Оценка в наречиях актуализируется на уровне словообразования, выражается с помощью слов или целых высказываний.

Ключевые слова: категория оценки, наречие, оценочная семантика, Интернет-коммуникация.

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика развивается в рамках антропоцентрической научной парадигмы, что обуславливает особое внимание исследователей к проблеме способов выражения оценки в языке. Оценка рассматривается как универсальная лингвистическая категория, выступающая неотъемлемым компонентом коммуникации [4]. Познавая окружающий мир, человек накапливает объективные знания о действительности и параллельно формирует систему оценок объектов и явлений действительности [2]. Сегодня Интернет выступает не только в роли удобного средства передачи данных, но и является популярным каналом коммуникации, формирующим особую социокультурную среду. Исследование особенностей выражения оценки в Интернет-коммуникации представляется **актуальным** для осмысления специфики использования языковых средств как элемента формирования языковой картины мира.

Цель статьи – проанализировать активность использования наречий для выражения в Интернет-коммуникации (на примере городского форума Симферополя).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В нашем исследовании мы исходим из понимания оценки как компонента семантической структуры языковой единицы, определяющего отношение к предмету или явлению в зависимости от его соответствия или несоответствия требованиям субъекта [8]. Оценка тесно связана с прагматической функцией языка. Она проявляется в том случае, когда интерес субъекта смешается с объективного отражения действительности к достижению «определенного воздействия на адресата путем выражения своего отношения к миру» [15, с. 10].

Категория оценки в языке имеет многомерный характер, что обуславливает сложность определения границ оценочной семантики языковой единицы. Е.М. Вольф полагает, что это связано с языковой и речевой «вездесущностью» категории оценки. Исследовательница считает, что неоднозначное восприятие оценочной семантики конкретного слова и даже целого высказывания можно объяснить той субъективностью, которая присутствует в любой оценке.

«Очевидно, что и собственные свойства предметов, по крайней мере некоторые из них, не лишены субъективного аспекта... Самыми «объективными» являются признаки цвета и формы, однако и в них присутствует субъективный аспект» [4, с. 28].

Лингвисты не выработали единой концепции о месте оценочного компонента в семантической структуре лексической единицы. В. В. Виноградов считает, что оценку следует рассматривать не только как оттенок в лексическом значении слова, но как «возможный компонент его семантической структуры, причем такой компонент, который может модифицировать значение слова» [3, с. 29]. И. Арнольд и Т. Космеда полагают, что категория оценки реализуется в языке посредством коннотации [13]. Е. А. Селиванова, описывая оценку как элемент коннотативной составляющей семантической структуры слова, считает, тем не менее, что в ряде случаев оценочность может формироваться и денотатом значения лексической единицы [11].

Оценка как ценностный семантический аспект значения выражается в языке различными средствами. Е. М. Вольф отмечает, что оценка может актуализироваться с помощью элементов меньших, чем слово, т.е. на уровне словообразования, но может выражаться и с помощью целых лексических единиц, групп слов и даже высказываний [4].

Ученые обращают внимание на то, что оценочные слова, представленные в русском языке, разнообразны по структуре и семантическим особенностям. Значительным потенциалом оценочной семантики обладают наречия [1]. Необходимо отметить, что в данном исследовании мы исходим из узкого понимания наречия, отграничивая его от предикативов и модальных слов.

Нами были проанализированы тексты интернет-форума города Симферополя <http://simferopol.in/>. На форуме обсуждается жизнь города, а тематика бытовой повседневности позволяет объединить людей, относящихся к разным возрастным, социальным группам. Общение на форуме предполагает неофициальность и естественность речи. Материал для анализа отбирался методом сплошной выборки.

Во всех приводимых примерах сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

Оценочность пронизывает все уровни языка: фонетический, словообразовательный, лексический, синтаксический [2]. Так, в русском языке оценка может проявляться через словообразовательные средства, которые приносят в значение слова дополнительную информацию, благодаря чему формируется новая эмоционально-оценочная окраска. Г. А. Золотова выделяет аффиксы субъективной оценки: -оньк-, -онечк-, -охоньк-, -ёшеньк-, -к-, -ечк-, -оват-, -еват-, -ок-, -ик-, -чик-, -ишек-, -(и)ца. [6]. Наше исследование показало, что прием

формирования лексем с оценочной семантикой способом суффиксации характерен и для Интернет-коммуникации. «Сделали косметический ремонт музыкальной школы (выглядит **красивенько**)», «Сегодня проехал по этой улице, теперь сделали **отличненько**», «Но там цены выше. А народ **живенько** берет». Наречия красивенько, отличненько, живенько выражают положительную оценку, при этом суффикс -еньк- придает лексемам экспрессию ласкательности с оттенком усиления признака. «Иногда пляжи находятсядалековато, а слова турфирм "300 м до моря" надо трактовать как "300 м, если бы не было этой горочки"» «Итог: джип широковатовзял, мог бы эстетичнее повернуть». В наречиях далековато, широкогато суффикс -оват- указывает на ослабленное качество.

Префиксальный способ образования оценочных наречий имеет незначительную производительность, в ходе проведенного нами анализа, удалось выявить использования только одной приставки архи-, которая выражает наивысшую степень признака: «Если фотографии непубликовались ранее в каких-то изданиях под его именем - доказать авторские права **архисложно**», «Промышленность, работающую на газе, архитрудно перевести на другой вид топлива» «Давайте и АВАнет обсудим. Мне, как пожизненно забаненному на этом ресурсе это архи важно».

Зачастую оценка заложена в семантике наречия и, соответственно, проявляется на лексическом уровне языка.

Общая положительная оценка выражается с помощью таких наречий как: хорошо, идеально, красиво, отлично, аккуратно, здОрово и др.: «Новый регион вспоминает прошлого мэра как **хорошо** работавшего», «ул. 60-лет октября сделали **идеально**», «нужно подождать, все сделают **красиво**», «действительно здОрово получилось», «Мыло ручной работы **благоотворно** влияет на кожу», «есть интересная книжица «13 крымских архитекторов», читается **быстро и интересно**», «система лишения родительских прав **отлично** работает в направлении неблагополучных семей».

Для выражения общей негативной оценки используются наречия плохо, бестолково, недостаточно, неэффективно, дурно, глупо и др. : «Высказывать можно ЖЭКу, если дворники **плохо** улицу метут», «[автомобиль] **бестолково** осыпающий проезжающий транспорт градом щебня», «нормального магазина нет, зато есть **неэффективно** используемое помещение рынка», «Если этого не делать, то будет **дурно** пахнущая свалка», «Схема сбора денег по городу сформирована, **глупо** ожидать, что она изменится», «Потом мужик стал **навязчиво** приставать к пассажирам, не реагируя на замечания», «А знают ли дети, куда обратиться, если с ними обращаются **жестко**?».

Оценочную функцию могут выполнять разговорно-просторечные слова и жаргонизмы, т.е. стилистически маркированные лексемы. Такие лексические единицы, создавая атмосферу непринужденного общения, апеллируют к общепризнанным стереотипам оценочного восприятия действительности [8]. В Интернет-коммуникации разговорные, просторечные и жаргонные слова широко используются для выражения оценки: «чѐто **не шибко** заметна борьба-то с мусором», «Потому так **похабно** живет не только Крым», «очередной тазик на

летней весьма **нехило** влетел в бок иномарке», «горожане покупали квартиры, видя, как они **офигенно** тут порядок навели», «Как у нас работают законы? Отвечаю – **хреново** работают!», «На жигуле, гонял на всесезонке. **Фигово** держало дорогу что летом, что зимой».

По мнению исследователей, оценочные слова данного типа не нуждаются в словах-дескрипторах или в поддержке всего контекста. Семантическая структура подобных лексических единиц уже включает оценочную коннотацию [9].

Следует также обратить внимание на явление семантического переосмысления наречия в разговорной речи, в результате которого лексема приобретает новое оценочное значение: «В общем завуч **конкретно** растерялась». В приведенном выше примере наречие конкретно используется не в прямом значении «определенно, предметно, четко», а в значении «очень сильно», которое характерно для молодежного сленга.

Эффективным механизмом формирования необходимой оценки при употреблении нейтральной номинации является контекст. В данном случае оценка вкладывается в словесное окружение лексической единицы, а не в ее сему. Таким образом, «положительное или отрицательное значение у нейтрального слова развивается через формирование у него заданной коннотации при сохранении нейтральной семы» [7]. В определенном контексте лексема с положительным значением может поменять его на противоположное: «У нас дороги тоже очень **славно** отремонтировали». «Особенно **славно** смотрятся дорожные достижения мэрии на фоне отказа Крымтроллейбуса выпускать машины на убитую Ковыльную...». В «Современном толковом словаре русского языка» наречие славно трактуется как «Приятно, с удовольствием. ... част. разг. Употребляется при выражении одобрения, похвалы; соответствует по значению слову хорошо» [5]. В первом случае наречие славно в словосочетании **славно** отремонтировали употреблено в прямом значении и предполагает положительную оценку. Во втором случае контекст употребления наречия подразумевает негативную оценку.

Категория оценки в наречии зачастую является контекстуальной, т.е. вытекающей из особенностей синтаксической структуры предложения. И. А. Стернин разграничивает понятия узуальной оценки, закрепленной в значении самой лексемы и контекстуальной оценки, которая проявляется в авторском употреблении лексемы.

Ученый считает, что контекстуальная оценка возникает в результате изменения социальных условий употребления лексемы; под влиянием сочетающейся единицы [14]. «Они будут **методично** проталкивать это в нашей стране», «Сейчас будущее представляется мне в **совершенно** черном цвете», «Я говорю вообще про то, как **легко** сегодня утопить любую активность в информационном шуме», «Они же не о городе думают, здесь схема «**быстро и эффективно** попилить» деньги». Таким образом, восприятие и правильная интерпретация оценочной коннотации лексемы невозможны без учета компонентов прагматического контекста, таких как личность и коммуникативные цели говорящего, особенности адресата речи, общая специфика конкретной коммуникативной ситуации.

ВЫВОДЫ

Оценочность в языке можно рассматривать как элемент семантической структуры лексемы, который определяет отношение к объекту реального мира в зависимости от его соответствия или несоответствия требованиям субъекта. Оценка актуализируется на уровне словообразования, выражается с помощью слов или целых высказываний. В Интернет-коммуникации оценка может проявляться через словообразовательные средства, особой продуктивностью при этом отличается суффиксальный способ образования: красивенько, живенько, далековато. Оценочные лексемы созданные, с помощью приставок, встречаются значительно реже.

Оценочность наречий может быть обусловлена их семантическими особенностями, в частности общая положительная оценка выражается с помощью таких наречий как: хорошо, идеально, красиво, отлично, аккуратно, здорово, благотворно и пр., а негативная – с помощью наречий плохо, бестолково, недостаточно, неэффективно, дурно, глупо, навязчиво, жестоко и пр. На лексическом уровне оценка выражается также посредством разговорно-просторечных лексем и жаргонизмов: похабно, нехило, офигенно, фигово.

Важно учитывать, что оценка может актуализироваться не только отдельными лексемами, но и семантикой целого высказывания. Следовательно, восприятие и правильная интерпретация оценочной коннотации лексемы невозможны без учета компонентов прагматического контекста.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н. Н. Болдырев // С любовью к языку: Сб. научн. тр. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С. 103-114.
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М., 1972. – 614 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: АСТ, 2006.
6. Золотова Г. А. О категории оценки в русском языке / Г.А. Золотова. // Русский язык в школе. – 1980. – № 2. – С. 84–88.
7. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ. / Н. И. Клушина // Публицистика и информация в современном обществе (Сб. ст. под ред. проф. Г.Я. Солганика). – 2000. – С. 94-106.
8. Коробкова Н. В. Оценочные высказывания как средство характеристики языковой личности В. П. Тургеневой (по материалам писем) / Н. В. Коробкова // Спасский вестник – Вып. 12. – Тула : ИПП "Гриф и К", 2005 .
9. Мардиева Л.А. Лексико-стилистические средства ценностной характеристики мира / Л. А. Мардиева. // II Международные Бодуэновские чтения : Казанская лингвистическая

- школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.) : Труды и материалы : В 2 т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 157-159.
10. Савелова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия : дисс ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.А. Савелова – Архангельск, 2009. – 386 с.
 11. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
 12. Сковородников А. П. Оценочность / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Речевое общение. – 2006. – Вып.8-9 (16-17). – С. 174-180
 13. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.01./ Л. Г. Смирнова – Смоленск, 2013. – 610 с.
 14. Стернин И. А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж : Издательство «Истоки», 2011. – 150 с.
 15. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия – М. : Наука, 1986. – 141 с.
 16. Фомина Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю. А. Фомина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 16. – 2007. – №20 (93). – С. 149-156.

THE ADVERBS AS A MEANS OF EXPRESSING ASSESSMENT IN INTERNET

Surgan M. A.

The article is devoted to the analysis of the adverbs as a means of expressing assessment in Internet communication. Assessment is actualized at derivation level, with the word or the utterance.

Key words: the assessment category, the adverb, assessment semantics, Internet communication.

УДК 81'373.611.161.1

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДНОГО ЭМОТИВНОГО СУБСТАНТИВА

Чепурина И. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Симферополь*

В статье исследуется транспонирование в существительное и представление в языке понятия эмотивного действия-состояния. Выявляется осложнение производящей семантики в деривате различного рода дополнительными семами, вследствие чего эмотивное действие как субстанция представляется более конкретным, денотативным. Устанавливается, что отглагольный эмотив способен формировать более сложные структуры знаний, чем его мотиватор.

Ключевые слова: эмотивный дериват, синтаксическая и лексическая деривация, транспонирование, смысловая структура, синкретизм значений.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. Устойчивость интереса к словообразовательной семантике определяется тенденцией к исследованию словообразовательных явлений в аспекте системных отношений. Это находит свое выражение в изучении проблем мотивированности словообразовательных единиц, семантической соотносительности производных и производящих, словообразовательной синонимии и т. д.

Анализ публикаций. Наряду с исследованиями семантических взаимоотношений имен действия (Sv) и глагола (V), направленными на выявление грамматических признаков производящего в семантике производного (см. работы Е. С. Кубряковой, В. А. Кудрявцевой, В. Н. Хохлачёвой, Э. А. Шагинурова и др.) всё чаще предметом глубокого и всестороннего анализа становится лексический план соответствия V и Sv (см. работы Н. Д. Гариповой, Н. С. Дмитриевой, З. А. Монастыренко, Л. М. Новиковой и др.). В данном аспекте актуальным, на наш взгляд, представляется словообразовательно-ономазиологический аспект возникновения именных производных, появление так называемых лексических и синтаксических дериватов от глаголов с эмотивным значением.

Цель статьи – с опорой на словарные определения исследовать особенности смысловой структуры исходных значений отглагольных дериватов. По мнению Ю. Н. Караулова, семасиологические исследования допускают методическое понимание семантических признаков как компонентов, манифестируемых словарными дефинициями, словами и синтагмами [6, с. 185].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

35% отглагольных эмотивных существительных свойственны толкования по формуле синтаксических дериватов (моносемичным именам в качестве единственных, полисемичным – в качестве исходных). Такие deverбаливы представляют «чистые» синтаксические дериваты, или «чистые транспозиты» (термин Ш. Балли), семантика которых определяется как «действие (состояние) по значению глагола» и выявляет тождественность лексического значения значению мотивирующих глаголов. Как правило, это Sv на *-ние*, мотивированные глаголами состояния или отношения, имеющими значение несовершенного вида и следующие структурные особенности: беспрефиксные основы (*любование, хваление, трепетание, брюзжание, почитание* и др.); суффикс *-ствова-* (*бодрствование, раболепствование, чувствование*); суффиксы вторичной имперфективации (*высмеивание, подбадривание, подтрунивание* и др.). Такие имена способны сохранять признак длительности глаголов несовершенного вида. В то же время «чистые» синтаксические дериваты от эмотивных глаголов, предполагающих сему 'речь', 'звучание' или 'поведение', являются носителями и конкретных смыслов: в контексте они способны приобретать значение «выражение эмоционального состояния или отношения». В качестве денотата выступают определённые звуки, жесты или действия. Конкретные семы манифестируются формами множественного числа. Ср. высказывания типа *Сзади раздавались подбадривания (подтрунивания, брюзжания): Подбадривания старших не помогли смутившемуся подростку*. В таких употреблениях отглагольные имена характеризуются как дериваты лексические. Одна и та же основа может быть транспонирована в один и тот же класс знаков с разными семантическими последствиями.

80 имён существительных, что составляет 40% общего количества исследованных субстантивов, представляют лексико-синтаксические дериваты, или так называемые «осложнённые транспозиты». В исходном значении они определяются через синонимы, называющие сами чувства, эмотивные состояния и отношения. Это своеобразные абстрактные понятия, где значение отвлеченного действия-состояния неразрывно слито с его содержанием, что приводит к ослаблению процессной семы и придаёт дериватам бóльшую лексическую определённость. Возможно, это некогда вторичные значения, так как «...слово может утрачивать первичную семантику опредмеченного действия и восстановить её бывает довольно трудно, ибо модель на *-ние*, по свидетельству А. Мейе, сделавшего сопоставления по словарям различных славянских языков и пришедшего к выводу об общеславянском происхождении данных существительных, относится к числу древнейших» [11, с. 92]. Например: *раскаяться* «почувствовать сожаление по поводу своего поведения, признать его ошибочным или дурным» → *раскаяние* «сознание своей вины, сожаление о совершенном поступке» и др. В приведённых толкованиях процессуальная сема ослаблена, тогда как в «чистых» синтаксических дериватах она выступает в качестве родового компонента. Аналогичные отношения наблюдаются в следующих коррелятах: *смутить(ся)* → *смущение*, *изумить(ся)* → *изумление*, *огорчить(ся)* →

огорчение и др., а также практически во всех парах с субстантивами синонимичной словообразовательной структуры, которые в целом отличаются большей семантической определённой (ср.: *расстроиться* → *расстройство*, *надругаться* → *надругательство*, *пристраститься* → *пристрастие* и др.).

Лексическая определённость исследуемых транспозитов объясняется и спецификой обозначаемого действия (состояния).

1. У эмотивов состояния и отношения накоплен достаточно ощутимый «аспект временного ограничения предельности. ...Эти глаголы обозначают дискретные действия со структурной способностью привести к некоему результату, у них достаточно отчётлив аспект предельности» [13, с. 142–143]. Следствием этого является проявление в семантической структуре производного имени данной группы результативной семы. Так, субстантивы *изумление*, *огорчение*, *сострадание*, *негодование*, *отчаяние*, *восхищение*, *смущение*, *раскаяние* и др. могут обозначать высокую степень концентрации чувства, что позволяет классифицировать их как имена с непредметным результативным значением. Синкретизм значения процесса и результата выразительнее в префиксальных глаголах, поскольку префикс актуализирует в глаголе семантику предельности. Некоторое «количество» предельности влияет на транспонирование глагольной семантики в имя [13, с. 143–144].

Именам состояния и отношения, как префиксальным, так и беспрефиксным, свойственна конкретизация значения, что находит выражение в формах множественного числа. Ср.: *И вдруг жизнь встает в таком разрезе, что все твои ошибки, неудачи, страдания – это абсолютно необходимая цепь к тому пониманию времени, которое ты, оказываешься, обрёл* (Ф. Искандер), где *страдания* – это определённые составляющие жизненного опыта, пережитые события. *Сегодня, как в семнадцатом году, нас опять захлестывают безумные надежды и угрюмые разочарования* (Ф. Искандер), где *разочарования* – конкретные негативные проявления современной действительности, а также события и происшествия, вызывающие состояние разочарования. Так, в текстовых условиях эмотивные существительные со значением состояния приобретают денотативную основу логико-предметного содержания. Конкретная семантика ряда таких субстантивов получает отражение в современных словарях: форма множественного числа подаётся как самостоятельная лексема, ср.: *терзаться* «испытывать сильные нравственные мучения; страдать» → *терзания* мн. «страдания, мучения»; *переживать* «перен. Испытывать какое-л. чувство – волнение, беспокойство и т. п. – в связи с чем-л., отзываясь на что-л.» → *переживания* мн. «впечатления, чувства, испытываемые, переживаемые кем-л.» [5].

По нашим наблюдениям, результативные смыслы свойственны также субстантивам от глаголов речевого эмоционального воздействия. Результативный компонент значения здесь является следствием глагольной потенциальной семы ‘цель высказывания’, которая выходит на первый план: данные единицы обозначают сознательные, целенаправленные действия, «цель которых состоит в том, чтобы нанести урон чьей-либо репутации, задеть человека, либо, напротив, возвысить его» [1, с. 164]. Поэтому производные делибераты часто совмещают

значение процесса и результата высказывания: *обида I* «оскорбление, огорчение, причинённое кому-л. несправедливо, незаслуженно; чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением». См. также совмещение значения отдельного акта действия и его результата в существительных *насмешка I* «обидная шутка по поводу кого-, чего-л.»; *шутка I* «забавная, остроумная, весёлая проделка, выходка или острота»; *издевка* «язвительная злая насмешка; издевательство» и др.

Контекст часто актуализирует результативный смысл в отглагольных эмотивах, ср.: Люди моего возраста прибегают к открыткам чаще всего либо в минуту **полного отчаяния** в чужом для них месте, либо чтобы просто как-то убить время (*И. Бродский*) – *прилагательное-определитель «полного» подчеркивает концентрацию чувства*; Чёрт знает что!.. – растерянно улыбаясь, сказал Толик. – Мне разрешили выезд... Если это, конечно, не чья-то шутка... Но я записал телефоны, можно проверить (*Ф. Искандер*) – *производное имя выполняет отождествительную функцию, в него сводится предшествующая ситуация, что усиливает результативный компонент семантики*. Выход тут только один: **покаянное проклятие** того рокового стихотворения, но **проклятие**, тоже **зафиксированное** в поэтическом произведении (*Ф. Искандер*) – *результативная семантика актуализирована употреблением эмотивного субстантива как закрытой структуры, не нуждающейся в дополнении (ср. с первым употреблением – проклятие (чего?) стихотворения), а также распространителем «зафиксированное»*.

2. Результативный смысл регулярно совмещается со значением проявления эмоций. Например: *Через несколько времени **возбуждение** взяло верх, он (больной) вскочил с постели и по-прежнему забегал по больнице* (*Вс. Гаршин*) – *результативность семантики субстантива усилена элементами «через несколько времени» (течение действия) – «взяло верх» (результат)*. Использование же именной формы как средства предварительного обобщённого введения ситуации, раскрываемой в последующем фрагменте текста рядом глагольных форм «вскочил», «забегал», эксплицирует значение «проявление эмоционального состояния»; *Толик **задохнулся от возмущения**, пытался что-то сказать, но вместо слов из гортани его вырвалось какое-то бульканье* (*Л. Филатов*); *Начальник королевской охраны и свита **замерли от негодования*** (*Ф. Искандер*) – имена «возмущение» и «негодование» обозначают концентрацию чувства, достигшую критического уровня, а основные предикаты «задохнулся», «замерли» – его крайнее проявление.

Положение о неразрывной связи внутренних переживаний и внешних физиологических реакций, составляющих в совокупности целостный психический процесс эмоции и чувства, общеизвестно [12]. В этой связи А. Вежицкая предлагает дополнить толкование эмоциональных глаголов ещё одним компонентом: «(X чувствовал что-то) поэтому X делал что-то)» [4, с. 40]. Так, семантика глагола уже задаёт данный признак, поскольку «выражение» эмоции представляет одну из необходимых характеристик исследуемого денотата. Ряду дериватов свойственны исходные значения с ядерными компонентами ‘выражение эмоционального состояния или отношения’. В словаре конкретная семантика может манифестироваться формами множественного числа, что свидетельствует об изменении грамматической характеристики данных имён. Ср.: *почитать* «уважать

кого-л., что-л., относиться с почтением к кому-, чему-л.» → *почести* мн. «внешнее выражение уважения, почтения к кому-, чему-л., публичное признание чьих-л. заслуг» (*принять кого-л. с почестями*) [5].

Закономерно, что значение выражения эмоции проявляется особенно чётко в глаголах, содержащих семы 'речь' и 'звучание'. Как отмечалось, они предполагают компонент целенаправленности, намеренности. Способом же достижения цели является словесный акт. Ср. усиление предметности в семантике следующего ряда лексем: *глумление* «действие по значению глагола глумиться; издевательство, злая насмешка» (синкретичное значение действия и его выражения); *укор* «упрёк, порицание», *упрёк* «укоризна, обвинение, высказанное кому-л. или по отношению к кому-л.» (преобладание предметного значения); *ругань I* «оскорбительные, грубые слова, которыми ругают» (предметное значение).

3. Значительной степенью конкретизации отличаются дериваты, имеющие значение **причины** действия или **состояния**, названного мотивирующим глаголом. Ср.: *уморить* 3 «насмешить до изнеможения» → *умора* «о ком-, чём-л. крайне **смешном**» (*начать говорить всякую умору*). Чаще значение «предмет как источник действия» исследуемые субстантивы приобретают в определённых синтаксических условиях: *чтение стихов –упоение*; *погода здесь – одно расстройство (огорчение, наслаждение)*; *сегодня море просто восхищение (восторг)* и пр. Значение **причины** может быть актуализировано в форме множественного числа: *пережить много огорчений (страданий, опасений)*, т. е. событий или происшествий, вызвавших эти огорчения, страдания или опасения. Н. Д. Арутюнова замечает, что по отношению к глаголам психического **состояния** и эмоционального воздействия **причина** не может рассматриваться как нечто внешнее. Она составляет **одновременно** содержание и наполнение эмоций [1, с. 177–178].

Значение **причины** чувства и его проявления находит самостоятельное выражение в словообразовательных параллелях на уровне однокоренных адъективов, например, *возмутительный* «вызывающий недовольство, негодование, гнев» (*возмутительный поступок, поведение*), *удивительный* «выражающий удивление (*удивительный взгляд*) и т. д. «...Влияние глагола на формирование производных существительных и прилагательных довольно однотипно, связано с объективацией реальных отношений между действием и предметом. Эти отношения формируют и смысловую структуру отглагольных прилагательных, отражающих признаки этих предметов» [10, с. 67]. Так, логически обязательные значения результата как определённой степени концентрации чувства, причины и внешнего его проявления составляют содержание и наполнение эмоции. Это определяет специфику семантики исследуемых глаголов, проявлением которой является совмещение в смысловой структуре деривата разных по типу сем. Определённые синтаксические условия, отражающие закономерности сочетательных возможностей существительных, обуславливают реализацию указанных скрытых значений девербатива. Следовательно, в процессе словообразования эмотивного имени

возникает не просто новое слово для выполнения новых синтаксических функций старыми значениями, но и новое слово с новой смысловой структурой, передающей новое содержание [7, с. 74].

Противопоставление «чистой» и «осложнённой» транспозиции в ряде случаев усиливается невыраженными компонентами словообразовательного значения, которые характеризуют действие с качественной и количественной стороны. Так, в процессе наименования эмотивных действий-состояний может актуализироваться их количественная характеристика, интенсивность, продолжительность. Ср.: *раздразнить* «привести в состояние недовольства, досады, злости» → *раздражение* «чувство острого недовольства, досады, злости»; *пристраститься* «приобрести постоянный интерес к занятию чем-л.; приохотиться к чему-л.» → *пристрастие* «сильная склонность, влечение к чему-л.» и др. Компонент, указывающий на силу проявления эмоции, способен формировать самостоятельный ЛСВ со значением степени интенсивности как «конечный» этап семантического развития деривата. Ср.:

Таблица 1

| | |
|--|---|
| <p>Ожесточить Сделать жестоким, безжалостным, озлобить // Вызвать внутреннее сопротивление, привести в раздражение.</p> | <p>Ожесточение 1. Действие к ожесточить – ожесточать и ожесточиться – ожесточаться. 2. Чувство ненависти, злобы, жестокости; ожесточённость. 3. Бóльшая сила проявления чего-л., крайнее напряжение, упорство.</p> |
|--|---|

Данное значение потенциально свойственно и существительным *пристрастие*, *отчаяние*, *раздражение*, *надрыв*. Ср.: Он работал с таким *рвением*, что ...; он говорил с таким *отчаянием* (*раздражением, надрывом*), что..., где эмотивы состояния актуализируют признак интенсивности эмоции.

Так, обогащая семантические возможности отглагольных эмотивных существительных, транспозиция делает допустимым восприятие эмотивного действия, процесса или состояния как отдельного субъекта или объекта. Ср.: *И никогда на шёпот искушенья Не преклонился я, хоть я не трус* (Пушкин) – субстанциональное начало актуализировано персонификацией *чувства* (искушение шепчет); *И ведаю: мне будут наслажденья... порой опять гармонией уплюсь, над вымыслом слезами обольюсь* (Пушкин) – бытийный тип высказывания, при котором субъект «низведён» (обозначен зависимой позицией «мне») и отсутствует объектная определённость, актуализирует предметные смыслы и способствует восприятию «наслаждений» как отдельного объекта; – *О если бы! – воскликнул я мысленно, пытаюсь совладать с разочарованием* (И. Бродский) – эмотив воспринимается как самостоятельный объект, вступающий в определённые отношения с «я» рассказчика, что актуализировано основным предикатом «совладать».

В последующих выражениях названия эмоций выполняют функцию надтекстового обобщения, переводя ситуацию в общечеловеческий план. Это способствует «экстеоризации» (термин Н. Д. Арутюновой) названных состояний и представлению их как отдельных, самостоятельных объектов, своеобразных аналогов предметов в невидимом мире [8, с. 176]. Ср.: *Странное это ощущение – наблюдать деятельность, не имеющую денежного выражения: никак не оцениваемую. Похоже на некий тот свет, пре-мир, и, вероятно, именно эта потусторонность и составляет знаменитое «очарование» Востока для северного скряги* (И. Бродский). Так проявляется значение транспозиции эмотивных глаголов в функционировании языка, отмеченное у Ш. Балли: «...благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки» [2, с. 143]. Возникая первоначально как синтаксический дериват, производный эмотив способен обрастать собственными коннотациями, вследствие чего сочетается с другими определителями, нежели соотносительный с ним глагол, например, *очарование* может оказаться «знаменитым», «монотонным», «дополнительным»; *разочарование* – «странным», «угрюмым»; *отчаяние* «историческим», «особым»; *наслаждение* – «таинственным»; *увеселения* «греховными»; *волнение* «трагикомическим»; *упоение* «безоглядным»; *вдохновение* «странным», *угрызения* «лингвистическими» и т. д. [примеры из произведений И. Бродского, Ф. Искандера, Л. Филатова]. Так, вступая в новые словосочетания, эмотивный дериват приобретает новые смысловые оттенки, отрывается от своего источника и начинает нуждаться в самостоятельной фиксации в словаре.

ВЫВОДЫ

Таким образом, синкретизм семантики мотивирующего глагола, диффузность его категориальных лексических сем (состояние, действие, воздействие, причина, проявление и т. д.) определяет диффузность семантической структуры имени существительного, в котором одновременно представлено процессуальное значение и само содержание эмоции. Оно неразрывно с «аспектом временного ограничения предельности» в семантике глагола, а также с такими характеристиками исследуемого понятия, как причина эмоции и её внешнее проявление. Наличие указанных дополнительных сем в производных эмотивах свидетельствует о том, что понятие эмотивного действия и состояния в языке не представлено автономно. Транспонируясь в имя, оно осложняется разного рода дополнительными семами. Эмоциональное действие и состояние, выраженное в языке как субстанция, более денотативно, более конкретно, чем выраженное глаголом.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 283 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / [под ред. С. А. Кузнецова]. – СПб. : Изд-во «Норинт», 2006.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000.
6. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
7. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
8. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988.
9. Словарь русского языка : в 4-х тт. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
10. Хамидуллина А. М. Характер глагольного действия и тип производной номинации / А. М. Хамидуллина // Исследования по семантике. – Уфа, 1990. – С. 61–69.
11. Шапошникова Л. В. Взаимодействие словообразовательной и лексической семантики в смысловой структуре отглагольных имён существительных на *-ние* / Л. В. Шапошникова // Семантические и словообразовательные отношения в лексике русского языка. – Куйбышев, 1981. – С. 88–94.
12. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности / Г. Х. Шингаров. – М. : Наука, 1971. – 223 с.
13. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск : Изд-во Томск.ун-та, 1979. – 242 с.

THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE DERIVATION EMOTIVE SUBSTANTIVE

Чепурина И. В.

The article examines the transposition into a noun and presentation in the language of the concept of emotive-action status. A complication of the producing semantics in the derivative of different kind with additional semes was revealed, as a result of which the emotive effect as a substance is more specific, denotative. It was founded that the verbal emotive is able to form more complex structures of knowledge than his motivator.

Key words: emotive derivative, syntactic and lexical derivation, transposition, meaning structure, syncretism of values.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Шевчук-Черногородова М. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
E-mail: marushechka@i.ua*

В статье анализируются устойчивые сочетания с компонентом цветообозначения в английском языке. Рассматриваются различные приемы семантических и структурно-семантических преобразований. Анализируются такие случаи преобразования устойчивых сочетаний: выделение, обособление отдельных компонентов фразеологического выражения, различные изменения компонентного состава и синтаксической структуры. По каждому пункту приводятся примеры из художественных и публицистических англоязычных источников.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, компонент цветообозначения, преобразование, микросистема.

ВВЕДЕНИЕ

Большинство устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения (далее УСКЦ) употребляется в английском языке в неизменном виде, как например: **red blood** (физическая сила, мужество) [1, с. 91]. *He looks so desiccated and dyspeptic – with no red blood in him* [2, с. 76].

Однако многие устойчивые единицы в речи подвергаются трансформациям. Лингвисты называют разные приёмы индивидуально-художественной обработки и употребления единиц фразеологического фонда. Наше исследование имеет **цель** представить подробную классификацию основных приёмов индивидуально-авторских преобразований устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Выделяются два типа преобразований: семантические и структурно-семантические преобразования.

К **семантическим преобразованиям** относятся семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру УС. К ним относятся следующие приёмы:

1. Приобретение устойчивым сочетанием дополнительного семантического оттенка. Например: **the red carpet** красный ковер, красная дорожка. *How do you think all those celebs stay sweat-free on the red carpet?* [6, с. 141]. В этом случае появляется дополнительное значение – торжественное мероприятие, выход на публику – которое проявляется в контексте всего предложения, например: *Just when you think you've seen the craziest celeb sightings, check out these A-listers working the*

red carpet or just doing the Hollywood hang [9, с. 35]. *Since her Destiny's Child debut, Beyoncé has brought tons of glamour to the red carpet, proving her perfume is not the only True Star* [9, с. 67].

2. Изменение коннотативного содержания УСКЦ. **Blue devils** 1) уныние, тоска; 2) белая горячка [1, с. 630]. Это УСКЦ нашло воплощение в названии команды Сайдвиндера: *A third threw a beer-bottle. As the car roared away, Paul could make out a bumper sticker pasted to the rear window. SUPPORT THE SEWINDER BLUE DEVILS, it read* [4].

3. Особо выделяются семантические преобразования, базирующиеся на образности УСКЦ:

а) Двойная актуализация (двойной семантический план). Под двойной актуализацией понимается совмещение фразеологического значения оборота и его внутренней формы, например: библ. **in the green wood/ tree** в дни молодости, расцвета. *He wanted to sport in the green woods, scratch where he itched, and drink from the same cup* [11, с. 158]. Автор употребил этот библеизм, актуализировав обе формы УС, таким образом, выражение «ему хотелось развлекаться в зеленых лесах» – иносказательно несет смысл «оставаться молодым».

б) Буквализация значения фразеологической единицы. При буквализации значения исходное, прямое значение сочетания, представляющее собой, обратную основу фразеологической единицы, не только актуализируется, но и выступает на первый план, часто противопоставляясь фразеологическому значению оборота.

В произведении Дж. Оруэлла “Animal Farm” нам встретился такой пример буквализации УСКЦ: **blue ribbon** 1) лента ордена подвязки; орден подвязки; 2) первый приз, высшая награда; 3) значок члена общества трезвости [1, с. 630]. *They were lust coming down the stairs when Mollie was discovered to be missing. Going back, the others found that she had remained behind in the best bedroom. She had taken a piece of blue ribbon from Mrs. Jones's dressing-table, and was holding it against her shoulder and admiring herself in the glass in a very foolish manner. The others reproached her sharply, and they went outside* [5]. С одной стороны, здесь говорится о голубой ленточке, найденной на столе у бывшей хозяйки, с другой стороны, это буквальное значение противопоставлено смыслу «высшая награда» – тому, чем явилась находка для Молли.

в) Экспликация внутренней формы УСКЦ. Раскрытие в контексте исходного образного представления, ситуации, явившихся базой фразеобразования. При этом фразеологическое значение, его индивидуальное употребление сопоставляется с мотивирующей его, «порождающей» ситуацией. Таким образом, прослеживается процесс переноса значения, охватывающий определённую композиционную часть текста. В одном из источников нам встретился такой пример: *If you work in a particular loud area, invest in a white-noise machine. Low-level, consistent background noise can help you tune out other sounds* [6, с. 153].

Структурно-семантические преобразования представляют собой смысловые преобразования, сопряжённые с изменением лексического состава и грамматической формы устойчивых сочетаний.

Различают два типа структурно-семантических преобразований:

- 1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества УСКЦ;
- 2) преобразования, в результате которых возникают окказиональные УСКЦ.

В результате структурно-семантических преобразований первого типа создаются различные индивидуально-авторские употребления УСКЦ, конкретизирующие и развивающие смысловое содержание, усиливающее экспрессивность, видоизменяющие эмотивно-оценочный план в пределах тождества устойчивых сочетаний. К таким преобразованиям относят следующие:

1. Изменение компонентного состава единицы.

1.1. Расширение состава. Например, окказиональные употребления УСКЦ, в которых отдельные компоненты или сочетания компонентов распространены словами свободного употребления:

a white lie невинная ложь [1, с. 451]. *This is a time when a tiny white lie is a kindness for everyone involved, says Charles* [6, с. 102].

a black look хмурый, злобный взгляд [1, с. 468]. *Again that black look of crevasse; the batty darkness under the meadow* [4]. *The woman had cut off his foot with an axe and his thumb with an electric knife, and here she was with a pile of caviar big enough to choke a warthog. And for a wonder, that black look of crevasse did not dawn on her face. She began to laugh with him, instead* [4].

once in a blue moon разг. раз в год по обещанию, в кой-то веки [1, с. 514]. *Get this surprising marriage fact: It's the little everyday events that impact your relationship's success the most, not the once-in-a-blue-moon big things* [6, с. 139].

1.2. Замена компонента словом или словосочетанием. Например: **to turn red** покраснеть [3, с. 779]. *Here it became apparent that Mr. Pilkington was about to spring some carefully prepared witticism on the company, but for a moment he was too overcome by amusement to be able to utter it. After much choking, during which his various chins turned purple, he managed to get it out: "If you have your lower animals to contend with," he said, "we have our lower classes!" This bon mot set the table in a roar; and Mr. Pilkington once again congratulated the pigs on the low rations, the long working hours, and the general absence of pampering which he had observed on Animal Farm* [5]. Как мы видим, здесь происходит замена именно компонента-цветообозначения на сходные цвета или оттенки, обладающие схожей символикой.

Еще один пример представлен заменой компонента не словом, а словосочетанием: **golden age** счастливая пора жизни [1, с. 33]

Beasts of England, beasts of Ireland,

Beasts of every land and clime,

Hearken to my joyful tidings

Of the golden future time... [5].

Интересно, что употребления выражения *the golden future time* актуализирует значение будущей счастливой жизни животных – жизни свободной, в которой нет места людям.

Были зафиксированы еще 2 примера замены компонента *age* в данном УСКЦ: *We must keep a record of her **golden months**...* [1, с. 39]. *That's frightening because this condition increases the risk of heart disease – which has helped make type II a leading cause of death among women between the ages of 45 and 64. Left untreated, it can also result in poor circulation..., adult blindness, and kidney failure. Although these conditions won't likely appear until **your golden years**, you're more apt to develop them the longer your blood sugar is uncontrolled* [7, с. 48].

a black look хмурый, злобный взгляд [1, с. 468]. *She stared at him, that **furious black gaze**, and must have seen the truth in his face, because after a moment she slung him contemptuously back in the chair* [4].

В данном примере сочетаются два приема: замена компонента УС *look* синонимом *gaze* и расширение состава конкретизирующим прилагательным *furious*.

1.3. Сокращение компонентного состава (эллипсис). При этом смысловое содержание УСКЦ сохраняется, но часто становится менее интенсивной экспрессивность, менее яркой – образность. **to drag или to draw a red herring across the path** (намеренно вводить в заблуждение; отвлекать внимание от обсуждаемого вопроса; сбивать с толку) [1, с. 385]. *And there was no one! But it was to be **a useful red herring** later* [2, с. 274]. Этот исконно английский фразеологизм, связанный с охотой, буквально означает «волочить по земле мешок с копчеными селедками», чтобы создавать искусственный след при тренировке охотничьих собак.

2. Изменения в расположении компонентов.

2.1. Дистантное расположение компонентов, связанное с их смысловым выделением, обособлением. Нами зафиксирован случай такого преобразования: **red wine** (красное вино). *We had a carafe of **wine** with dinner – **red** to go with the meat – and Lenny asked me to marry him* [10, с. 79].

2.2. Синтаксическая инверсия как средство усиления экспрессивности, смыслового выделения компонентов: **look black** (выглядеть сердитым, мрачным; хмуриться) [8, с. 469]. *She was deeply embarrassed but the same time pleasurably thrilled. How – **how black Simon Doyle was looking*** [2, с. 122]. С помощью такой перестановки компонентов автор добивается усиления экспрессивности выражения.

3. Дифференцируются внутренние и внешние синтаксические преобразования УСКЦ. Внешние морфологические преобразования – нормативные видоизменения грамматической формы компонентов в пределах морфологической парадигмы. Внутренняя морфологическая трансформация – изменение грамматической формы УСКЦ, не входящие в разряд нормативных реализаций членов морфологической парадигмы, выражающие семантику индивидуальных употреблений устойчивых единиц. Например: **red in the face** багровый от усилия или раздражения [1, с. 57]. *Simon got still **redder in the face*** [2, с. 183].

Различают также внешние синтаксические преобразования УСКЦ – нормативные синтаксические видоизменения в рамках синтаксической парадигмы и внутреннюю синтаксическую трансформацию – изменения внутренней

синтаксической структуры. Например: **red in the face** багровый от усилия или раздражения [1, с. 57]. *Thankfully, both of them thought it was funny, but my face was certainly red!* [6, с. 176]. **a black look** хмурый, злобный взгляд [1, с. 468]. *"Just what, Mister Man?" she persisted, and he saw with alarm that the narrow look was growing blacker and blacker. The crevasse was spreading, as if an earthquake was going on behind her brow* [4]. В этом примере имеют место и другие виды преобразований, такие как расширение состава и морфологическая трансформация в пределах морфологической парадигмы.

4. Переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот.

Например, в журнале Redbook мы обнаружили в рубрике Weddings gone wrong (way wrong) статью с названием **Not-so-white-wedding** [7, с. 82]. В этом случае представлен вариант выражения **white wedding** *свадебная церемония, все атрибуты которой подчеркивают непорочность невесты* [3, с. 829].

5. Изменение, расширение лексико-семантической сочетаемости УСКЦ. Часто эти виды преобразования встречаются в комбинации с другими структурно-семантическими трансформациями, например: **a white-collar job** *амер. работа в учреждении, конторе, «чистая работа»* [3, с. 838].

"Well..." He shrugged. "He doesn't look like a go-getter".

"What does that mean? He has his own lawn mower repair shop. He must move his tail, or he'd never be able to make a living at lawn mowers".

"That's what I mean. He isn't well, what you'd call a white collar worker".

That did not sit well with me/ I do not like snobbery [10, с. 33].

red flag красный флаг [3, с. 603]. *If your pelvic pain is so severe you're doubled over, or if it's accompanied by any of the following red-flag symptoms, head to your local emergency room...* [6, с. 58].

6. Полная деформация. При этом отдельные компоненты могут употребляться обособленно, не вступая в синтаксические связи, или употребляются в качестве смысловых центров сочетаний, коренным образом отличающихся структурой и лексическим составом от исходного УСКЦ.

Например, выражение **everything goes dark before one's eyes** *в глазах потемнело*, полностью трансформировано, осталось лишь прилагательное **black**, перекликающееся с исходным **dark**. *I cried out again as another pain shot through me. Sweat broke out on my forehead and the trees above me seemed to tilt and sway. Chris disappeared, and a few minutes later, my world went black* [64, с. 93].

7. Использование отдельных компонентов, выражающих элементы фразеологического значения, например: **green with envy** *снедаемый завистью, позеленевший от зависти* [1, с. 245]. *"Did you see the look on your dad's face?" he asked, wiping his eyes with his fingers. "He was almost green. I really laid it on heavily, didn't I?"* [10, с. 42].

Второй тип структурно-семантических преобразований УСКЦ – преобразования, в результате которых возникают окказиональные слова и фразеологические единицы, авторские афоризмы, например: **see red** *(прийти в ярость, рассвирепеть, быть ослепленным яростью)* [1, с. 666].

В тексте нам встретился такой случай авторского преобразования: замена глагольного компонента: *to see > to go*. В этом предложении УСКЦ несет огромную эмотивную нагрузку, указывает на степень напряженности ситуации, доведенной до крайнего предела. С другой стороны красный цвет – это цвет крови, героиня в этом отрывке говорит о своем желании убить соперницу. Фраза представляет собой восходящую градацию, где *it all goes red* служит некой аллюзией убийства, смерти, как бы указывает заранее на то, что прольется кровь.

But I'm afraid – yes, afraid sometimes – it all goes red – I want to hurt her – to stick a knife into her, to put my dear little pistol close against her head and then – just press with my finger [2, с. 62].

Окказиональные УСКЦ могут базироваться на преобразовании категориального значения фразеологических единиц, например: **to catch smb red-handed** застать кого-либо на месте преступления, захватить с поличным [1, с. 624]. *Read on and find out how to finesse your way out of even the most complicated caught-red-handed moments* [6, с. 100].

red blood физическая сила; мужество, смелость [1, с. 91]. *So I did what any red-blooded American women would do, I started snooping* [10, с. 81].

Окказиональные УСКЦ – образные сравнительные обороты, в которых образ сравнения возникает на базе образной основы фразеологизмов. Например, Агата Кристи создает выражение *in a white-hot rage*, которое связано с УСКЦ **white heat** *белое каление* и которое можно перевести «в неистовстве, в состоянии сильного гнева». *She's hot-blooded – and she's got an ungovernable temper. I shouldn't be surprised at her doing anything while she was in a white-hot rage* [2, с. 110].

Окказиональные УСКЦ могут возникать на основе определенных литературных сюжетов, например, **the white knight**:

As we were coming in from the car, one of Lenny's sacks sprung a leak. A man came hurrying across the lawn at a gallop. "didn't know him, but I'd seen him around the building a few times.

"Hold on! The White Knight to the rescue!" he called. He had a cardboard box in his hand and he used it to scoop up the things that had fallen [10, с. 32].

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы видим, что УСКЦ являются единицами контекста. И хотя, большинство устойчивых сочетаний употребляется в неизменном словесном составе, им присуща и вариативность: возможно выделение, обособление отдельных компонентов фразеологического выражения, различные изменения компонентного состава и синтаксической структуры; в контексте могут возникать и новые единицы, и новые значения. Таким образом, демонстрируется динамический характер данной системы, ее открытость к различным структурно-семантическим изменениям.

Список литературы

1. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 6-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 2005. – 944 с.
2. Кристи А. Смерть на Ниле / Агата Кристи. – М.: Менеджер, 2004. – 288 с.
3. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюлер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. – 8-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 880 с.
4. King St. Misery / Stephen King. 1987. – 236 p.
5. Orwell George. Animal Farm / George Orwell. 1946.
6. Redbook. – N-Y, August 2004. Vol. 203. No.2. – 178 p.
7. Redbook. – N-Y, June 2004. Vol. 202. No.6. – 178 p.
8. Sutton Place Story // Selected Stories of John Cheever. – М.: Прорпеец, 1980. – 344 с.
9. Teen People. – N-Y, February 2005. – 124 p.
10. The Best of True Confessions. – N-Y, Spring 2005. No. 84. – 104 p.
11. The Country Husband/ Selected Stories of John Cheever. – М.: Прорпеец, 1980. – 344 с.

**TRANSFORMATIONS OF THE FIRM UNITS WITH
THE COLOR COMPONENT IN ENGLISH**

Shevchuk-Chernogorodova M.

The functioning of the firm combinations with the color components has been analyzed in the article. Various methods of semantic and structural-semantic transformations have been considered. Such cases of transformation of firm combinations as allocation, isolation of separate components of phraseological expression, various changes of component structure and syntactic structure have been analyzed. On each point the examples from English sources were given.

Key words: firm unit, color component, transformation, microsystem.

УДК 81'367:82-92

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО СИНТАКСИСУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ

Яценко Т. А., Чабаненко Т. С.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: t-yashchenko@ya.ru, kostina-tatyana@mail.ru*

В статье представлена концепция учебного пособия по синтаксису для студентов, обучающихся по специальности «журналистика». Излагается структура учебного пособия, охарактеризован основной материал для упражнений и практических заданий. Авторы представляют типы вопросов и заданий, организующих самостоятельную работу студентов, предлагаются разные виды работы с медиатекстами. Пособие призвано повысить профессиональную компетенцию будущих журналистов.

Ключевые слова: синтаксис, учебное пособие, журналистика, медиалингвистика, медиатекст.

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике, в соответствии с антропоцентрической/антропологической парадигмой исследования, утвердился функционально-коммуникативный и лингвокогнитологический подход к изучению синтаксиса. К традиционным объектам изучения синтаксиса прибавляется текст как синтаксическая единица высшего порядка (А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова, Н. К. Оніпенко, С. Ю. Сидоова, Е. А. Стародумова и др.), что нашло отражение в учебниках и учебных пособиях [1; 4; 5; 8].

Учебные пособия по синтаксису нового поколения строятся с учетом требований современной российской образовательной системы: модульный подход к изучению материала; использование новых образовательных технологий, методов дистанционного обучения [2; 10].

Показательно, что в учебных пособиях для студентов-журналистов синтаксические единицы изучаются не только с позиции медиалингвистики с опорой на медиатекст [3], но и непосредственной связи с вопросами культуры речи и стилистики [9], в продолжение традиций, заложенных Д. Э. Розенталем. В учебных пособиях для журналистов используются дискурсивные методы исследования [7].

Представленные достижения современной лингвистики и лингводидактики, безусловно, учитываются в практике преподавания лингвистических дисциплин студентам-журналистам Крымского федерального университета. Но специфика образовательной подготовки студентов-журналистов в Крыму заключается в том, что они нуждаются не только в профессиональном курсе медиалингвистики, но и в системном изучении современного русского языка, что объясняется следующим: 1) в соответствии с программой, действовавшей в крымских школах до 2014 – 2015

учебного года, русский язык, в частности, синтаксис, изучался поверхностно, поэтому выпускники недостаточно владеют базовыми лингвистическими понятиями и, соответственно, лингвистической терминологией; 2) у студентов отсутствуют фундаментальные знания в области синтаксической системы русского языка.

Представленные положения обуславливают **актуальность** создания учебного пособия по синтаксису для студентов специальности «журналистика», направленного на то, чтобы ввести будущих журналистов в современную синтаксическую проблематику, актуализируя все общеграмматические знания; опираясь на полученные теоретические знания, сформировать умения анализировать и продуцировать медиатекст, а также продолжить ознакомление студентов с медиалингвистикой как новой гуманитарной дисциплиной.

Цель статьи заключается в представлении основных лингводидактических положений, на которых базируется названное учебное пособие.

Новизна концепции учебного пособия по синтаксису состоит в следующем: 1) системное представление основных теоретических положений современного синтаксиса с активным использованием в качестве иллюстративного материала современных медиатекстов различных жанров; 2) систематическое использование для практической работы материалов классических русских публицистических текстов, с которыми выпускники наших школ мало знакомы; 3) последовательная реализация межпредметных связей с такими учебными дисциплинами, как «Медиалингвистика», «Теория текста и произведения», «Жанрология», «Стилистика и культура речи»; 4) ориентация на современные концепции развития высшей школы: компетентностный подход к образованию, значительное увеличение роли самостоятельной научно-исследовательской и индивидуальной работы со студентами в учебном процессе; Учебное пособие ориентировано на формирование у студентов всех компетенций, предусмотренных учебной программой, а именно: ОК-6, ОПК-15, ОПК-17, ПК-4.

Практическая значимость пособия заключается в том, что изложенные в нем теоретические положения и практические материалы могут найти применение в разных аспектах будущей профессиональной деятельности выпускников университета.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Структура пособия. Пособие состоит из введения, пяти разделов, списка литературы и терминологического словаря. Содержание разделов соответствует разделам учебной программы: Синтаксис как раздел языкознания и его роль в профессиональной подготовке журналиста (раздел 1); Словосочетание как номинативная синтаксическая единица; особенности функционирования в медиатекстах различных жанров (раздел 2); Предложение как коммуникативная синтаксическая единица. Основные типы предложений (раздел 3); Простое неосложненное предложение. Особенности функционирования в медиатекстах

различных жанров (раздел 4); Осложненное простое предложение: особенности функционирования в медиатекстах различных жанров (раздел 5).

Каждый из разделов включает следующие элементы, позволяющие организовать самостоятельную работу студентов: основные теоретические положения; основная и дополнительная литература по теме; вопросы для самоконтроля; эвристические вопросы и задания; схемы и образцы анализа; планы практических занятий; варианты тестовых заданий по теме; варианты модульной контрольной работы и образец ее выполнения.

В тексте разделов термины и терминологические сочетания выделяются полужирным шрифтом для того, чтобы студенты сами могли найти необходимую им информацию в терминологическом словаре, размещенном в конце учебного пособия.

Охарактеризуем подробнее различные типы вопросов и заданий для самостоятельной работы студентов.

Вопросы для самоконтроля ориентируют на систематизацию материала по определенной теме, на проверку качества его усвоения, на необходимость повторного обращения к теоретическим положениям, которые оказались наиболее сложными для усвоения. Например, к вопросам для самоконтроля по разделу «Словосочетание как номинативная синтаксическая единица» относятся следующие: *Зависит ли вид подчинительной связи в словосочетании от характера синтаксических отношений?; В каких грамматических категориях могут согласовываться главный и зависимый компоненты в словосочетании?*

Эвристические вопросы нацелены прежде всего на развитие аналитического логического мышления, на формирование умений научной аргументации, на развитие умений и навыков правильного использования синтаксических конструкций. Приведем примеры формулировок эвристических вопросов к этому же разделу: *Считаете ли Вы возможным использование в медиатексте словосочетаний с нарушением современных норм согласования и управления? В каких ситуациях это возможно?; Если бы Вы вели занятия в школе юных журналистов, на какие особенности словосочетаний вы обратили бы особое внимание?*

Основным материалом для упражнений и практических заданий послужили: оригинальные современные медийные тексты различных жанров, фрагменты из публицистических произведений русских писателей, материалы теоретических работ по журналистике и медиалингвистике, отрицательный языковой и речевой материал, извлеченный из письменных работ абитуриентов и студентов. Использовались также данные Национального корпуса русского языка. При подборе материалов для заданий учитывается специализация студентов: печатные СМИ, теле- и радиожурналистика, реклама и связи с общественностью. Учащимся предлагается анализировать, корректировать, редактировать и продуцировать медиатексты различных жанров.

Самостоятельный анализ студентами медиатекстов различных типов базируется на знании общих положений о видах медиатекстов, синтаксических знаниях и умениях, а также на представленных преподавателем плане и образце

анализа. Например, после изучения раздела «Простое осложненное предложение» предлагается выполнить анализ медиатекста по плану, включающему экстралингвистические и лингвистические аспекты: студенты обращают внимание на канал распространения текста, на его функционально-жанровый тип, на сочетание вербальных и невербальных средств коммуникации и др.; определяют связь внеязыковых и языковых особенностей текста; вносят предложения по редактированию текста и др.

Отметим, что схемы анализа синтаксических единиц (словосочетаний, предложений) являются важной составляющей учебного пособия. Они помогают студентам систематизировать полученные знания, а образцы выполнения синтаксического разбора, модульных контрольных работ особенно значимы в процессе самостоятельной работы, так как выступают в качестве позитивного примера.

Ряд заданий по анализу медиатекстов дает возможность студентам самостоятельно прийти к выводу об особенностях функционирования синтаксических единиц в различных жанрах журналистики. Например, в ходе изучения темы «Грамматические и речевые правила конструирования словосочетаний со связью “согласование”» студентам предлагается проанализировать употребление словосочетаний со связью «согласование» в разнотипных текстах (новостной текст, научно-популярная статья, реклама и др.) и сделать вывод о роли словосочетаний этого типа в медиатекстах разных жанров.

Еще один вид работы – грамматико-стилистическая правка текста и расстановка знаков препинания в исправленном тексте или в отдельных абзацах. Также студентам предлагаются задания на грамматическую трансформацию текста с целью выработки навыков использования синонимичных синтаксических конструкций. При этом возможна тестовая форма контроля. Тестовый контроль используется также при усвоении теоретических понятий синтаксиса и закономерностей функционирования определенных синтаксических единиц.

Практические задания для самостоятельной работы на примере одного и того же текста могут носить комбинированный характер, будучи направленными не только на формирование умений и навыков в области изученного грамматико-стилистического и пунктуационного материала, но и на повышение уровня речевой культуры, формирование коммуникативной и профессиональной компетенции. Так, после изучения темы «Осложненное простое предложение» предлагается комплекс заданий по фрагменту очерка Е. Л. Маркова «Южный берег» [6]. К очерку предлагаются такие задания: А. Определите жанровое своеобразие текста. Б. Выделите однородные члены предложения; определите их роль в содержании, структуре и выразительности текста; обратите особое внимание на функции парного соединения однородных членов. В. Выделите обособленные второстепенные члены предложения и определите их синтаксические функции в предложении. Охарактеризуйте роль обособленных членов предложения в коммуникативном содержании и выразительности текста. Обратите особое внимание на функции уточняющих обстоятельств. Г. Выделите вводные слова и конструкции; определите их место в модальной рамке текста. Д. Найдите современные публицистические

материалы, посвященные Южному берегу Крыма. Охарактеризуйте их жанровую специфику. Представьте общий синтаксический анализ, обратив особое внимание на осложненные простые предложения.

Особое место в самостоятельной работе студентов занимают задания на продуцирование медийных текстов. Приведем пример задания по теме «Функционирование простых предложений в медиатексте»: Составьте медиатекст, включающий различные типы простых предложений. Прокомментируйте особенности их функционирования. Как показывает педагогический опыт, задания такого типа выполняются учащимися с большим интересом и развивают их творческие способности.

Концепция и учебные материалы, предлагаемые в пособии, прошли апробацию в читаемом курсе «Медиалингвистика (синтаксис)» «Теория текста и произведения», отчасти – в курсах «Русский язык и культура речи», «Основы стилистики и культуры речи», а также при руководстве написанием курсовых, бакалаврских и магистерских работ.

ВЫВОДЫ

1) Учебное пособие по синтаксису простого предложения для студентов специальности «журналистика» призвано не только познакомить будущих журналистов с фундаментальными положениями синтаксиса, но и способствовать повышению их коммуникативной и профессиональной компетенций.

2) Для достижения данной цели необходимы: тщательный отбор материала (медиатексты различных жанров, теоретические работы по журналистике и т. д.), и четкая система развивающих заданий и эвристических вопросов.

3) Структура учебного пособия максимально ориентирована на самостоятельное изучение дисциплины студентами, что отвечает основным тенденциям современного высшего образования.

Перспектива работы заключается в создании учебного пособия по синтаксису сложного предложения и синтаксису текста.

Список литературы

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : МГУ, 2000. – 502 с.
2. Гасанова С.Х. Современный русский язык. Синтаксис. / С. Х. Гасанова, Т. Ю. Султанова. – Махачкала : ДГПУ, 2014. – 230 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. — 203 с.
4. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : ИПО Лев Толстой, 1998. – 528 с.
5. Казарина В. И. Современный русский литературный язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения: Практикум / В. И. Казарина, О. А. Селеменова. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – 338 с.
6. Марков Е. Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории, природы / Е. Л. Марков. – К. : Издательский дом «Стилос», 2009. – 511 с.

7. Петрова Н. Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии : учебное пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 160 с.
8. Синтаксис современного русского языка: учебник для филологических специальностей университетов СНГ/ Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 347 с.
9. Солганик Г. Я. Стилистика современного русского языка и культуры речи: учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. журналистики высших учебных заведений / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.
10. Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2005. – 142 с.

LINGVODIDAKTICHESKY BASES TEXTBOOK SYNTAX FOR JOURNALISM STUDENTS

Yashchenko T. A., Chabanenko T. S.

The article introduces the concept of a textbook on the syntax for students majoring "journalism". Presents the structure of a textbook, it described the basic material for exercises and practical tasks. The authors present the types of questions and tasks, organizing independent work of students, there are different kinds of work with media texts. The manual is intended to enhance the professional competence of future journalists.

Key words: syntax, tutorial, journalism, mediallyngvistik, media text.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Алиева
Асие Дамировна студентка второго курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
2. Ачилова
Вера Павловна кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
3. Блинова
Анастасия Викторовна аспирант 2-го года обучения кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
4. Бломквист
Юлия Сергеевна ассистент кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
5. Богданович
Галина Юрьевна доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики, директор Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

6. Бридко Татьяна Владимировна кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
7. Валеева Любовь Каримовна старший преподаватель кафедры иностранных языков Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
8. Величко Мария Игоревна магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
9. Гладких Ольга Игоревна кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
10. Гуменюк Виктор Иванович доктор филологических наук, профессор, завкафедрой украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
11. Демидец Ольга Николаевна магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

12. Дехтярева Елена Витальевна кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
13. Доминенко Наталья Викторовна кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
14. Дьяконова Карина Юрьевна учитель английского языка МБОУ СОШ №13, г. Симферополь
15. Жуков Анатолий Евгеньевич студент филологического факультета, специальность «Украинский язык и литература» ДонНУ, г. Донецк
16. Зябрева Галина Александровна кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
17. Коновалова Елена Анатольевна кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
18. Кривенко Оксана Вячеславовна соискатель кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

19. Лучинкина Ирина Сергеевна магистрант Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
20. Макаренко Светлана Игоревна аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
21. Малярчук-Прошина Ульяна Олеговна кандидат филологических наук, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
22. Мащенко Александр Петрович кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
23. Митина Елена Андреевна магистрант кафедры теории языка литературы и социолингвистики Институт иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
24. Орехов Владимир Викторович доктор филологических наук, профессор ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

25. Орехова Людмила Александровна доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
26. Охременко Александра Александровна аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
27. Первых Диана Константиновна кандидат культурологии, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
28. Первых Вадим Владимирович аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
29. Петренко Александр Демьянович доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

30. Петренко
Даниил
Александрович кандидат филологических наук, заведующий
кафедрой немецкой филологии Института
иностранной филологии Таврической
академии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
31. Посохова
Екатерина Васильевна кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков №2 Института
филологии Таврической ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
32. Рейзова
Эльвина Мурадовна магистрант кафедры теории языка, литературы
и социолингвистики Института иностранной
филологии Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
33. Рыжикова
Марина Дмитриевна кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики Института иностранной
филологии Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
34. Северина
Анастасия Николаевна магистрант Института иностранной
филологии Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
35. Супрун
Алёна Викторовна магистрант кафедры украинской филологии
факультета славянской филологии и
журналистики Таврической академии ФГАОУ
ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

36. Сурган
Марина
Александровна ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
37. Чабаненко
Татьяна Сергеевна кандидат филологических наук, ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
38. Чепурина
Инна Владимировна кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
39. Чернышова
Марина Викторовна кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
40. Шевчук-
Черногородова
Мария Алексеевна кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

41. Шилина
Анжела Григорьевна доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Научно-
методического центра полилингвального
образования Таврической академии ФГАОУ
ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
42. Шиманович
Анна Николаевна кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики Института иностранной
филологии Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
43. Щербачук
Лидия Федоровна кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского, славянского и общего
языкознания Таврической академии ФГАОУ
ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
44. Яблоновская
Наталья Всеволодовна доктор филологических наук, профессор
кафедры межъязыковых коммуникаций и
журналистики факультета славянской
филологии и журналистики Таврической
академии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
45. Ященко
Татьяна Антоновна доктор филологических наук, профессор
кафедры межъязыковых коммуникаций и
журналистики факультета славянской
филологии и журналистики Таврической
академии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

| | |
|--|---|
| Богданович Г. Ю. | |
| Нужен ли языковой кодекс? | 3 |
| Мащенко А. П. | |
| Борьба за Крым в политическом и информационном пространстве: историческая ретроспектива | 8 |

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

| | |
|--|----|
| Яблоновская Н. В. | |
| И. Гаспринский о функциях газеты «Терджиман» | 17 |

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

| | |
|---|----|
| Бломквист Ю. С. | |
| Социально-психологический аспект поздней прозы Р.Киплинга (на материале рассказа «Мэри Постгейт») | 24 |
| Гуменюк В. І. | |
| Мемуарний твір Валентини Настіної «На відстані серця» в контексті соціокультурних та літературних традицій | 31 |
| Дехтярева Е. В. | |
| Функціонування фразеологічних одиниць з діалектним компонентом у мові художніх творів | 36 |
| Доминенко Н. В. | |
| Сюжетно-композиційна організація матеріала в епістолярному наслідуванні англійських романтиків | 41 |
| Жуков А. Є. | |
| Інтерпретація проблеми сучасного материнства на прикладі драми В. Винниченка «Закон» | 47 |
| Зябрева Г. А., Блинова А. В. | |
| Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» і «Записки із мертвого дому» Ф. М. Достоєвського: паралелі і пересечення | 52 |
| Кривенко О. В. | |
| Магічні коди творів Марії Матіос | 58 |

| | |
|--|-----|
| Макаренко С. И. | |
| Роман Е. Г. Криштоф «Мальчики и девочки»: сюжетные линии и построение образов | 64 |
| Орехов В. В. | |
| Публикации А. С. Хомякова в контексте литературной борьбы за национальный имидж | 72 |
| Орехова Л. А. | |
| Литературно-критические воззрения Д. М. Княжевича (по публикациям в «Санкт-петербургском вестнике» 1812 года) | 80 |
| Охременко А. А. | |
| Литературный образ крима в творчестве И. М. Муравьева-апостола и К. Н. Батюшкова | 89 |
| Первых Д. К., Первых В. В. | |
| Военные корреспонденции Н. В. Берга в журнале «Москвитянин» (1855 г.) | 96 |
| СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ | |
| Posokhova E., Diakonova K. | |
| Alternative methodologies in language teaching | 105 |
| Бридко Т. В., Митина Е. А. | |
| Языковые проблемы межкультурной коммуникации на территории англоговорящих стран | 110 |
| Valeeva L. K., Luchinkina I. S. | |
| The process of teenagers' ethnic socialization | 115 |
| Коновалова Е. А. | |
| Особенности использования официальных формул и статусных обращений в современном русском языке | 119 |
| Петренко А. Д., Петренко Д. А. | |
| Формирование языковой способности детей и роль языкового инпута | 126 |
| Рыжикова М. Д., Северина А. Н. | |
| Средства введения коммуникативных имплицатур в телевизионной рекламе (на материале английского языка) | 132 |
| Шилина А. Г. | |
| На пути к поликультурному миру: медиалингвистические особенности функционирования терминов беженец, мигрант, переселенец в контексте информационно-психологической войны (на материале интернет-практик России, Крыма и Украины) | 136 |

| | |
|--|-----|
| Шиманович А. Н., Алиева А. Д. Специфика фразеологической микросистемы «положительные эмоции человека» в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков)..... | 145 |
| Щербачук Л. Ф. Фразеологическая репрезентация морально-этических маркеров в русском, украинском и польском языках | 150 |

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

| | |
|---|-----|
| Гладких О. И., Величко М. И. Зоонимы «собака», «dog», «el perro» в русской, английской и испанской лингвокультурах..... | 157 |
| Малярчук-Прошина У.О. К вопросу о тропах как способе выражения оценки в медиатекстах | 162 |
| Шиманович А. Н., Рейзова Э. М. Отражение явления терроризм языковыми средствами современного английского языка (на материале англоязычных СМИ)..... | 168 |

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

| | |
|--|-----|
| Ачилова В. П. Непрямі спонукальні висловлення в драматичній поемі Лесі Українки «Оргія» | 175 |
| Гладких О. И., Демидец О. Н. Особенности этноминаций в американском варианте английского языка (на примере иммигрантов из Латинской Америки) | 181 |
| Дехтярева Е.В., Супрун А.В. Щодо морфологічної структури особових імен-комполит в українській мові | 185 |
| Петренко Д. А., Чернышова М. В. О некоторых проблемах социально-функциональной стратификации языка | 190 |
| Сурган М. А. Наречие как средство выражения оценки в интернет-коммуникации | 197 |
| Чепурина И. В. Семантическая структура производного эмотивного субстантива | 203 |
| Шевчук-Черногородова М. А. Преобразования устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения в английском языке | 211 |

СОДЕРЖАНИЕ

Яценко Т. А., Чабаненко Т. С.

| | |
|--|-----|
| Лингводидактические основы учебного пособия по синтаксису для студентов-журналистов..... | 218 |
| Сведения об авторах..... | 224 |